
ОГОНЁК
№ 18 МАЙ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

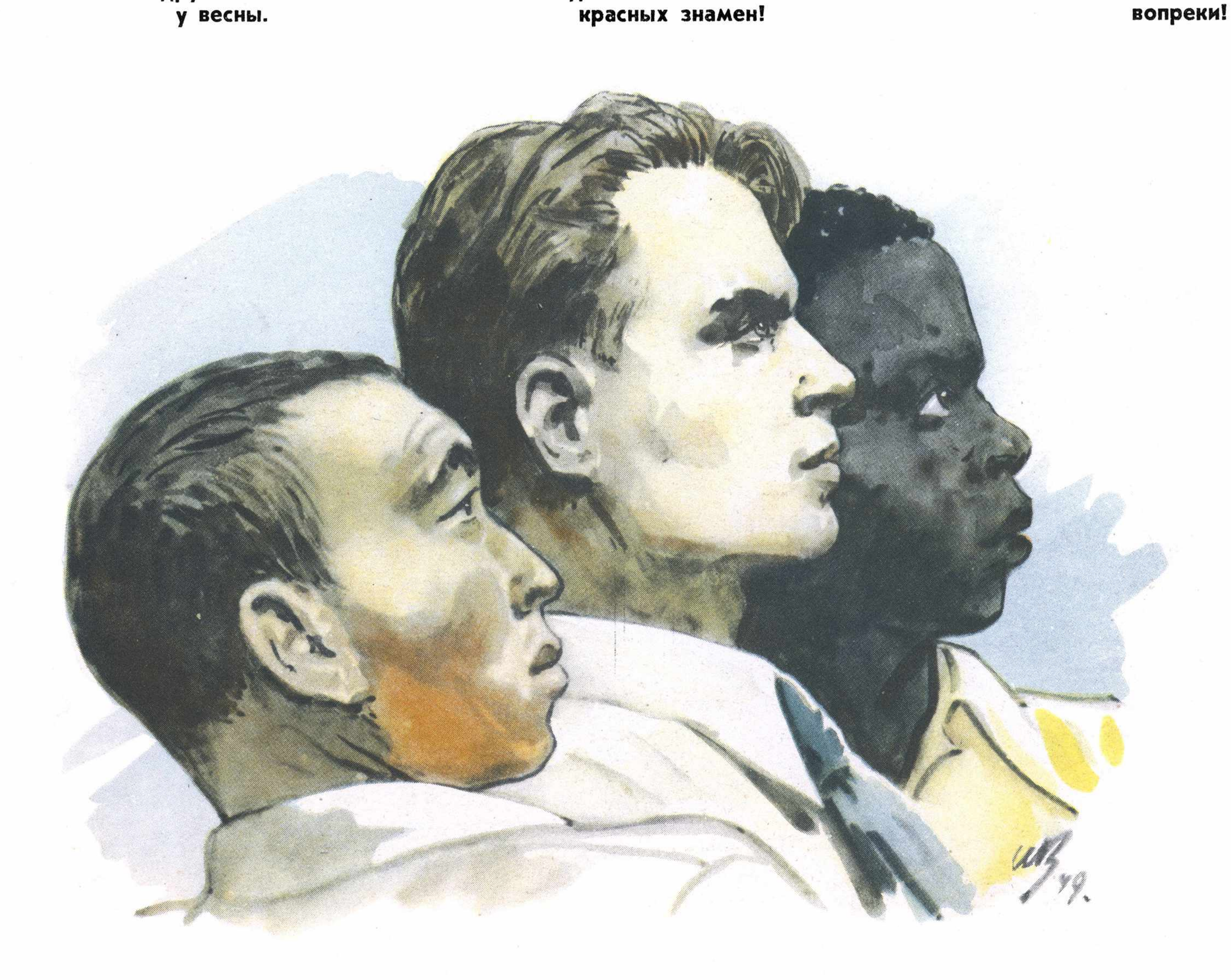
Утро Мая

Семен КИРСАНОВ

Утру синему,
свежему,
юному —
настежь окна!
Лучи принимай!
Вопреки
Ачесону
и Трумэну —
всходит солнце,
настал Первомай.
Рассвело,
и на сборные пункты
мы пришли,
веселы и верны!
Наши майские птицы
не спугнуты
скрипом перьев
над пактом войны.
Мы боязни
не ведаем
давящей,
нам не снятся
зловещие сны —
много
верных
у мира товарищей,
вдоволь
смелых друзей
у весны.

Мы взялись
в демонстрациях
за руки,
мы —
за новое Завтра
борцы,—
локоть к локтю
вот тут,
у Москвы-реки,
сердце к сердцу
вон там,
у Ян-Цзы;
по французскому городу
древнему,
мимо серых дворцов
у реки,—
вопреки
Жюлю Моку
и Бевину,
полицейской стрельбе
вопреки!
Вопреки им
варшавские улицы
вновь растут
из района в район,
вопреки им
планета
волнуется
майской жаждою
красных знамен!

Вопреки им
сады
разрастаются,
дышат новые зарева
домн
и колхозная
электростанция
входит током
в отстроенный дом!
Сколько свежих цветов,
сколько к вечеру
разноцветных огней
на домах!
Вопреки
твердолобому
Черчиллю —
у весны
богатырский размах!
Славься,
сила советская,
майская!
Выше,
к свету,
лицо запрокинь!
Солнце
нашей страны
подымается
самым темным ночам
вопреки!

ОГОНЁК № 18 (1143) 1 МАЯ 1949

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Генералиссимус Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

СМОТР БОЕВЫХ СИЛ

Е. СКЛЕЗНЕВ

Свежий весенний ветер развевает сегодня алые знамена над бесчисленными колоннами трудящихся всех национальностей и рас. Он разносит над земным шаром боевые песни людей труда — борцов против насилия и капиталистического рабства, стойких солдат необозримой армии сторонников мира, свободы и братской дружбы между народами.

Славный праздник 1 Мая человечество встречает в различных условиях. Свободно и радостно отмечают его советские люди и граждане стран новой демократии, сбросившие с себя цепи империализма. На полях боев, в сраженьях и походах отсалютуют сегодня в честь первомайского праздника свободолюбивые китайцы и греки, партизаны Индонезии и Вьетнама. Сквозь кордоны полицейских пронесут свои красные стяги труженики Нью-Йорка и Парижа, Сиднея и Брюсселя. Но на всех языках мира, во всех частях земли в этот день прозвучат пламенные слова, полные воли и силы: «За мир во всем мире!», «За демократию и социализм!», «Против подлых поджигателей новой войны — американских империалистов и их лакеев!»

Человечество не хочет войны. Слишком свежи еще раны, нанесенные ему фашизмом, слишком ясны гнусные замыслы новых людоедов, вынашиваемые в той же берлоге капитализма, чтобы простые люди позволили себя одурачить и вовлечь в кровавую бойню.

— Не разжигайте пламя новой войны! — гневно заявили могильщикам с Уолл-стрита участники Всемирного конгресса сторонников мира. Это заявление прозвучало достаточно громко: его сделали представители 600 миллионов людей — почти одной трети человечества. На чашу весов истории легло веское мнение рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции — всех тех, без кого не удастся привести в движение чудовищный механизм войны.

С каждым днем ширится мировой фронт борьбы против клики черных рыцарей агрессии — англо-американских империалистов. Во главе этой борьбы неизменно идет великий Советский Союз, идет испытанный и закаленный авангард рабочего класса — коммунистические партии. Они насчитывают теперь в своих рядах только в странах капитализма 18 миллионов человек. Коммунисты вооружены самым грозным для старого мира — мира эксплоатации и угнетения — оружием — непреоборимым учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Их воля — воля сотен миллионов трудящихся.

Как боевая перекличка перед лицом грозящей опасности, прозвучали недавно заявления руководителей братских коммунистических партий об их позиции в случае возникновения войны против Советского Союза. Смело и мужественно предостерег новых претендентов на мировое господство Морис Торез — руководитель коммунистической партии Франции. Он сказал, что если бы Советская Армия, защищая дело народов, дело социализма, была принуждена, изгоняя агрессоров, вступить на территорию Франции, то огромное большинство французских трудящихся приветствовало бы солдат освобождения, как приветствовали их трудящиеся Польши, Румынии, Югославии и других стран.

О своей непреклонной решимости схватить в случае необходимости англо-американских агрессоров за руку заявили руководители коммунистических партий Италии, Англии, США, Норвегии, Дании, Австрии, Германии, Канады, Мексики, Австралии и других стран. Их голос — голос сотен миллионов тружеников!

Преступные действия поджигателей новой мировой войны вызывают тревогу у всех честных людей мира, объединенных в самые различные политические, общественные, профсоюзные, культурные организации, и даже людей, обычно стоящих в стороне от политики. В этом наглядное доказательство того, как растет изоляция англо-американских империалистов, ненавидящих нашу страну — эту великую цитадель социализма.

— Мы отказываемся воевать против Советского Союза,— заявил Дж. Джекобс, секретарь исполкома лондонского совета профсоюзов, объединяющего свыше 600 тысяч трудящихся.— Если Черчилль, Трумэн и Уолл-стрит хотят войны с Советским Союзом, они должны подготовиться к активной оппозиции со стороны рабочего класса и профсоюзного движения Англии.

Так подтверждаются глубоко мудрые слова И. В. Сталина, произнесенные им еще в 1925 году: «...наша страна уже не одинока, ибо у нее имеются союзники в лице рабочих Запада и угнетенных народов Востока. Едва ли можно сомневаться в том, что война против Советского Союза будет означать войну империализма против своих собственных рабочих и колоний».

Немало времени прошло с тех пор, как были произнесены эти слова. И с каждым годом все меньше воды падает на мельницу капитализма, ибо в наш век все дороги ведут к коммунизму!

На этом победоносном пути советский народ, ведомый славной партией большевиков, мудрым Сталиным, совершил много великих дел и покрыл свои трудовые и боевые знамена неувядаемой славой. Он превратил СССР в великую индустриально-колхозную державу, не знающую кризисов и безработицы — этих неизлечимых язв капиталистического строя. Он неизмеримо поднял свою социалистическую культуру, и к активной творческой жизни пробудились люди всех языков и наречий, населяющие необъятные просторы нашей Отчизны. Наш народ, народ-богатырь, в единоборстве с гитлеровской Германией переломил хребет фашистскому зверю и тем избавил мир от смертельной опасности.

Все это уже прочно записано на страницах истории. История поведает грядущим поколениям и о том, как в результате великой победы Советского Союза над фашизмом на путь социализма встали народы стран новой демократии. И вот уже трудолюбец-чех сам управляет национализированными фабриками и заводами, и рачительный землепашец-румын собирает урожай на бывших помещичьих землях, и польский ученый ведет к высотам знаний детей рабочих и крестьян.

Страны народной демократии связаны с Советским Союзом прочными узами дружбы и взаимопомощи. Об этом ярко сказал Энвер Ходжа — председатель Совета министров Народной республики Албании.

— Наш народ,— заявил он,— не жалеет сил, чтобы быть достойным той большой поддержки, которую вы оказываете нам. Он идет вперед, следуя вашему славному примеру. Вашей героической борьбой против немецких оккупантов вы принесли нам драгоценную свободу. Вашей экономической помощью вы безмерно помогаете нам строить счастье, жизнь для нашего народа и будущего поколения нашей родины.

Следуя славному примеру первого в мире социалистического государства, идут в бой против старого мира и трудящиеся Востока.

Во весь свой могучий рост распрямился китайский народ. Районы, контролируемые Народно-освободительной армией, насчитывают уже свыше 200 миллионов населения.

По-новому строит свою жизнь народ дружественной нам Корейской народно-демократической республики. С оружием в руках прокладывают себе путь к свободе и независимости труженики Индонезии и Вьетнама, Малайи и Бирмы. Все более могучим и несокрушимым становится лагерь приверженцев социализма, все больше приближается к могиле отживающий свой век капитализм.

Понимая и чувствуя это, англо-американские империалисты с поспешностью обреченных пытаются повернуть колесо истории вспять. Стремление поставить народы Европы на колени, закабалить их и превратить в покорных рабов породило пресловутую «доктрину Трумэна», а затем «план Маршалла», о котором так правильно сказал поэт:

> «Бряцая оружием, сея страхи,
> Грозя растоптать и сжечь,
> Они под шумок сдирают рубахи
> У ближних с костлявых плеч.
> Шантаж называя долгом высоким,
> Обман громоздя на обман,
> Они выжимают последние соки
> Из обескровленных стран».

Своекорыстным и хищным обитателям Уолл-стрита и Сити невыгоден мир. Они опасаются нового экономического кризиса, падения прибылей, роста безработицы, толкающей тружеников на путь борьбы за свои права. Свое спасение они рассчитывают найти в новой мировой войне, свое благополучие они надеются упрочить на новых миллионах жертв. Ведь известно, что за пять лет второй мировой войны американские корпорации из крови и пота народов выкачали 42,3 миллиарда долларов чистой прибыли. За пять же предвоенных лет они смогли получить «только» 15,3 миллиарда долларов. Значит, мир приносит капиталистам прямые убытки, а добрые отношения и дружба между народами лишают их крепкого сна.

С появлением одного из самых зловещих документов современности — Атлантического пакта — заговор сил реакции против мира, свободы и подлинной демократии нашел свое организационное оформление. Острие этого пакта, так поразительно напоминающего пресловутую «ось Берлин — Рим — Токио», направлено против Советского Союза и стран новой демократии, против национально-освободительного движения в странах Азии, против трудящихся тех стран, где еще хозяйничают короли биржи.

В арсенале поджигателей новой войны, этих учеников цепного пса капитализма Черчилля, есть и атомные бомбы, и «план Маршалла», и реактивные самолеты, и правые социалисты — надежные подручные империалистической шайки. Но у них нет и не будет самого главного и решающего — поддержки простых людей, покорности угнетенных и эксплоатируемых. Поэтому нет у них веры в завтрашний день капитализма.

Это завтра принадлежит другому лагерю — миролюбивым народам, во главе которых стоит могучий и незыблемый Советский Союз. Правительство страны социализма неизменно руководствуется в своей внешней политике указанием товарища Сталина, данным им в 1944 году: «Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то по крайней мере в течение длительного периода времени».

Многое для этого уже сделано, многое еще предстоит совершить. И нас не пугают истерические вопли поджигателей войны. Нас не поставят на колени никакие «блоки» и «пакты», ибо

> «Стоит страна большевиков,
> Великая страна.
> Со всех пяти материков
> Звезда ее видна.
> И все дороги к счастью ей
> Открыты до конца.

И к ней — к стране, что всех родней.—
Устремлены сердца.
Ее не сжечь, не задушить,
Не смять, не растоптать.
Она живет и будет жить
И будет побеждать!»

По неписанной славной традиции, советские люди в день 1 Мая рапортуют родной большевистской партии, правительству, горячо любимому Сталину о своих трудовых успехах. Нам есть чему радоваться и есть чем гордиться! Наше народное хозяйство развивается без всяких кабальных займов извне, быстро и уверенно. Многие наши достижения довоенного времени уже далеко превзойдены. Все быстрее и быстрее идет вперед дружный многонациональный Советский Союз. Нам теперь по плечу такие грандиозные задачи, как великие сталинские планы создания еще более могучей индустрии, преобразования природы, выращивание совершенно новых сортов растений и плодовых деревьев, выведение новых пород животных, реконструкция столицы нашего государства — Москвы,— сплошная электрификация колхозной деревни и многое другое.

Ярким свидетельством успехов социалистического строительства является наш громадный бездефицитный бюджет на 1949 год, достигающий 415 миллиардов рублей. Почти 40 процентов этой суммы мы вкладываем в восстановление и развитие народного хозяйства, 30 процентов затрачивается на культурные мероприятия, на повышение благосостояния трудящихся. Свыше 34 миллионов школьников и около 2 миллионов студентов ежедневно заполняют многочисленные школы, техникумы и институты нашей страны, самой культурной страны мира.

В канун первомайского праздника исполнилось двадцать лет с того дня, когда большевистская партия обратилась ко всем рабочим и трудящимся крестьянам с пламенным призывом широко развернуть в стране социалистическое соревнование и этим обеспечить выполнение первой сталинской пятилетки. Призыв этот зажег сердца советских патриотов. Социалистическое соревнование, принявшее подлинно всенародный характер, помогло Отчизне в годы мира и в годы войны, превратило труд нашего народа в дело чести, славы, доблести и геройства.

Определяя соревнование как коммунистический метод строительства социализма, Иосиф Виссарионович Сталин с гениальной прозорливостью предвидел, что стахановское движение откроет нам «...тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим».

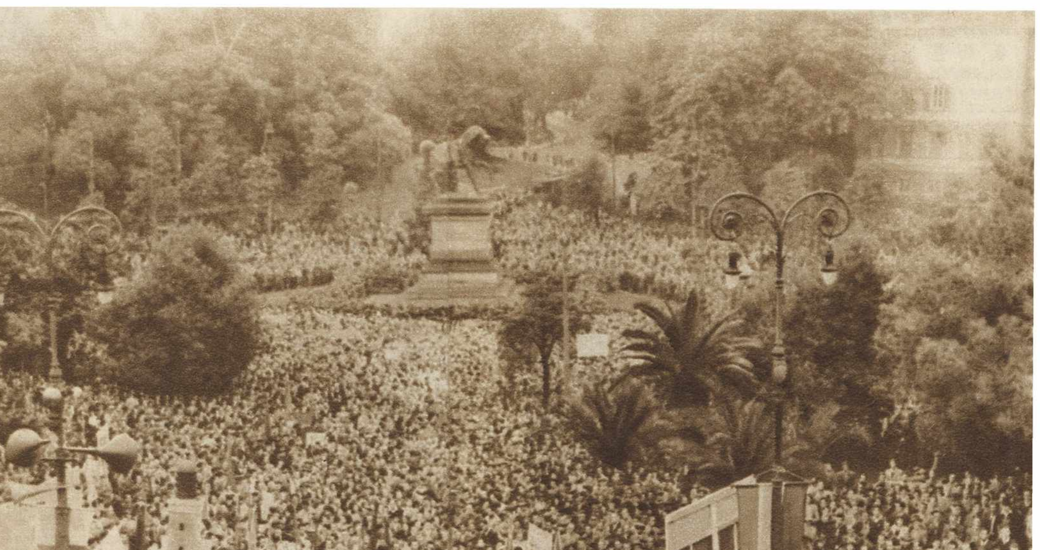
Стахановцы промышленности и сельского хозяйства своим созидательным трудом блестяще подтвердили эти мудрые слова своего вождя. Они выполняют и перевыполняют производственные планы, умножают богатства Родины, всемерно ускоряют построение коммунистического общества. И благодарная Родина возносит своих лучших сынов и дочерей на вершины славы и почета, заботливо помогает им в осуществлении их творческих дерзаний.

Наша наука, получившая при социалистическом строе безграничные возможности для своего развития, уже во многом превосходит достижения зарубежной науки.

Об этом можно судить, в частности, по опубликованному недавно списку лауреатов Сталинских премий.

Сотни новаторов советской науки и техники удостоены почетной награды за свои выдающиеся открытия и изобретения. Премии присуждены передовым физикам и математикам, химикам и биологам, агрономам и медикам, экономистам и историкам. Каждый из них значительно обогатил советскую науку, помог техническому прогрессу нашего социалистического народного хозяйства.

Прекрасны и достижения лауреатов Сталинской премии — практических работников производства: рабочих-стахановцев, бригадиров, командиров промышленности. Советские рабочие ведут самоотверженную борьбу за досрочное выполнение послевоенного пятилетнего плана. В этом чудесном всенародном движении, подобно ярким самоцветам, вспыхивают все новые имена наших несравненных умельцев, людей творческих и инициативных, таких, как Чуткиx, Борткевич, Угольков, Марков, Быков, Хрисанова и многие другие.

Массовый митинг в защиту мира на площади Корветто в Генуе (Италия). Генуэзцы заявляют о своем желании жить в мире и дружбе с народами Советского Союза.

Примечательно, что почин лауреата Сталинской премии Александра Чутких, инициатора борьбы за выпуск продукции отличного качества, быстро нашел в стране широчайшее распространение. Борясь за всемерное увеличение выпуска промышленной продукции, мы одновременно превращаем нашу советскую фабричную марку в лучшую марку в мире.

Среди новых лауреатов Сталинских премий мы видим замечательных писателей, композиторов, артистов, художников. Велик их вклад в общую сокровищницу нашей социалистической культуры. Глубоко понимая свой патриотический долг перед Родиной, они создают превосходные реалистические произведения литературы и искусства, произведения, которым чужды и враждебны буржуазный анархоиндивидуализм и космополитизм — это отравленное оружие международной реакции.

Лауреаты Сталинской премии — передовой отряд советской интеллигенции. Кровь от крови и плоть от плоти своего народа, наша интеллигенция неустанно содействует всемирноисторическому делу строительства коммунизма.

Советской интеллигенции чужда и омерзительна звериная философия буржуазии. Злобным словам предвестника фашизма Фридриха Ницше: «Нам надоел человек» — мы противопоставляем слова великого борца и человеколюба Максима Горького: «Все в Человеке, все для Человека». Вот почему в странах капитализма все больше усиливаются распад и гниение буржуазной культуры, а в Советском Союзе наша социалистическая культура расцветает и непрерывно обогащается.

Став хозяевами и творцами своей жизни, советские рабочие и крестьяне, ученые и писатели, музыканты и художники, люди всех национальностей и профессий работают с великой любовью к своему делу, к своей прекрасной социалистической Отчизне, к своему могучему, испытанному в боях авангарду — коммунистической партии.

Отлично понимая превосходство нашего общественного и государственного строя над любым другим строем, граждане СССР пламенно любят свою Отчизну и ненавидят ее врагов, несущих миру порабощение, проповедующих угнетение человека человеком. Чувство огромной гордости за свое первое в мире социалистическое Отечество порождает у советских людей твердую веру в свои неиссякаемые силы, в возможности безграничного экономического и культурного прогресса нашей Родины.

Наш могучий, талантливый, свободолюбивый народ всегда помнит гордые слова своего гениального вождя Иосифа Виссарионовича Сталина о том, что «последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства...» Советские патриоты не терпят низкопоклонства перед буржуазной культурой, идеологии космополитизма и решительно разоблачают все антинародные взгляды и суждения. Примеры этому — идейный разгром последователей реакционного идеалистического учения Вейсмана — Моргана в биологии, разоблачение советской общественностью ничтожных групп буржуазных космополитов, пытавшихся охаивать все новое и передовое в нашей науке, литературе, искусстве. С презрением отверг советский народ их жалкие «теории».

Всему миру видна наша прекрасная Родина — первая в борьбе против самодержавия и капитализма, колыбель социалистического общества, могучее советское государство, неколебимо стоящее на страже мира и безопасности народов. Всем, что свершено и достигнуто нами, всем, что задумано и будет выполнено, всем прекрасным, что уже познано и что ждет нас в коммунистическом обществе,— всем этим советский народ обязан славной и любимой партии большевиков, великому Ленину, великому Сталину.

И сегодня, в день боевого праздника международной солидарности, трудящиеся всех наших шестнадцати цветущих республик будут славить свою чудесную Родину, о которой так пророчески сказал вечно живой в сердце народа Владимир Ильич: «Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами».

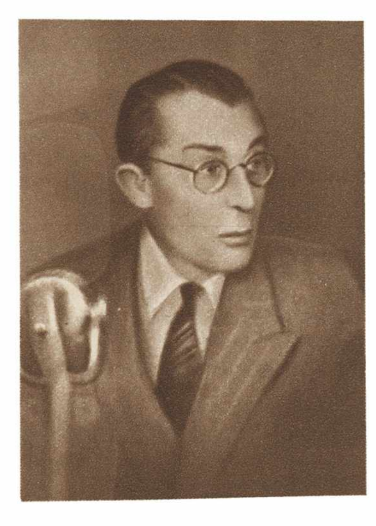
Путь народов —

Всемирный конгресс сторонников мира ознаменовал собой важный этап в борьбе прогрессивного человечества против сил империализма и агрессии.

Редакция журнала «Огонек» публикует полученные ею высказывания прогрессивных деятелей зарубежных стран о задачах борьбы за мир.

ФРЕДЕРИК ЖОЛИО-КЮРИ,

председатель Всемирного конгресса сторонников мира

Перед лицом надвигающейся опасности войны настало время объединить силы сторонников мира и прогресса. Шестьсот миллионов людей, представленные на конгрессе, твердо верят, что это собрание сторонников мира является великим актом гуманизма. Мы собрались не для того, чтобы просить мира или ограничиться только порицанием преступников, мы собрались для того, чтобы навязать мир поджигателям войны.

ЛУИ САЙЯН,

генеральный секретарь Всемирной федерации профсоюзов

Международное профсоюзное движение широко откликнулось на идею созыва Всемирного конгресса сторонников мира и оказало ему полную поддержку.

Конгресс объединил миллионы и миллионы мужчин и женщин всех стран мира — людей всех профессий и общественных слоев, всех рас и вероисповеданий. Такое тесное и всеобъемлющее единение демократических и прогрессивных сил мира должно принудить к отступлению поджигателей новой войны.

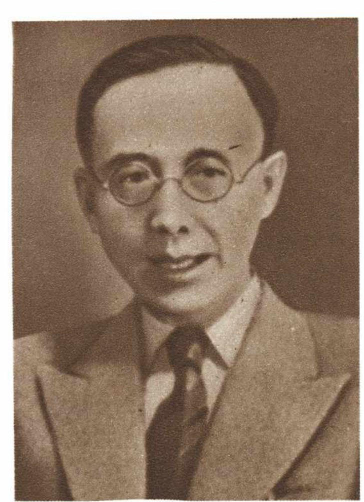
В конце февраля этого года исполком Всемирной федерации профсоюзов обратился с призывом к рабочим и работницам всех стран. Мы призвали рабочий класс быть в каждой стране тем стержнем, вокруг которого объединяются все сторонники мира и демократии. Мы призвали рабочих всех стран и континентов сплоченно бороться против преступных попыток вовлечь человечество в новую мировую войну, бороться за то, чтобы прочный и длительный мир между народами был обеспечен на деле.

Мы знаем, что поджигатели войны направляют острие своего заговора против Советского Союза и стран народной демократии. Всемирный фронт борьбы за мир должен сорвать эти зловещие замыслы.

Конгресс сторонников мира — знаменательный и победоносный этап на пути великого объединения друзей и сторонников мира на всем земном шаре.

ГО МО-ЖО,

писатель (Китай)

В течение последних лет американские империалисты прилагали все усилия к тому, чтобы помочь реакционным силам Китая, возглавляемым Чан Кай-ши. В результате трехлетней борьбы китайский народ разбил войска Чан Кай-ши, развеял коварные замыслы американского империализма, желавшего превратить Китай в американскую колонию.

Американский империализм шумит и вопит об угрозе новой войны со стороны СССР. Но китайский народ на своем опыте убедился в агрессивности американского империализма. Китайский народ убедился и в том, что американский империализм является бумажным тигром: он страшен только на вид. У русских есть хорошая пословица, которую, мне кажется, уместно сейчас вспомнить: «Не так страшен чорт, как его малюют».

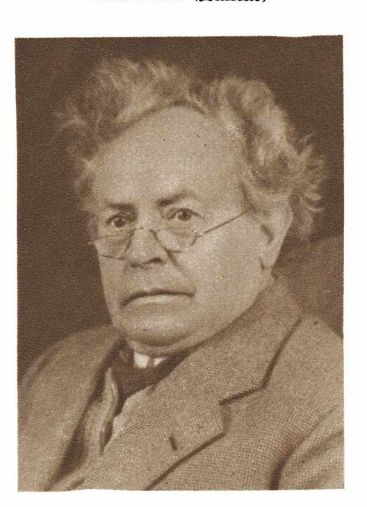
Американские империалисты непрерывно клевещут на Советский Союз. Они пытаются доказать, что СССР имеет агрессивные намерения. Народ Китая может привести убедительные доводы, опровергающие эту ложь и клевету. Советский Союз первым аннулировал неравноправный договор с Китаем. Китайский народ знает, что Советский Союз является его лучшим другом, является международной крепостью мира во всем мире.

Хорошо зная это на своем опыте, китайский народ с величайшей решимостью вступил в ряды борцов за мир, возглавляемых Советским Союзом.

Мы уверены в том, что социалистическое государство СССР, страны народной демократии, пробудившиеся трудящиеся массы империалистических стран, народы колониальных и полуколониальных стран — все прогрессивное человечество, объединившись, разобьет коварные замыслы империалистов. Если же они осмелятся начать новую войну, то мы уверены: победят силы мира и демократии!

МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ,

писатель (Дания)

В течение тысячелетий трудящийся человек обращался к небу с просьбой освободить труд от проклятия, превратить этот труд из наказания в радость. «С облаков» ему отвечали: раз ты сын божий, то помогай себе сам. Маркс высказался об этом на человеческом языке — он сказал: освободись от паразитов!

Человечество пережило две мировые войны. Оно увидело, что его мечту о хорошей и праздничной жизни убивают капиталистические паразиты, а не какая-то злая судьба. Поняв это, миллионы простых людей стали борцами. Они теперь сознают, что нельзя добиться лучшей жизни с дьяволом империализма на шее и с пиявками капитала на теле.

Вот почему по всему земному шару сегодня раздается требование мира. Люди требуют мира, чтобы трудиться на благо прогресса, чтобы человеческое достоинство восторжествовало.

Мощный, гордый призыв несется по земле: долой империалистических людоедов, мир — навсегда!

ЯН ДРДА,

писатель (Чехословакия)

Моя страна и все страны, освобожденные славной Советской Армией, — это соль в глаза атомным пиратам. Империалисты стремятся развязать новую войну и, заключая различные пакты, хотят обеспечить себе плацдармы для нападения на Советский Союз и страны народной демократии. Но пусть эти господа не льстят себя надеждами. Фронт защитников мира не имеет границ: он проходит через сердца простых людей всех стран.

Яркий пример Советского Союза, возглавляющего великое дело борьбы за мир, вдохновляет все народы земного шара. Атомным разбойникам не удастся скрыть от народов Англии, Франции, Италии и других стран успехи социализма.

Как бы ни старались империалисты опустить железный занавес между нами и трудящимися массами капиталистических стран, эти массы хорошо знают, что мы не хотим войны. Мы, чехословаки, тоже знаем, что простые люди этих стран не хотят войны.

В наших общих интересах необходимо, чтобы росла и крепла международная солидарность сторонников мира. Эта солидарность проникнет через все стены лжи и интриг, которые пытается воздвигнуть международная клика учеников Черчилля.

путь мира

ДЖУЗЕППЕ ДИ ВИТТОРИО,

временный председатель Всемирной федерации профсоюзов и генеральный секретарь Всеобщей итальянской конфедерации труда

Движение за мир приняло в Италии широчайший размах и охватило все слои народа. К созванному в Париже конгрессу сторонников мира присоединились все самые крупные итальянские народные организации: коммунистическая и социалистическая партии, Всеобщая итальянская конфедерация труда, объединяющая шесть миллионов трудящихся, Национальная лига кооперативов с ее тремя миллионами членов, Союз итальянских партизан, Демократическая федерация женщин. Италии. О своей поддержке конгресса заявили около полутора тысяч местных муниципалитетов.

На конгрессе мира Италию представляли десятки сенаторов и депутатов различных политических направлений, такие выдающиеся деятели культуры, искусства и науки нашей страны, как профессор Ада Гобетти, поэт Казимодо, художник Кампильи, музыкант Эфрикиане. В числе делегатов Италии вдова рабочего-механика Трастулли, который был убит полицией в Терни во время народной манифестации против присоединения Италии к Атлантическому пакту. Итальянцы назвали Трастулли «первой жертвой пакта войны».

Если можно утверждать, что христианско-демократическое правительство Италии целиком подчинило себя американскому империализму, присоединившись к Атлантическому пакту, то с такой же уверенностью можно сказать, что подавляющее большинство итальянского народа присоединилось к Всемирному конгрессу сторонников мира. Воля народов восторжествует над воинственными замыслами слуг Уолл-стрита — в этом мы твердо уверены.

Военная коалиция, сколачиваемая американскими трестами, явно направлена против Советского Союза.

Рабочие и весь народ Италии не будут воевать против Советского Союза, к которому они полны любви и уважения. Трудящиеся Италии будут бороться за мир. Италия не станет военным плацдармом для разбойников с Уолл-стрита. В борьбе за мир итальянский народ видит гарантию прогресса нашей страны по пути народной демократии и социализма.

Д. Н. ПРИТТ,

член парламента (Англия)

Задачи прогрессивного человечества в борьбе за прочный мир заключаются в том, чтобы устранить причины войн и сделать войны невозможными. Для этого мы должны воодушевлять и укреплять демократические и миролюбивые силы во всем мире и разоблачать, сдерживать и приводить к поражению поджигателей войны, где бы они ни находились.

В Соединенных Штатах и Великобритании это требует длительной и тяжелой борьбы, ибо поджигатели войны, немногие числом, обладают большой властью, владея финансами, индустрией и контролируя почти всю печать. Борьба за мир будет окончательно выиграна, когда могущество и сила социалистических государств мира возобладают над капиталистическими государствами, иначе говоря, когда капиталистический строй придет к своему концу; но борьба за мир может быть выиграна на время, и это может быть достигнуто в ходе повседневной борьбы, по мере укрепления прогрессивных сил мира, достаточных для того, чтобы предотвратить развязывание третьей мировой войны. Мы достаточно сильны, чтобы выполнить эту задачу, и мы не пощадим своих сил, чтобы это сделать!

У нас, в Англии, мы можем помочь делу мира, борясь непрестанно за укрепление дружбы и взаимопонимания с народами Советского Союза, за более полное политическое просвещение нашего собственного народа, с тем, чтобы он мог ясно видеть и отразить маневры реакционеров, которые стараются ухудшить отношения между нашими двумя странами.

АЛЬБЕРТ КАН,

журналист (США)

Никогда еще день международного праздника 1 Мая не был полон такого огромного значения, как ныне. Уже крепко сплелись, охватывая весь мир, руки свободолюбивых простых людей всех стран. Эта сила уже способна одержать верх раз и навсегда над теми, кто создает только нищету и войны. Человечество хочет мира, оно стремится к нему и стоит у порога новой, мирной, созидательной жизни.

ЭРНСТ ТОРНТОН,

генеральный секретарь профсоюза металлистов Австралии

Массовое движение за мир развертывается все шире и шире.

Прогрессивные организации Австралии воспользовались подготовкой к Парижскому конгрессу сторонников мира для того, чтобы усилить антивоенную пропаганду, сплотить простых людей в их стремлении предотвратить новую войну. Австралийские рабочие придают огромное значение Парижскому конгрессу, который демонстрирует непреклонную волю народов к миру.

В нашей стране борьба за мир имеет свои традиции. Рабочие Австралии горячо выступали против японской агрессии в Китае, они сражались в рядах республиканцев Испании. Наши моряки, докеры, грузчики, металлисты не прикасаются к голландским судам, пришедшим в наши порты, потому что Голландия ведет агрессивную войну в Индонезии и наши симпатии на стороне отважного индонезийского народа, борющегося за свою независимость. Наши моряки не прикасаются и к судам франкистской Испании и к греческим кораблям Мы их бойкотируем. Борьба за мир, за национальную независимость Австралии — это наша традиция.

Я уверен, что австралийские рабочие поддержат решения Парижского конгресса, который защищает дело мира. Они поддержат эти решения так же единодушно, как поддержали резолюцию Всемирной федерации профсоюзов — за мир, против войны!

ЭЖЕНИ КОТТОН,

президент Международной демократической федерации женщин

Когда растет угроза войны, силы мира должны расти еще быстрее. Не прошло и четырех лет после окончания страшной мировой бойни, а уже снова шумят повсюду о военных пактах, военно-воздушных базах и атомных бомбах. Чтобы отразить эту опасность, представители интеллигенции сорока стран — писатели, ученые, работники искусства — собрались в прошлом году во Вроцлаве. Вид руин этого польского города, более выразительных, чем любые речи, с еще большей очевидностью показал всем настоятельную необходимость покончить с угрозой войны.

Присоединяя свой голос к голосу Международной демократической федерации женщин, участники конгресса во Вроцлаве обратились с призывом ко всему прогрессивному человечеству — собраться на Всемирный конгресс сторонников мира. Сотни миллионов людей труда, мужчин и женщин, откликнулись на этот призыв. Конгресс сторонников мира знаменует собой мощь, единение и непреклонную волю всех тех, кто верит в прогресс человечества.

Это единение и воля сорвут преступные планы англо-американских поджигателей новой войны.

Путь народов —

МИХАИЛ САДОВЯНУ,

академик (Румыния)

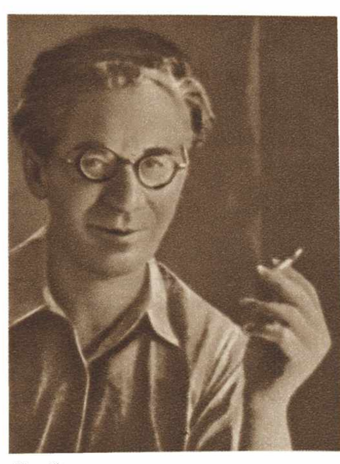

Человечество искренно и горячо стремится к миру. Мир является основой прогресса. Трудящиеся всех стран, интеллигенция всего земного шара должны сплотиться, объединить свои мысли и волю для того, чтобы воспрепятствовать обезумевшим поджигателям войны осуществить свое черное дело.

Тень минувшей мировой войни смотрит на нас ледяными глазами и звериным оскалом. Она напоминает о разрушениях, причиненных фашистами на огромных территориях, об убийстве десятков миллионов невинных людей. Оставшиеся в живых обязаны защищать своих детей, безопасность и честный, мирный труд, с решимостью и бесстрашием бороться против новой войны, замышляемой империалистическими агрессорами.

МИЛЬТИЯДЕС ПОРФИРОГЕНИС,

профессор (Свободная Греция)

В Греции наши интеллигенты, вопреки кровавому режиму монархо-фашистов, превосходящему по своим зверствам гитлеровский террор, сражаются в рядах народа за свободу народа, за независимость страны. Об этом свидетельствуют многочисленные жертвы, понесенные интеллигенцией в этой борьбе.

Мы уверены, что народы сделают из нашего тяжелого, но героического опыта необходимые выводы для того, чтобы усилить свою борьбу за мир, против империалистических поджигателей войны. Что же касается греческого народа, то он до конца выполнит свой долг перед родиной и всем человечеством, жаждущим мира.

ИОЖЕФ ДАРВАС,

министр восстановления (Венгрия)

Защита мира является ныне долгом каждого честного человека, стремящегося к свободе и прогрессу, в какой бы части света он ни находился. Но особенно это является долгом трудящихся стран народной демократии, которые с помощью СССР освободились от капиталистического гнета и строят свободную, социалистическую жизнь. Мы должны защищать изо всех наших сил дело мира и прогресса. Этим мы защищаем и нашу свободу, наше будущее, самое существование наших народов.

Венгерский народ выполнит задачи, возложенные на него в борьбе за мир.

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ,

писатель (Германия)

Сохранить мир во всем мире — самая важная задача, которую немецкие демократы стремятся разрешить, борясь за национальное единство и создание единой народной Германии. Мы знаем, что политическое и экономическое единство является жизненным вопросом для германского народа, что германская культура, которую мы хотим сохранить и развивать дальше, является общенациональной культурой.

Но мы ведем столь решительную борьбу за единство нашей родины и потому, что знаем, что расчлененная Германия навсегда будет оставаться страной, лишенной мира. Мир в Европе и на всем земном шаре может быть обеспечен лишь в том случае, если вся Германия прочно вступит на путь мирного и демократического развития.

Западные империалистические державы хотят воспрепятствовать установлению мира и демократии и толкнуть народы в огонь новой войны. Вот почему политика Советского Союза встречает самую твердую поддержку демократических и миролюбивых сил всех народов. Именно это и вызывает такую яростную ненависть империалистов к стране социализма.

Умножим же наши усилия в деле упрочения мира для того, чтобы сорвать военные планы современных «рыцарей» с большой дороги, кондотьеров империализма!

ЭНРИКЕ ПАСТОРИНО,

секретарь Всеобщего союза трудящихся Уругвая

Борьба за мир и национальное освобождение — это становится главным в движении прогрессивных сил Уругвая. Съезд борьбы за мир, происходивший недавно в Уругвае, продемонстрировал сплоченность демократических сил страны. Реакционная печать хотела замолчать этот съезд, подорвать его успех и принизить его значение. Но голос передовых людей Уругвая, голос, призывающий бороться за мир, был услышан во всех уголках страны. Решения съезда были единодушно поддержаны широкими слоями народа.

На Парижский конгресс сторонников мира трудящиеся Уругвая послали делегацию. Когда наши делегаты вернутся на родину, они встретятся с народом, с которым у них общий язык. Это сыграет большую роль в подъеме борьбы за мир.

Трудящиеся Уругвая отдают себе отчет в том, чем грозит военный психоз, охвативший Соединенные Штаты. Трудящиеся нашей страны сознают, что СССР — передовой отряд в борьбе за мир. Они знают, что политика правительства СССР — это политика советского народа, а советский народ не хочет войны, он хочет мира и дружбы со всеми народами.

Простые люди выиграют борьбу за мир!

ХЕСУС ФАРИА,

руководитель Объединенного профсоюзного комитета рабочих-нефтяников (Венецуэла)

Рабочие-нефтяники Венецуэлы на съезде в городе Тампико вместе с рабочими-нефтяниками Колумбии, Эквадора и Мексики заявили, что в случае войны они откажутся помогать империалистическим странам. Нефтяники Венецуэлы примкнули к Парижскому конгрессу сторонников мира и послали ему свое приветствие и своих делегатов.

Рабочие заводов, фабрик, нефтяных промыслов принимают резолюции и посылают письма, в которых призывают народ усилить борьбу за мир. Интеллигенция также участвует в движении за сохранение и укрепление мира. Комитет борьбы за мир в Венецуэле разоблачает перед народными массами реакционный, империалистический характер военной истерии. Представители трудящихся резко выступают против империалистической политики Америки и Англии и громко заявляют, что они откажутся участвовать в войне против СССР и стран народной демократии.

Всемирный конгресс в Париже имеет решающее значение в борьбе народов за мир, за обуздание преступных попыток империалистов. На этом конгрессе собрались наиболее авторитетные и уважаемые представители всех народов независимо от своих политических и религиозных убеждений, чтобы заявить: мы против войны! И народы один за другим подхватят эти слова: мы против войны, мы против войны!

Народы всех стран в своей борьбе за мир руководствуются

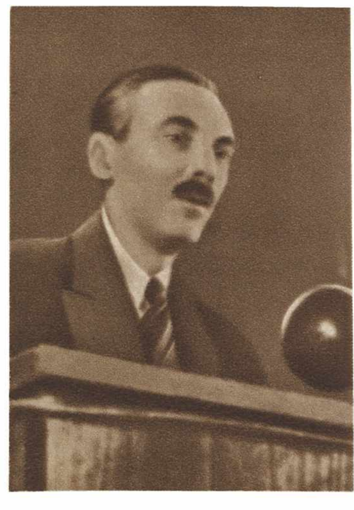
путь мира

примером Советского Союза. Этот пример является для нас путеводной звездой. Выступления советских делегатов в Организации Объединенных Наций во многом способствовали тому, что простые люди поняли: в нынешней мировой политике есть два направления. Первое направление возглавляет СССР — это политика мира и дружбы со всеми народами. Второе направление возглавляет США — эта политика ведет к войне, к угнетению народов.

Кто хочет мира, тот примыкает к демократическому лагерю, тот борется против поджигателей войны!

МАКС КОЗИНС,

профессор физики Брюссельского университета (Бельгия)

Если в Бельгии еще есть немало людей, которые поддаются обману поджигателей войны, то это лишь потому, что мы, представители интеллигенции, приложили недостаточно усилий, чтобы разъяснить народу правду.

Мы не можем допустить, чтобы наше молчание было истолковано как согласие. Переживаемое нами время не позволяет удаляться в обветшалую «башню из слоновой кости». Каждый из нас должен взять на себя свою долю ответственности в борьбе за мир, но отнюдь не за всякий мир, а за мир свободный, демократический.

Миллионы людей ощущают привязанность к миру, который означает радость жить, творить, неустанно трудиться во имя лучшего будущего. Однако в Бельгии имеются интеллигенты, которые хотят забыть о том, что судьба человечества поставлена на карту. Не делают ли они это из опасения быть неугодными нынешним хозяевам? Но разве не живут они в эпоху, когда человеческое общество одной ногой еще стоит в прошлом, но новый, создающийся мир уже дает подлинный смысл понятию «человек»?

Колеблющиеся должны отбросить свои колебания, если они не хотят способствовать деградации человечества. Наша задача состоит в том, чтобы помочь народам стать на единственно правильный путь — путь мира.

ЖОРЖИ АМАДУ,

писатель (Бразилия)

Я твердо верю, что Парижский конгресс представителей всех народов мира явится мощным предупреждением поджигателям войны. Они не в силах совершить свои злодеяния против воли народов. Победителем будет мир!

РОМАН ВЕРФЕЛЬ,

председатель издательства «Книга и наука» (Польша)

Последователи Гитлера снова хотят разжечь мировой пожар. Но их усилия осуждены на провал. Силы лагеря мира превосходят силы поджигателей войны. Мы должны выиграть, и мы выиграем борьбу за мир потому, что во главе наших рядов стоит великий Советский Союз, страна социализма.

Мы должны выиграть, и мы выиграем борьбу за мир, ибо в этой борьбе участвуют и народы Азии.

Мы должны выиграть, и мы выиграем борьбу за мир потому, что с нами рабочий класс и интеллигенция Запада, которые устами Тореза и Тольятти ясно и решительно заявили, что их место в лагере, ведущем борьбу против империалистической агрессии.

ЭМЭ СЕЗЭР,

негритянский поэт (остров Мартиника)

Нельзя отказать нашей эпохе в одном достоинстве — в ясности. Сейчас все приобрело отчетливые очертания и точный смысл: и газетная трескотня об «открытии пяти тысяч видов оружия, которое сотрет в порошок коммунизм», и отказ от переговоров о Пакте мира с генералиссимусом Сталиным, и возрождение антикоминтерновского пакта, окрещенного сегодня «Атлантическим»...

Империалисты спешат разжечь новую войну. Но сознание народов растет быстрее. Миллионы простых людей всех стран знают, кто хочет новой мировой бойни, кто ее готовит, кто спекулирует на ней. Простые люди знают, чего ждет от новой войны англо-саксонский империализм: он хочет воздвигнуть на дымящихся развалинах земли так называемый «американский мир», мир расизма, тирании, беспрепятственной эксплоатации народов.

Давно уже отпали фальшивые побрякушки, за которыми империализм прячет свои замыслы. В Западной Европе и по ту сторону Атлантики все меньше стали говорить о «защите западной христианской цивилизации» и все больше пускается в ход язык фашистского зверя, охваченного манией мирового господства.

Военной шумихе, которую организуют короли доллара, явно нехватает «мыслителей». Но ведь та война, которую они готовят, — это и есть война против мысли!

На какой же она стороне, человеческая мысль?

Я недавно провел две недели в Румынии. Я убедился, что страна добилась огромного прогресса в экономике, технике, культуре, общественных науках. В несколько лет эта страна словно перешагнула через столетия, вырвавшись из средневековья в современность. Мы знаем, что это стало возможным для румынского народа только благодаря героизму солдат Советской Армии, только благодаря великому примеру Советского Союза.

Все народы, являющиеся жертвами империализма и стонущие под его ярмом — а их число умножилось и включает сейчас даже Францию и Италию, — хорошо усвоили эти уроки истории. Они борются за мир вместе с Советским Союзом, твердо зная, что прогресс, культура, цивилизация на их стороне!

ГОВАРД ФАСТ,

писатель (США)

Я глубоко убежден, что голос Парижского конгресса сторонников мира будет услышан во всех уголках земного шара. Люди хотят мира, они хотят счастливой жизни для себя и для своих детей. Не пришло ли время дать им такую жизнь?

С нас хватит войн, голода и жестокостей. Мы не хотим умирать ради атлантических пактов. Только единство и сплочение народов обеспечат человечеству жизнь, мир и лучшее будущее.

АЛЬФОНСО ГАТТО,

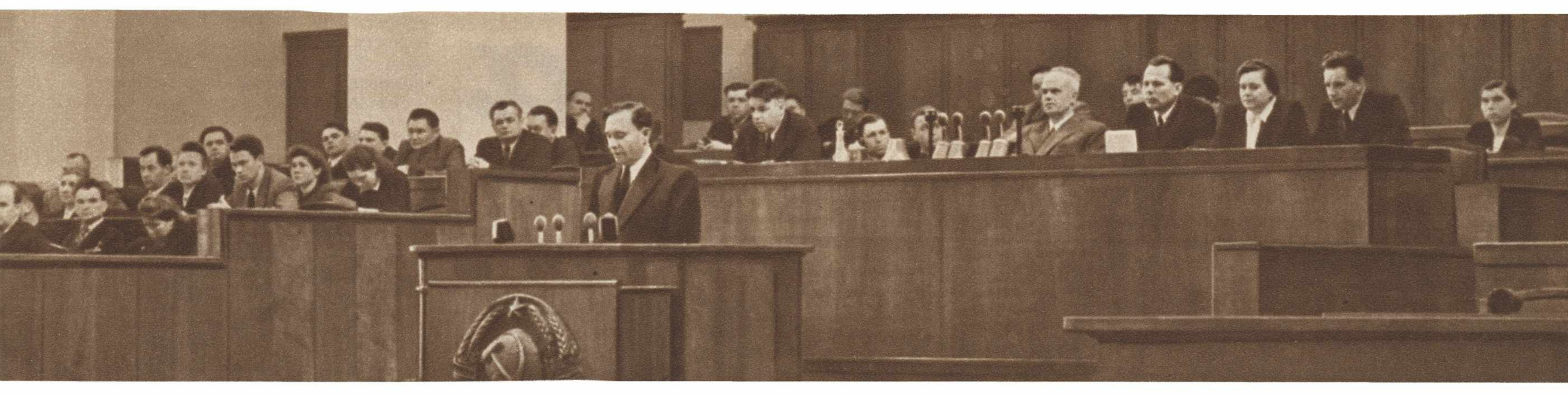
журналист (Италия)

Недавно Рим был потрясен народным гневом против правительства, подписывающего агрессивные военные пакты и обязательства. На фабриках и площадях Милана, Турина и Генуи, Рима и Неаполя миллионы рабочих сказали свое решительное «нет» Атлантическому пакту, свое «нет» войне!

Те, кто направляет ныне внешнюю политику Италии, должны были почувствовать, что они не в силах будут ввергнуть наш народ в войну против великой страны социализма, к которой все миролюбивые люди обращают с доверием и надеждой свои взоры.

Долг интеллигенции заключается в том, чтоб сражаться плечом к плечу с рабочим классом в защиту мира и культуры, против агрессивного империализма и его человеконенавистнических идей.

X съезд профессиональных союзов СССР. С отчетным докладом о работе Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов выступает председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов.

X СЪЕЗД ПРОФСОЮЗОВ

Фото А. Гостева

Делегаты съезда Герои Социалистического Труда крепильщик шахты № 1—2 «Смолянка» комбината «Сталинуголь» Е. С. Жуков (слева) и бригадир забойщиков шахты № 1—2 «Красный Октябрь» комбината «Артемуголь» И. Т. Валегура.

28 миллионов 500 тысяч трудящихся объединены в рядах советских профсоюзов. Это самая массовая общественная организация рабочих и служащих, связывающая рабочий класс с его авангардом — великой партией Ленина—Сталина. 19 апреля в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылся X съезд профсоюзов, который подвел итоги многогранной деятельности профсоюзов, наметил пути их дальнейшего участия в общенародной борьбе за победу коммунизма. В числе делегатов съезда новаторы производства, чей почин подхвачен всей страной, видные ученые, деятели литературы и искусства, руководители профессиональных организаций. Они привезли на съезд богатейший опыт миллионов борцов за досрочное выполнение сталинской послевоенной пятилетки.

С огромным подъемом и воодушевлением делегаты избрали в почетный президиум съезда Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем И. В. Сталиным. Почетным председателем съезда под бурные овации всего зала избран великий вождь народов Иосиф Виссарионович Сталин.

С большим вниманием заслушан отчетный доклад тов. В. В. Кузнецова о работе Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. На трибуну съезда выходили знаменитые сталевары, текстильщики, машиностроители, горняки, строители, ученые, профсоюзные деятели. Они дополнили доклад яркими фактами, показывающими величайшую активность миллионов строителей коммунизма. Под руководством партии большевиков профсоюзы, как школа коммунизма, воспитали многомиллионный актив. Каждый третий член профсоюза деятельно участвует в профсоюзной работе — в различных комиссиях и советах занято девять миллионов человек.

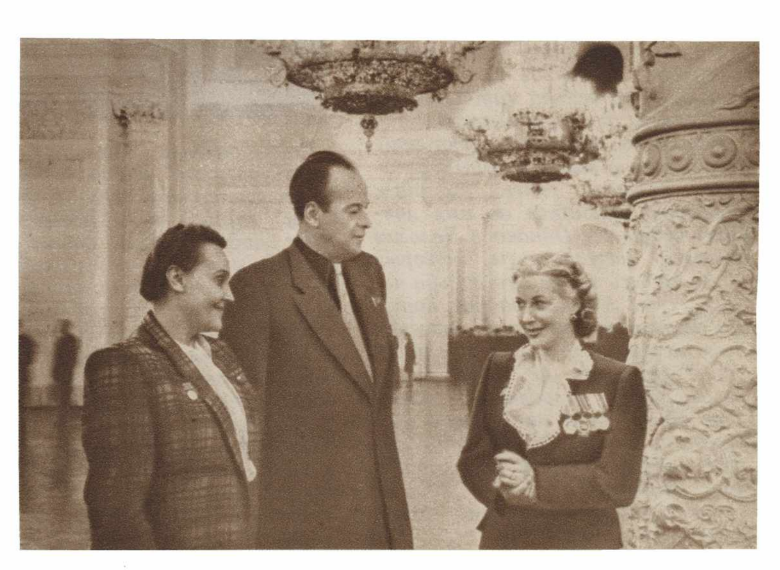
Профсоюзы — активные организаторы социалистического соревнования, ставшего подлинно всенародным. 90 процентов рабочих, инженеров, техников и служащих участвуют в социалистическом соревновании. Уже в прошлом году более двух тысяч предприятий выполнило свои пятилетние планы...

Массово-производственная работа, вопросы заработной платы, охрана труда и техника безопасности, дальнейшее улучшение материально-бытового и культурного обслуживания трудящихся, международная деятельность советских профсоюзов — все эти и другие вопросы обсуждали делегаты на съезде.

На съезде присутствовали представители многих профсоюзов зарубежных стран.

В зале заседаний съезда.

Делегаты съезда (слева направо): народная артистка СССР Н. М. Ужвий, народный артист СССР Н. К. Черкасов и народная артистка РСФСР Л. П. Орлова.

Лауреат Сталинской премии токарь московского завода «Красный пролетарий» Николай Васильевич Угольков.

Фото Я. Рюмкина

Лауреат Сталинской премии академик Иван Павлович Бардин.

Фото Г. Вайля

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

На X съезде профсоюзов в Большом Кремлевском дворце делегаты Ленинграда встретились с английскими гостями. На снимке (слева направо): М. Козин, Э. Ньюбоулд, Н. Артемов (переводчик), Г. Виверс и А. Григорьев.

Фото А. Гостева

Делегаты ленинградских рабочих на X съезде профсоюзов — Алексей Григорьев и Михаил Козин — встретились в Большом Кремлевском дворце, где проходил съезд, с английскими гостями — Эдвардом Ньюбоулдом — секретарем Совета профсоюзов Манчестера и Солфорда — и Гарри Виверсом — секретарем Лондонского районного совета профсоюза строительных рабочих. Это была их первая встреча. Но беседа, которую они вели, явилась, по существу, продолжением разговора, начатого в феврале между рабочими Ланкашира и Чешира в Англии и трудящимися Ленинграда. В те дни 950 тысяч английских рабочих приняли декларацию в защиту мира, против поджигателей новой войны. Эта декларация была направлена в Ленинград, где в ответ на нее состоялся многотысячный митинг. Участники митинга от имени 1400 тысяч трудящихся, объединяемых профсоюзами Ленинграда и его области, послали в Англию приветственное письмо, в котором заявили о своей решимости крепить дружбу рабочих Англии и СССР и всеми силами защищать дело мира.

— К нам дошло ваше письмо, — сказал Эдвард Ньюбоулд, обращаясь к ленинградцам. — И хотя капиталистическая пресса замолчала ваш митинг, английским рабочим известно о том, что их декларация встречена в Ленинграде с глубоким чувством дружбы и удовлетворения.

— Перед моим отъездом из Манчестера,— продолжал Ньюбоулд,— я получил множество телеграмм и писем от рабочих. Они просили еще раз передать ленинградским рабочим, что их обращение, посланное федерации профсоюзов Ланкашира и Чешира, отвечает самым сокровенным желаниям английских рабочих.

— Мы хотим и дальше развивать и укреплять дружбу с английскими рабочими,— сказал Алексей Григорьев.— Мы рады были бы установить с вашими профсоветами постоянную переписку, обмен информацией о работе профсоюзов, обмен нашими печатными изданиями.

Эдвард Ньюбоулд ответил, что это — очень хорошее предложение и что оно совпадает с желанием английских рабочих.

— Хорошо, если бы мы могли чаще обмениваться рабочими делегациями,— заметил Гарри Виверс.

— Дружба с СССР,— добавил Ньюбоулд,— и другими демократическими странами необходима нам, чтобы обеспечить мир. Английские рабочие это хорошо понимают. Гарри Виверс со мной согласится.

— Конечно,— сказал Виверс,— как представитель рабочих, которые объединены Лондонским районным советом профсоюза, я могу подтвердить это.

Алексей Григорьев поинтересовался, как английские рабочие отнеслись к идее созыва Всемирного конгресса сторонников мира в Париже.

— Английские рабочие,— ответил на этот вопрос Ньюбоулд,— с энтузиазмом встречают каждое мероприятие, помогающее укрепить мир. Наш профсовет хотел послать представителя на конгресс в Париже, но руководители Британского конгресса тредюнионов воспротивились этому. Руководители конгресса нашли много причин, которые, по их мнению, мешали поездке нашего делегата. Тем не менее, как только им стало известно, что я получил приглашение поехать в Москву на съезд профсоюзов, мне было тут же преложено отправиться... в Париж. Но, как вы видите,— с улыбкой добавил Ньюбоулд,— я все-таки в Москве.

— О посылке делегатов на Парижский конгресс сторонников мира подняли у нас вопрос и строительные рабочие,— сказал Виверс.— Но представители БКТ заявили, что на эту поездку у них нет денег. Тогда рабочие отчислили половину своего однодневного заработка, и два делегата все же уехали в Париж.

Ленинградцы спросили гостей, какое впечатление оставил у них съезд советских профсоюзов.

— Ваш съезд,— ответил Ньюбоулд,— произвел на нас огромное впечатление. Мы еще и еще раз убедились в том, что советские люди единодушно стоят за мир и что они верны принципам демократии.

Гарри Виверс добавил:

— Английские рабочие хорошо знают, что Советский Союз не хочет войны.

Ньюбоулд заявил, что самое замечательное из всего, что он видел в Москве,— это выступление делегатов на съезде, говоривших о достижениях своих коллективов.

— В Кремле я ощутил,— говорит он,— то движение вперед, которым живет вся ваша страна. В Англии будущее неопределенно, люди боятся безработицы, и все, что нам предстоит впереди,— как в тумане. У вас же есть ясная цель, вы уверены в своем будущем, вы смело идете вперед. И будущее у вас светлое и радостное.

Беседа заканчивалась. Тов. Григорьев просил Ньюбоулда и Виверса передать английским рабочим братский привет от рабочих Ленинграда и пожелать им успехов в совместной борьбе за мир.

— Мы будем стремиться к тому,— заявил Ньюбоулд,— чтобы день ото дня крепла дружба между нашими народами.

ПЕРВОМАЙСКОЕ НОВОСЕЛЬЕ

Абдула Валеева, стахановца Белорецкого сталепроволочного завода в Башкирии, пригласили в завком. В раздумье он закурил, пригладил свой смоляной чуб и сказал:

— Фабзайцы, видно, пришли. Интересуются моей работой... Любознательные ребята...

Однако фабзавучников в завкоме не было. Все стулья занимали рабочие. Сидел там известный на заводе оцинковщик Урбангулов, стахановец Банников. Как только Валеев вошел, председатель поднялся ему навстречу и, пожав руку, протянул маленький листок:

— Вот вам первомайский подарок — ордер на новую квартиру.

Валеев немного смутился. Но и у Банникова, и у Урбангулова, и у других он заметил точно такие же ордера.

— Спасибо! — взволнованно поблагодарил Валеев.

Уже назавтра он пробовал кран водопровода в новом доме, осматривал комнаты, дощатый сарай, чулан. Все было сделано хорошо, прочно.

В новых квартирах встречают Первомай многие ленинградцы. На Кондратьевском проспекте, где раскинулись огромные жилые корпуса, в канун праздника в квартиры восстановленного пятиэтажного дома въехали работницы прядильно-ниточного комбината имени Кирова. Справляют новоселье одна из лучших ватерщиц города тов. Гагарина, семья старейшей работницы комбината тов. Жукас.

В новые дома на Промышленном переулке въезжают стахановцы трижды орденоносного Кировского завода. Среди новоселов слесарь тов. Кучеров с семьей в пять человек, бригадир тов. Быстров, мойщица тов. Знудова. Кировцы заселили около пятидесяти квартир.

На Гусевой улице в красивом доме недавно поселился прославленный токарь станкостроительного завода имени Свердлова, лауреат Сталинской премии тов. Борткевич. Наш корреспондент побывал у него в гостях. Мастер скоростного резания принял его в светлых, уютных комнатах, отделанных с большим вкусом.

Хороший подарок — новое общежитие — получили к празднику 60 молодых горняков шахты «Центральная», Кемеровского рудника. В его просторных комнатах — диваны и мягкие кресла, добротные кровати и столы. Есть тут и хорошо обставленная комната отдыха.

Первомайские дни встречают в новых квартирах многие шахтеры, металлурги, химики и строители Кузнецкого бассейна. Облик его городов меняется на глазах. Один за другим сносятся кварталы одноэтажных домиков и бараков в Сталинске, Прокопьевске, Кемерове и других промышленных центрах Кемеровской области. Их заменяют красивые дома с благоустроенными квартирами.

Множество новоселов и в деревнях страны.

В Брянской области около 1500 колхозных семей недавно переехали в двух- и трехкомнатные дома. 700 домов получили колхозники Калининской области.

В традиционном предпраздничном соревновании советские люди принесли Родине свои производственные дары. В свою очередь и страна наделяет их первомайскими подарками.

ЛЕТНИЙ ОТДЫХ ДЕТЕЙ

Миллионы советских детей проведут летние месяцы в детских санаториях, пионерских лагерях, на площадках. Детские оздоровительные учреждения, как и в прошлые годы, будут организованы на Кавказе и в Крыму, на Волге и Днепре, в подмосковных лесах, на Урале. В 1948 году в пионерских лагерях отдыхало свыше четырех миллионов детей, а в 1949 году, как заявил в своем отчетном докладе на X съезде профсоюзов председатель ВЦСПС тов. В. В. Кузнецов, намечено направить на отдых более пяти миллионов ребят.

В ВЦСПС корреспонденту «Огонька» сообщили:

— Профсоюзные организации страны широко развернули подготовку к детской оздоровительной кампании. Только в пионерских лагерях, организуемых профсоюзами, нынешним летом будут отдыхать более двух с половиной миллионов детей. На оборудование и содержание пионерских лагерей ВЦСПС ассигнует 871 миллион рублей. Десять процентов путевок профсоюзы выдадут бесплатно детям погибших воинов и инвалидов Отечественной войны и труда, детям рабочих и служащих, получающих невысокую заработную плату, и детям многодетных родителей. Профсоюзы также примут на себя частичную оплату и остальных путевок.

Пионерские лагери будут открыты не позднее 10 июня. Сейчас специальные комиссии из представителей профсоюзов, комсомола, органов народного образования и здравоохранения развернули подготовку к оздоровительной кампании. Начинается ремонт помещений, оборудование пионерских лагерей, благоустройство их территорий. Весь педагогический персонал детских оздоровительных учреждений пройдет подготовку на специальных семинарах. Особое внимание уделяется организации питания детей.

— Органы народного здравоохранения,— сообщили в Министерстве здравоохранения СССР,— начали подготовку к летней детской оздоровительной кампании. В детских садах, поликлиниках и амбулаториях специальные врачебные комиссии начинают массовый осмотр детей, чтобы определить состояние здоровья каждого ребенка. На территории оздоровительных учреждений будут проведены все необходимые работы, удовлетворяющие требованиям санитарии и гигиены. Министерство здравоохранения и все его местные органы обеспечат пионерские лагери, детские площадки квалифицированным медицинским персоналом, необходимыми медикаментами.

Массовый митинг на Вокзальной площади Хельсинки в связи с годовщиной подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. На митинге присутствовало около 40 тысяч человек.

МЯСО, МОЛОКО, МАСЛО

Беседа с секретарем Ухтомского райкома ВКП(б) Героем Социалистического Труда **В. В. ФИЛЬЧЕВЫМ**

Совет министров СССР и Центральный Комитет ВКП(б) приняли на днях «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949—1951 гг.)». Затем был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Социалистического Труда и награждении орденами и медалями СССР передовиков сельского хозяйства за достижение высоких показателей в животноводстве в 1949—1951 гг.».

В связи с этим корреспондент «Огонька» обратился к секретарю Ухтомского районного комитета партии, Московской области, Герою Социалистического Труда Василию Васильевичу Фильчеву с просьбой рассказать об успехах района в развитии животноводства. 7 апреля Указом Президиума Верховного Совета СССР тридцати трем передовикам сельского хозяйства Московской области, добившимся высокой продуктивности животноводства, присвоено звание Героя Социалистического Труда. Среди них одиннадцать колхозников и работников Ухтомского района.

— Район наш в основном промышленный, — говорит тов. Фильчев.— В нем живет много рабочих и служащих. Немало у нас санаториев, домов отдыха, поликлиник, детских садов, яслей, школ и училищ. Естественно, требуется хорошо организованное снабжение картофелем, овощами, молоком, мясом и другими продуктами питания. С картофелем и овощами у нас было сравнительно благополучно, но мяса и молока явно нехватало. Их приходилось привозить из других районов. После февральского Пленума Центрального Комитета партии перед нами вплотную встал вопрос о развитии высокопродуктивного животноводства. Нужно было направить колхозы и совхозы на этот путь.

Но как это сделать? Земли в районе мало. Колхозники привыкли больше заниматься огородничеством. Чего греха таить: были такие настроения у отдельных руководителей сельскохозяйственных артелей, что район, мол, не имеет своей кормовой базы и ведение интенсивного животноводства нерентабельно. Были и такие разговоры: «Рядом Москва, там на рынках много молока и мяса, можно закупать недостающие продукты».

Поэтому с первых же шагов пришлось бороться с отсталыми настроениями, вести агитацию и пропаганду. Надо было доказать, что не столица должна поставлять нам продукты животноводства, а мы сами обязаны иметь их в изобилии и, больше того, снабжать ими москвичей.

В своих начинаниях мы опирались на коммунистов, комсомольцев и передовиков колхозов. Редкое заседание райкома, собрание партийных организаций, совещание колхозников обходилось без обсуждения вопросов животноводства. Мы использовали все агитационные средства — газеты, радио, плакаты, лекции, беседы, кружки.

Слова подкреплялись делами. Лучшие наши колхозы стали разводить племенной скот, заниматься отбором и подбором коров и свиней, выращивать кормовые культуры, строить образцовые помещения для скота. Районные зоотехники и агрономы советовали и показывали, как надо правильно организовать откорм животных, растить молодняк, получать высокий урожай кормовой свеклы. Для доярок и свинарок были организованы курсы. Учились председатели колхозов, активисты артелей.

За передовыми колхозами последовали остальные. Очень уж разительные были успехи лучших хозяйств. У них увеличилось поголовье коров и свиней, повысился удой молока, на трудодни стали давать свинину. Вскоре нас поддержали все артели района.

Тогда мы стали развивать дело все больше. Пользуясь близостью Москвы, мы приглашали к себе ученых-животноводов, а также лучших доярок и свинарок Подмосковья. Люди передовой мичуринской науки учили наших колхозников, читали им лекции, а мастера высоких удоев и ухода за скотом передавали свой опыт. Много внимания было уделено созданию пастбищ, производству сочных кормов, механизации заготовок кормов и трудоемких работ, строительству животноводческих помещений в колхозах. В Ухтомском районе находится Ветеринарная академия. Ее работники помогают нам в подготовке животноводческих кадров.

Результаты энергичной работы быстро сказались. Приведу лишь несколько цифр. В 1946 году на колхозных фермах района было надоено с каждой фуражной коровы в среднем около 1500 килограммов молока, а в 1948 году — по 2839. Возрос удой и в совхозах. Эти цифры замечательны тем, что они показывают достижения не отдельных рекордистов, а всех колхозов. Наши выдающиеся доярки получают с каждой коровы по четыре — пять тысяч килограммов молока в год. Но дело ведь еще не в этом. Важно, чтобы все члены артелей, занимающиеся животноводством, перевыполняли свои нормы. А это у нас есть, и это приятно отметить.

Значительны успехи и в развитии свиноводства. В прошлом году план постановки свиней на откорм наши колхозы выполнили на 423 процента. Сейчас почти все артели занимаются этим выгодным во всех отношениях делом.

И вот первый итог: мы теперь не завозим в район молочные продукты из других мест. Все наши детские учреждения — дома, сады, ясли, школы — полностью обеспечены молоком с колхозных и совхозных ферм района. На московских рынках есть палатки, где наши колхозники продают мясо, молоко.

Свинарка колхоза имени 12-й годовщины Октября Татьяна Ивановна Сиземова удостоена звания Героя Социалистического Труда. За год она вырастила от восьми свиноматок в среднем по 25 поросят. Двухмесячные поросята у нее весили по 15 килограммов.

На ферме этого колхоза всегда добиваются большого приплода. От одной лишь свиньи «Люси» и ее потомства в течение нескольких лет получено более тысячи поросят.

У нас много машин, облегчающих труд колхозников: кормозапарники, жмыходробилки, маленькие мельницы для размола зерна, корнемойки и другие механизмы. Люди познали цену механизированного труда.

Колхозники зажили еще более зажиточно. Они получают много мяса, молока, овощей и картофеля. В колхозе имени Третьей пятилетки каждая семья, как минимум, получила в прошлом году на трудодни по 20—25 тонн картофеля и овощей да по 12—17 тысяч рублей.

Выращивая скот, мы не забываем и об овощеводстве. Средний урожай картофеля в колхозах района был в прошлом году по 18,2 тонны с гектара, а отдельные артели на рекордных участках выкопали и по 50 тонн и сняли по 800 тонн капусты с гектара. Во всех деревнях у нас есть парниково-тепличные хозяйства. Многие колхозы имеют до пяти тысяч парниковых рам и до двадцати пяти гектаров земли под садами.

Раньше мы у других учились,— говорит тов. Фильчев,— а теперь к нам ездят. Недавно из Краснополянского района приезжали семьдесят председателей колхозов, а сегодня у нас — гости из Химок. Бывают люди и из других подмосковных районов.

Учиться в наших местах есть чему. Одних Героев Социалистического Труда теперь в районе восемнадцать человек. Среди них люди практики, с большим трудовым стажем. Они любят свое дело, воспитали много опытных доярок, свинарок, конюхов и животноводов колхозных ферм.

Но всего этого еще недостаточно,— продолжает секретарь райкома. — Государственный трехлетний план развития животноводства и Указ о награждении передовых животноводов открывают перед нами грандиозные перспективы. Претворив в жизнь план, мы, несомненно, приумножим богатство колхозов, прославим себя тучными стадами высокопородного скота.

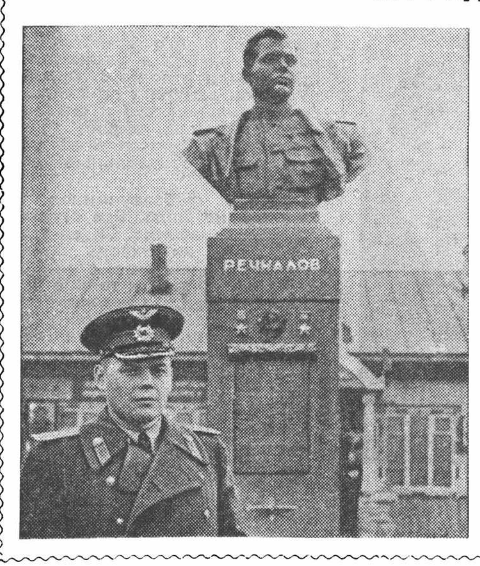
План требует, чтобы уже в этом году в каждом колхозе было организовано по четыре фермы. Это у нас уже есть. Но в некоторых колхозах фермы еще небольшие, в районе нехватает грубых и концентрированных кормов.

Стремясь досрочно выполнить трехлетний план, мы пересмотрели программу развития животноводства в нашем районе. В ближайшие два — три года от каждой фуражной коровы у нас будут надаивать по 5 тысяч литров молока, в каждой артели поставят на откорм по 200—250 свиней. Картофеля хотим снимать с каждого гектара по 30—40 тонн, а овощей — по 50—60 тонн. Создадим прочную базу сочных кормов.

Мы примем все меры к тому, чтобы поднять животноводство района на еще более высокую ступень.

Приезжайте к нам через два года, и вы убедитесь в том наглядно. Велико желание людей наших сел, работников всего района как можно быстрее и лучше осуществить план. Все колхозники встретили его с большим воодушевлением и горячо поддерживают.

НА РОДИНЕ ГЕРОЯ

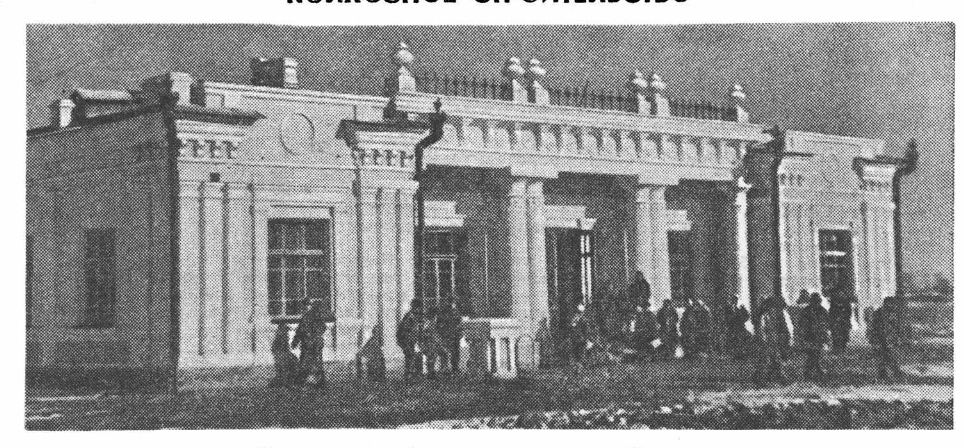
Недавно в селе Худякове, Зайковского района, Свердловской области, состоялся торжественный митинг. Односельчане, трудящиеся районного центра и колхозники окрестных сел горячо приветствовали приехавшего к ним знатного земляка — дважды Героя Советского Союза подполковника Григория Андреевича Речкалова.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР на родине дважды Героя Советского Союза Г. А. Речкалова установлен его бронзовый бюст. Открытие бюста было радостным праздником для уральцев. Участники митинга обещали быть достойными своего знатного земляка, трудиться еще лучше на благо любимой Отчизны.

В ответном слове Григорий Андреевич Речкалов, который учится сейчас в Краснознаменной военно-воздушной академии, горячо благодарил собравшихся за дружеские приветствия.

Фото И. Тюфякова

КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Новое здание правления колхоза «Вперед». Фото Н. Татарова

В пятидесяти километрах от Каспийского моря, там, где начинаются раздольные пастбища Астраханской низменности, раскинулись богатые кизлярские колхозы. Здесь издавна занимаются виноградарством.

В годы послевоенной сталинской пятилетки виноградари добились серьезных успехов. Валовой сбор винограда в 1948 году был почти на 90 процентов больше, чем в предыдущем году. Три с лишним миллиона рублей дохода получила сельхозартель имени Шаумяна. Миллионами исчисляют свои доходы колхозы имени Карла Маркса, «Победа», «Красный восход» и имени Красной Армии.

В феврале 1948 года на общем собрании сельхозартели «Вперед» был утвержден пятилетний план строительства колхозного городка. Намечено возвести 58 крупных объектов, в числе которых Дворец культуры, здания правления артели, семилетней школы, электростанции, стадиона, магазина, гаража, бани, пожарного депо и других. В новые дома колхозников будут проведены радио и телефон.

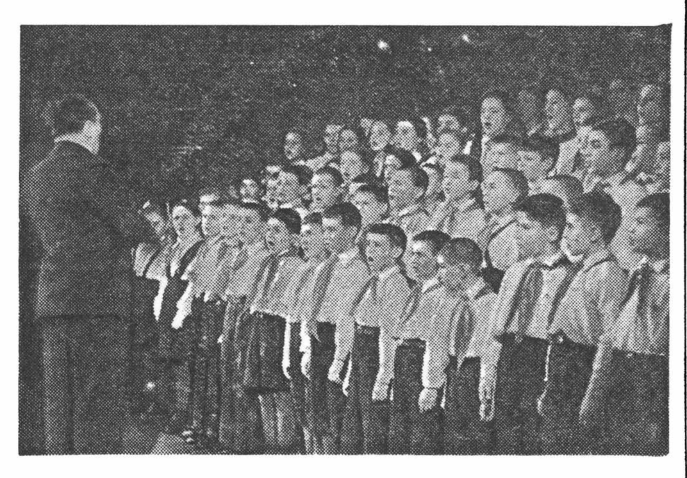
С того памятного дня прошло немногим больше года. За это время выстроен красивый дом со стройными колоннами, в котором разместилось колхозное правление. Рядом возвышаются еще два белых здания с большими, светлыми окнами — хата-лаборатория и дом для приезжих. На краю городка построены винодельческие цехи, животноводческие фермы, производственные мастерские. В 117 удобных кирпичных домах справили новоселье кизлярские виноградари.

Растут стены будущего Дворца культуры. В зрительном зале его свободно разместятся свыше пятисот человек. Кроме того здесь будут комнаты для занятий кружков, читальный зал, библиотека, танцевальная площадка. В день Первого мая колхозная электростанция даст свет в дома колхозников и в производственные мастерские.

Строительные материалы — кирпич, черепица — производятся тут же, из местного сырья. Строительство в колхозе ведут 88 членов сельхозартели, освоившие разные специальности, под руководством прораба, техника-строителя Филиппа Кузьмича Камынина.

Дневник ОГОНЬКА

ВЕСЕННИЕ ПЕСНИ РЕБЯТ

Хор детской музыкальной школы Свердловского района Москвы выступает на празднике песни под управлением профессора А. Хазанова

Фото В. Евграфова

— Праздник песни школьников Свердловского района считаем открытым,— объявляют учащиеся Наташа Рывкина и Толя Сафронов. Их лица серьезны, правые руки подняты вверх, как бы приглашая неугомонных зрителей к вниманию.

На сцене — сводный хор школ района. Девочки в белых фартуках, с яркими бантами в темных и белокурых косах, мальчики в отглаженных рубашках. Алые пионерские галстуки, сияющие глаза, раскрасневшиеся лица...

Концерт начался. Торжественно звучит Гимн Советского Союза, исполняемый тысячью детских голосов.

Хоры, симфонический оркестр детской музыкальной школы, скрипачи, пианисты выступают один за другим.

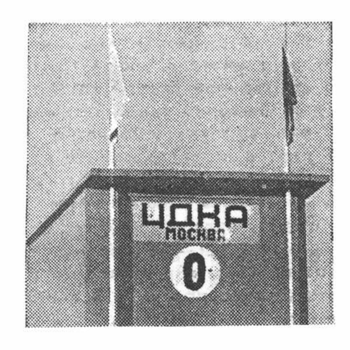
Пионеры отряда имени Гастелло 170-й школы исполнили ими же сочиненный марш своего отряда.

Дружно подхватывает зал знакомую песню, сыгранную композитором Фрадкиным, который пришел на вечер приветствовать юных певцов.

Весенний праздник песни становится традицией московских школ. Этот почин, сделанный в прошлом году, принял нынешней весной подлинно массовый характер. В каждой школе, в домах пионеров готовились к празднику с увлечением. Учителям пения помогали студенты консерватории, учащиеся музыкальных школ.

В празднике песни в этом году участвовали десять тысяч школьников советской столицы. Сотни тысяч детей поют сегодня радостные весенние песни на улицах праздничной Москвы.

ПЕРВЫЙ МАТЧ В МОСКВЕ

На башнях стадиона «Динамо» большие нули. Ни одна команда еще не выходила в этом году на знакомое москвичам зеленое поле, ни один мяч не был вбит в сетку ворот. Но второго мая стадион оживет: в шестнадцать часов судья Николай Латышев выйдет на середину поля, положит мяч на центр и вызовет свистком московские команды ЦДКА и «Динамо».

У многих в памяти еще остался последний напряженный матч этих коллективов на первенство страны, когда армейские футболисты лишь за три минуты до финального свистка вбили третий, решающий мяч и ушли с поля чемпионами Советского Союза.

В памяти осталась и борьба этих футболистов за «Кубок СССР». Она длилась 240 минут, и лишь одиннадцатиметровый штрафной удар принес победу ЦДКА.

И вот опять, в восемнадцатый раз, встретятся эти первоклассные спортсмены.

На юге продолжаются соревнования на первенство страны. Молодые команды, впервые играющие в высшей группе, вновь проявили себя с самой хорошей стороны. Харьковский «Локомотив» выиграл с убедительным счетом у минского «Динамо» (3 : 0), бакинский «Нефтяник» сыграл вничью с ленинградским «Зенитом» (0 : 0), а молодой коллектив «Шахтера» (Сталино) оказал серьезное сопротивление московскому «Спартаку», проиграв лишь один мяч.

Следует отметить удачный старт сталинградской команды «Торпедо», которая обыграла динамовцев Минска и Ленинграда. Большого успеха добились ленинградские футболисты общества «Зенит», обыгравшие сильную команду тбилисского «Динамо» со счетом 1 : 0.

САД НА ГОРЕ

На одном из бесчисленных крутых изгибов реки Белой, километров на 120 ниже Уфы, раскинулось большое село Кушнаренково. Здесь под обрывом разместилась плодово-ягодная опытная станция. Двадцать два года тому назад, прямо с учебной скамьи Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, приехал сюда теперешний директор опытной станции Василий Павлович Стреляев. На заброшенном участке он вместе с небольшим коллективом вырастил прекрасный сад, являющийся базой колхозного садоводства всей Башкирии. Яблоки, груши, абрикосы, вишни, крыжовник, сливы — все это есть в саду на горе. Растет тут и виноград.

Научный сотрудник станции Лидия Николаевна Стреляева четырнадцать лет назад посадила несколько чубуков винограда на южном склоне горы. Много тревог и волнений пережила она, пока нежные южные растения привыкали к суровому климату Урала. Прошло три года. Виноград, выдержав испытания, не только прижился, но и дал первый урожай. В 1944 году Лидия Николаевна собрала рекордный урожай — сто центнеров с гектара.

На протяжении многих лет работала она над выведением новых сортов винограда. Ей удалось получить гибрид с нормальным цветком. Новый сорт оказался зимостойким, скороспелым и высокоурожайным.

— Я назвала его юбилейным, — говорит Лидия Николаевна, — в честь 30-летия нашей славной Советской Башкирии.

Василий Павлович Стреляев за последние годы исколесил вдоль и поперек всю республику, намечая опорные точки для плодово-ягодных питомников, разрабатывая агротехнические мероприятия для различных климатических зон. Теперь плодово-ягодные культуры из сада на горе распространились по всей Башкирии.

В конце прошлого года башкирские колхозники участвовали во Всероссийском совещании садоводов в Москве. В числе их был молодой бригадир колхоза имени Гафури, Кармаскалинского района, тов. Бадретдинов. За короткое время он сумел сделать сад своего колхоза лучшим в районе.

По достоинству был оценен виноград садовода-опытника тов. Шкорпаля, который за свою работу получил грамоту и значок «Отличник социалистического сельского хозяйства».

Г. Калякин

Ежедневно из Абхазии в разные районы страны отправляют на самолетах саженцы и черенки цитрусовых, инжира и гранатовых деревьев. На снимке: работник Молдавского государственного питомника А. С. Черниченко на Сухумском аэродроме осматривает саженцы и черенки субтропических растений перед отправкой их в Кишинев

Фото С. Короткова

КОРОТКО

СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. И. МОСИНА — изобретателя знаменитой трехлинейной русской винтовки — отмечают трудящиеся Тулы. Готовится специальная выставка, посвященная творческому пути создателя прославленного стрелкового оружия.

●

1500 ЖЕНСКИХ СОВЕТОВ организовано в селах Львовщины. Они объединяют более 20 тысяч крестьянок. Советы ведут большую организационную и агитационно-массовую работу.

●

ВНОВЬ ОТКРЫВАЕТСЯ Музей истории и развития Ленинграда. Музей насчитывает более 100 тысяч экспонатов. Залы, посвященные социалистическому Ленинграду, покажут огромные изменения в облике города за годы советской власти. Послевоенное восстановление и строительство найдут отражение в макетах будущей площади Ленина, Приморского парка Победы со стадионом имени С. М. Кирова, стадиона имени В. И. Ленина и других сооружений.

Фото О. Кнорринга

Посадка деревьев в столице

По улице Горького — между площадью Пушкина и площадью Маяковского — вдоль тротуаров движутся подъемные краны, грузовики. В кузовах машин — ящики с деревьями, подготовленными к посадке. Стрелы кранов подхватывают ящики и медленно опускают их в зияющие ямы. Рабочие разбирают доски, которыми обшиты корни вместе с окружающей их землей, и 25-летние липы встают на новой почве.

Вскоре по обеим сторонам улицы Горького на всем ее протяжении от Белорусского вокзала до Охотного ряда выстроятся ряды лип.

В течение мая будет озеленена также Старая площадь. Начинаются посадки деревьев на Садовом кольце — от площади Восстания до площади Маяковского. Восемьсот тополей будут высажены вдоль Ярославского шоссе.

Работа по озеленению развертывается в Ждановском районе, на Шарикоподшипниковой улице.

Всего в этом году на центральных улицах и площадях столицы будет высажено две с половиной тысячи деревьев.

«УТРО НАШЕЙ РОДИНЫ»

Картина Ф. Шурпина «Утро нашей родины» — новое, превосходное решение нашей живописью труднейшей и ответственнейшей темы: создание образа вождя, учителя и друга советского народа товарища И. В. Сталина.

Художник изображает товарища Сталина на утренней прогулке. За его фигурой на переднем плане — необъятная ширь колхозных полей, уходящие вдаль мачты электропередач.

Картина Шурпина — монументальное полотно, насыщенное большим внутренним смыслом. Это действительно "Утро нашей родины", полной творческой энергии, глубоко уверенной в своих силах. Картина захватывает поэтичностью, задушевной искренностью.

Полотно "Утро нашей родины" — результат длительных поисков художником живописно-пластического выражения идеи Родины, идеи страны социализма.

Впервые к этой теме Ф. Шурпин обратился в картине «Возрождение», написанной вскоре после окончания Великой Отечественной войны в 1945 году. В ней художник выразил идею Родины в образе колхозницы, сеющей семена в поле. В стремительности движений женщины, в размахе ее руки художник передает радостный подъем, пафос труда. Фигура колхозницы на фоне полей монументальна.

На выставке 1947 года Шурпин показал картину «Мать», в которой дал новый лирический вариант темы Родины как темы материнства. Композиционно картина разрешена также в монументальном плане.

И живописно и образно оба эти полотна как бы подготовили последнюю картину Ф. Шурпина «Утро нашей родины». Художник соединил образ Родины с образом великого вождя советского народа товарища Сталина. Тема картины — ясное летнее утро — позволила художнику особенно тепло и человечно трактовать облик вождя.

«Утро нашей родины» по заслугам отмечено Сталинской премией. И нет сомнений, что эта картина станет одной из любимых советским народом.

А. Федоров-Давыдов

Многокрасочная репродукция с картины художника Ф. Шурпина «Утро нашей родины» рассылается вместе с этим номером «Огонька».

ЗА МИР!

Илья ЭРЕНБУРГ

9 мая 1945 года люди во всех странах облегченно вздохнули, на всех человеческих языках они радостно повторяли слово «мир». Вспоминая ночи Лондона и Ковентри, годы фашистского изуверства, гестаповцев в Париже и в Праге, пепелища Лидице и Орадура, газовые камеры Освенцима и Майданека, люди во всех странах знали, чем они обязаны советскому народу, и не было тогда на свете матери, которая не благословляла бы героев Сталинграда.

С того дня прошло всего четыре года, и вот в разных странах люди тревожно озираются, на всех человеческих языках они повторяют недоброе слово «война». Угроза, как черное облако, повисла над каштанами Франции, над оливами Италии, над изумрудными лугами Англии.

Давно — до первой мировой войны — французский социалист Жан Жорес, убитый потом из-за угла одним из предтеч фашизма, сказал: «Капитализм несет в себе войны, как туча несет в себе грозу». Это было не поэтическим образом, а точной справкой: две страшных войны подтвердили правоту слов Жореса. Умирающий капитализм поддерживает теперь не кислородом, а порохом.

Между двумя войнами я видел, как в Дании убивали молочных коров, из них делали корм для свиней: обезумевшие торгаши пытались удержать цены на масло. Потом начали уничтожать свиней — хотели удержать цены на сало; из свиней изготовляли удобрение. А когда на полях, удобренных свиньями, вызрела пшеница, торговцы стали окрашивать ее яркокрасной краской — эозином, чтобы люди не ели дешевого хлеба: сумасшедшие жаждали удержать цены на зерно. Пшеницей цвета крови кормили коров, потом коровами кормили свиней, потом свиньями удобряли землю... А тем временем безработные Дании умирали от голода. Все это похоже на скверный сон, но это их экономика, их порядок, их мир.

Американцы утверждают, что советские писатели и журналисты, описывая современную Америку, выдают свои пожелания за действительность. Но вот передо мной французская газета «Монд». Это официоз французского министерства иностранных дел, ее редакторы и сотрудники столь же страстно обожают Соединенные Штаты, сколь страстно ненавидят коммунистов. В газете «Монд» от 22 марта Роберт Эскарпи рисует Нью-Йорк 1949 года:

«Я вернулся сюда после трех лет разлуки... Есть некоторые перемены, которые бросаются в глаза. Например, количество военных — их можно увидеть повсюду — на улицах, в метро, в публичных местах. Это не слегка усталые ветераны войны, это упитанные, в новеньких френчах, свеженабранные люди, они безапелляционно смотрят на встречных... Ветераны войны — их много, это распылившаяся масса — чувствуют себя растерянными, они не приспособились к жизни... Они уже не испытывают радости перед заработками и комфортом. Вечное круговращение долларов, этого мотора американской жизни, больше их не привлекает, наоборот, оно рождает в них смутное недоверие... Страх, темный, парализующий, неотвязный страх связан с воспоминаниями о кризисе после первой мировой войны. Самое худшее, что новый кризис не будет внезапным, как первый. Кризис растет с каждым месяцем... В избытке осторожности некоторые промышленники хотят предупредить события и сокращают производство. В США уже три миллиона безработных, их ряды пополняются фронтовиками, кончающими образование. Один американец сказал мне: «План Маршалла — это не Америка, которая спешит на помощь Европе, это Европа, которая идет на выручку Америки...» Другая угроза — война, но ее почти что принимают, во всяком случае ее предпочитают экономическому кризису... Война уже как бы существует в рассказах и рисунках различных изданий, где преступник обязательно славянин, которого легко сражает молодой, мощный англо-сакс, обладающий воинственным подбородком... В такой несколько угнетающей атмосфере живет теперь американец... У него нечистая совесть, и по разным причинам он неохотно останавливается на Греции, Китае, Японии, Германии...»

Мы теперь знаем, отчего с тревогой смотрят матери Европы на своих детей: умалишенные дельцы Америки, страшась надвигающегося кризиса, хотят убить миллионы людей, пролить реки крови, снести с лица земли древнейшие города, только чтобы спасти свои дивиденды, свои акции, свои доллары.

Орган американских биржевиков «Юнайтед стейтс ньюс» 31 декабря 1948 года достаточно ясно говорил: «Если мир в действительности будет обеспечен, все развалится, теперь бизнес поддерживается военными расходами и помощью другим странам». Два дня спустя газета «Нью-Йорк стар» признавалась: «Многие деловые люди опасаются возможности мира с Советским Союзом и сокращения военного бюджета, ибо это означало бы падение нашей деятельности». Можно ли быть откровеннее? Их «деятельность» — это кружение воронов, которые жаждут добычи. Их зловещий грай слышится в речах различных министров, в скрипе перьев, подписывающих пакты и соглашения, в тысячах статей, книг, проповедей. «Деловые люди»... Да сколько их в самой Америке? Несколько десятков тысяч. И вот ради этих любителей человечины должны погибнуть миллионы людей, молодость мира, памятники старины, колыбели, сады, книги!

Подписывая Северо-атлантический пакт, правители США и подчиненных им стран произносили сладкие слова о «строго оборонительном характере» сговора. Однако газеты умеют не только болтать: они умеют и пробалтываться. Так, например, вашингтонская газета «Ивнинг стар» писала 17 марта: «Семьдесят стратегических объектов России находятся под угрозой атомных бомб благодаря радиусу действий бомбардировщиков «Б-36». Газета «Каррефур» от 23 марта с. г. дает описание работ американцев, подготовляющих истребление человечества с помощью микробов: «Вполне удовлетворительных результатов можно ожидать от легочной чумы... Среди двадцати трех эпидемий, над которыми работает генеральный штаб бактериологов, имеется туляремия, ее считают гуманным оружием, так как пораженные ею редко умирают... Помимо микробов следует остановиться на ядовитых препаратах. С помощью пятидесяти граммов ботулинума можно умертвить один миллиард людей». Я оставляю в стороне вопрос о научных познаниях этих господ, я только подчеркиваю их откровенную кровожадность. Нельзя изображать из себя казанского сироту, трогательно сморкаться на торжественных церемониях, а потом помахивать атомной бомбой или пробиркой с чумными бациллами.

Правители Англии, Франции, Италии и других западноевропейских государств продали жизнь своих народов американским хищникам. Наиболее разумные представители европейской буржуазии великолепно понимают, что означает Северо-атлантический пакт. Французский академик Этьен Жильсон, один из деятелей правительственной католической партии, определил суть договора: «Что хотят купить с помощью долларов? Нашу кровь». Правая французская газета «Монд» пишет 17 марта с. г.: «Отношение к пакту народов Америки и Западной Европы различное... Для одних самое важное — выиграть войну, если ее не удастся избежать. Для других самое важное — сделать так, чтобы войны не было». Газета «Монд» умеет выражаться дипломатически. Если перевести ее рассуждения на язык простых смертных, это означает: «Для американцев важно выиграть войну, для европейцев — помешать войне».

Я говорил о министрах и дипломатах, о бизнесменах и журналистах, о фабрикантах пушек и о псевдоученых, разводящих микробы. Но ведь не они решают судьбы мира. Кроме министров, послушно подписавших вашингтонский пакт, имеются в Европе народы, народы, которые не раз подымались в защиту своих прав, гордые своей культурой, привязанные к своей земле. Да и в Америке проживают не только бешеные бизнесмены и атомщики; в Америке живут также простые люди — мелкие фермеры, шахтеры, литейщики, каменщики, сельские учителя, люди труда и совести. Вряд ли сотрудники газеты «Монд» сделают что-либо для спасения своей родины от ужасов войны: они вздохнули печатно и этим считают свой долг выполненным. Но народ Франции умеет не только говорить: об этом могут кое-что рассказать камни Парижа...

Когда впервые представители рабочих решили праздновать день весны—Первое мая,— они громко провозгласили: «Братство народов». Человек труда крепко привязан к своей земле, он любит ее язык, ее обычаи, ее холмы, ее деревья, ее песни; но он знает, что сосед — ему не враг, он знает, что великое братство связывает всех людей труда, где бы они ни жили. И теперь, когда газеты переполнены отвратительными разговорами о подготовке к «третьей мировой войне», праздник Первого мая звучит как грозное предупреждение империалистам: если вы подымете оружие, вы первые от него погибнете.

По-разному живут и трудятся люди в разных странах. В Голландии люди день и ночь борются с наступлением моря, в Северной Норвегии они отогревают комья промерзшей земли, а возле Альмерии, где по нескольку лет сряду не бывает дождей, испанские крестьяне неслыханными усилиями орошают землю, жесткую, как камень. Рыбаки Бретани гибнут возле Исландии, куда ходят за треской, итальянские каменщики строят города Европы и Америки, в черных и душных шахтах Уэлса английские шахтеры добывают уголь. Болгарские крестьяне выращивают душистый табак, лесорубы Финляндии сплавляют лес, старые словацкие пастухи «бачи» го-

* * *

В Вестминстере — золото, мрамор
и плесень.
В музейной дремоте стоят вдоль стены
Создатели старых романов и песен,
От мира широкого отделены.

Но я одиночество бардов нарушу!
Я выйти хочу вместе с ними наружу,
Туда, где народ нашей правдой разбужен!

Вы, Диккенс, писали когда-то министрам,
Что в Доме Холодном ребенок погиб.
Создатель английского мальчика Твиста,
О многом сейчас рассказать вы могли б!

И вы, после смерти увенчанный лавром,
Вы пели любовь Дездемоны и мавра.
О, как заклеймили бы вы палачей,
Что жгли наших юношей в жерлах печей,
Бросали влюбленных в стенающий ров
За то, что в их жилах — славянская кровь!

Не может все это опять повториться!
Восстаньте, Шекспир! И поставьте в вину
Разбитое счастье тем новым убийцам,
Что новую людям готовят войну!

Я знаю, что в храме, увиты венками,
Вы — статуи только, вы — мрамор, вы —
камень.
На каменных ликах — безмолвья печать.
Но вы-то, живые, не знали покоя!
А время такое, а время такое,
Что камни не могут молчать!

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

нят отары. Стоит у конвейера рабочий Форда, и собирает хлопок раб из штата Миссисипи, проверяет часы искусный швейцарский мастер, и ловко скручивает сигары смуглая кубинка. Великим трудом оплачены и рис Китая, и чешская обувь, и ньюйоркские небоскребы, и медь Чили, и шелка Лиона, и нефть Венецуэлы, и венгерская кожа, и польские ткани.

Велика и многообразна наша Советская страна, есть в ней и лимоны Юга, и олени Севера, и гигантские заводы, и промыслы рыбаков, и горные пастбища, и шахты, и нефть, и золото, и пшеница. Наши советские люди знают и уважают труд; для них родные братья — все труженики мира: и те, что строят свой дом, освободившись от прежних хозяев, и те, что еще вынуждены работать на работодателя или на рабовладельца. Братство трудящихся — это наша страсть, наша вера, наша крепость. Именно потому, что мы верим в людей труда, нас не страшат вопли любителей человечины.

Я помню, как французские рабочие возле Лилля охраняли станки, которые хозяева хотели уничтожить: это было в годы экономического кризиса. Станки принадлежали капиталистам, но рабочие ограждали их, как добро, принадлежащее всему народу. В годы фашистского порабощения рабочие Праги и Парижа, крестьяне Польши, Франции, Италии и других стран спасали от изуверов дома, книги, человеческие жизни, — именно люди труда сражались за национальную свободу, за человеческое достоинство, за культурные ценности. Буржуа в мирное время занимаются угнетением людей, уничтожением материальных ценностей, повседневным вандализмом. В годы войны буржуа, предавая интересы своей нации, обогащались на могилах и на развалинах. Естественно, что мировую культуру спас тот народ, который давно отверг право одного человека эксплоатировать других людей. Советские люди сражались за великие культурные достояния: за язык Пушкина, за право пастуха или дровосека взять в руки глобус, за социальную справедливость. Петэн поднял вверх руки, американцы благословляли океан, а сталевар Иванов и тракторист Петров спасли от варваров университет Праги, Луврский музей, будущее Европы и мира.

Каждый народ вносит свой вклад в сокровищницу мировой культуры. Гений Испании, ее глубокая ирония и великодушие нашли свое выражение в творениях Сервантеса. Можно ли забыть, что дали человечеству зодчие и живописцы Италии?! Можно ли пройти мимо Шекспира, Свифта, Диккенса, которыми справедливо гордятся англичане?! Французские энциклопедисты проложили путь к более разумной жизни; в ясности, в гуманизме сказался гений Франции, как гений Германии слышен в ее великих композиторах. Русский роман перевернул совесть мира, открыл новые понятия добра, человеколюбия, подлинной народности.

Непохожи друг на друга города мира — Ленинград, с его гармонией домов, воды, неба, и Мадрид, в план которого как бы входят камни Сьерры, суровый Стокгольм и розовая Флоренция, готика Руана и барокко Праги, древности Рима и новизна Нью-Йорка, туманные здания Лондона и паутина улиц старого Парижа. Различны языки, мелодии, цвета. Каждый народ вносит в культуру свои особенности, и каждый, кто дорожит всеобщей культурой, дорожит национальными чертами, присущими культуре того или иного народа. Желая захватить мир, американские хищники стараются обезличить попавшие под их власть страны, лишить их красок, запахов, звуков, свойственных данной земле и неподдающихся той унылой, однообразной форме, которую за океаном спесиво восхваляют как «американский образ жизни».

Недавно в одном ньюйоркском журнале была помещена забавная карикатура: мечты янки. Американец сидит, и ему кажется, что все вокруг похожи на него как близнецы — и полицейский, и солдат, и рабочий, подметающий улицу, даже лошадь молочника, — у всех его лицо. Мечта уж не карикатурного мечтателя из Оклахомы или Техаса, а правителей Америки — сделать мир единообразным, похожим на захолустье Нового Света. А до этого столько-то атомных бомб, голое место там, где была слишком древняя, слишком своеобразная и слишком строптивая Европа.

Деятели культуры — ученые, писатели, художники, врачи, педагоги — понимают, что война, о которой мечтают авторы Северо-атлантического пакта, — смертельная угроза всей культуре человечества. Деятели культуры понимают также, что спасти мир от войны может только сплочение людей мысли с миллионами простых людей. На Парижский конгресс приехали не только представители трудящихся, но и прогрессивные представители культуры, писатели, ученые, художники европейских и американских стран. Этот конгресс накануне Первого мая означает твердую решимость созидателей оградить мир от потерявших рассудок атомщиков.

Преступник, задумавший злодеяние, бывает одержим страхом: он боится, что выдаст себя, озирается по сторонам, пугается любой тени. Таким страхом поражены теперь империалисты. На Ньюйоркский конгресс американцы не допустили представителей Англии и Франции. На Парижский конгресс французские шерифы не захотели допустить всех представителей народно-демократических стран. В Рио-де-Жанейро делегатов, собравшихся выразить свою волю к миру, бразильские шерифы встретили ружейным огнем. Но остановить движение за мир так же невозможно, как остановить весну, и если даже американский сенат примет закон, устанавливающий, что после апреля должен идти март, после апреля неотвратимо придет май.

Страх руководит всеми поступками любителей войны. Они боятся кризиса и голливудских актрис, они боятся не только народов: они боятся голоса, шороха, тени. Они ежедневно пугают мир то сверхатомными бомбами, то микробами чумы, и, пугая, они боятся своих же россказней. В последнем докладе знаменитой Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, датированном 31 декабря 1948 года, имеются следующие живописные строки: «До сих пор в самом американском правительстве имеются коммунисты». Это напоминает бред параноика. Отсюда недалеко до казуса с бывшим военным министром США, который, выбежав голый на улицу, стал кричать: «Идут советские танки!»

Нужно оградить мир от этих умалишенных. Народы смотрят с надеждой на Советскую державу — сильную, но миролюбивую. В день Первого мая, в день труда и братства, мы говорим всем честным людям мира, всем его труженикам и творцам: никогда не удастся хищникам потопить в крови молодость! Вместе с честными людьми разных стран мы спасли культуру на поле боя. Мы спасем культуру мирным трудом, отстоим города и села Европы, не дадим в обиду детей. Пусть каркают вороны над Потомаком. Пусть облизываются шакалы в Фонтенбло. Пусть Черчиллю снятся походы. Никогда им не одолеть нас. Никогда им не справиться со своими народами. Никогда им не остановить истории — в мае не бывает пурги, и куклуксклановцам не повторить эсэсовцев: всему свое время!

Несокрушимое препятствие на пути англо-американских наездников...

Рисунок Бор. Ефимова

ЗНАМЯ БОРЬБЫ И ДРУЖБЫ

(Письмо из Чехословакии)

Павел СИМОНОВ

Знамя стоит в углу комнаты, освещенное заходящим солнцем. Следы от пуль на нем кажутся совсем свежими, и словно чувствуешь запах пороха в складках выцветшего шелка. Я прикасаюсь к древку: от него исходит теплота рук, державших его.

С такими знаменами пролетарский Париж выходил на баррикады Коммуны. Такие знамена развевались над Красной Пресней, над суровыми колонками рабочих, солдат и матросов, шедших на штурм Зимнего дворца...

«От рабочих московского завода «Динамо» — участников первых боев за Советы», — читаю я слова на знамени. И на меня сразу веет ветрами Родины, шелестом красных полотнищ на парадах и демонстрациях страны победившего социализма. Чьи же мозолистые руки донесли знамя московских рабочих до чехословацкого городка Лученец, затерявшегося среди гор и лесов на границе Чехословакии и Венгрии? Почему так заботливо, так любовно сохраняется оно в светлой, просторной комнате городского управления?

— Мы называем его знаменем борьбы и дружбы! — говорит Игорь Любчиш, старый рабочий.

Он один из тех, кто, рискуя жизнью, сохранил знамя в черные годы фашистского оккупационного режима.

— Да, нам довелось дожить до счастливого дня, — говорит председатель городского управления коммунист Ружембер. — Вот с этим боевым знаменем московских рабочих мы встречали Советскую Армию, когда она освобождала наш город!

Волнуясь, Ружембер встает изза стола и подходит к знамени. Сильными руками кузнеца, на всю жизнь сохранившими следы ожогов и въевшиеся крупицы металла, глава городской власти расправляет складки красного шелка. Торжественная тишина наступает в комнате.

— Расскажи товарищу о знамени, родном для него и для нас,— тихо говорит Ружембер, обращаясь к Любчишу.

Любчиш встает и обводит взглядом друзей, сидящих в большой комнате. Он словно хочет сказать, что каждый из присутствующих имеет равное право поведать о том, как хранилось дорогое знамя. Как у всех людей, не привыкших к выступлениям, щеки Любчиша окрасились легким румянцем смущения.

— Не смущайся, Игорь!—ободряет его кто-то из присутствующих густым, рокочущим голосом.

— Счастья не следует стыдиться! — мягко говорит пожилая женщина Ружена Гладиш.

— Я не стыжусь! — отвечает Любчиш. — Только уж вы дополните мое слово, если не так складно у меня получится!

Любчиш, костистый, широкоплечий, в темносиней клетчатой рубахе, стоит, опираясь жилистыми руками на край стола. Легким наклоном головы он благодарит собравшихся за оказанную ему честь.

— Я поведу свою речь издалека, — начинает Любчиш, — с Москвы начну. Выпало и мне в жизни большое счастье — видеть Москву! В 1928 году был я в числе тех семи наших товарищей, которым рабочие завода «Динамо» вручили свое боевое знамя. У власти тогда у нас стояла буржуазия, капиталисты были хозяевами страны. Очень хорошо приняли нас московские рабочие. Как родных братьев, и даже еще сердечнее: как братьев, которые в беде, которым от всей души хочешь помочь, вот как они нас приняли! Понимали мы все их речи без переводчика. Да разве не поймет чех или словак родной славянский язык! Понимали хорошо, а если какое новое слово случалось услышать, сердцем чувствовали. Рабочий своего брата рабочего всегда поймет. А когда вручили нам знамя, кто-то из русских товарищей сказал, я и сейчас еще отчетливо слышу его слова: «Трудно будет, друзья, провезти вам знамя на родину!» «Ничего, провезем, братья!» — ответили мы ему. И мы провезли знамя через границу, доставили в свой город Лученец. Долго обо всем рассказывать, да и наши дети будут передавать об этом своим детям...

Последние слова Любчиша тонут в громе аплодисментов. Старый рабочий внимательно оглядывает всех, словно удивляясь, за что же ему аплодируют, почему у всех сидящих рядом так восторженно сияют глаза, а на лицах столько радости.

— Такие, точно такие лица, как сейчас у вас, товарищи,— говорит он,— были у рабочих нашего города, когда мы по приезде из Москвы впервые развернули дорогое знамя на первомайской демонстрации. Да что мне вам об этом говорить! Все вы прекрасно помните тот день нашей радости. И, конечно, вы не забыли слова Ленина, которые напомнил нам тогда, указывая на знамя, приехавший из Праги товарищ: прошли те времена, когда наш рабочий покорно гнул спину, не видя выхода из своей подневольной жизни, не видя света в своей каторжной жизни. Социализм указал этот выход, и к красному знамени, как к путеводной звезде, потянулись тысячи и тысячи борцов.

Мы высоко подняли тогда над своими колоннами знамя московских рабочих, а товарищ из Центрального Комитета нашей коммунистической партии закончил свою речь такими словами: «Чем выше мы понесем красное знамя, тем скорее солнце социализма засверкает над нашей землей!»

Помолчав мгновение, старый чешский металлист улыбнулся и сказал с проникновенной силой:

— Это говорил нам человек из Праги. Человек этот был наш Клемент Готвальд, он тогда первым призвал нас высоко нести знамя московских рабочих.

Выждав, когда стихла новая волна аплодисментов, Любчиш продолжал свою речь:

— Мы выполнили призыв нашего руководителя, выполнили свой святой, рабочий долг. Знамя дружбы, политое кровью московских рабочих, участников первых боев за Советы, мы окропили и нашей кровью в черные годы режима Хорти, когда Гитлер отдал наш город венгерской реакции. Как ни охотились за знаменем фашисты двух стран, мы сберегли его и с ним вышли встречать светлый день освобождения от фашизма. Знамя это развевалось на баррикадах нашего города, когда мы восстали, когда поднялись навстречу освободительнице нашей, Советской Армии!

Волнуясь, закончил последние слова старый рабочий. Когда он сел, послышались возгласы одобрения.

— Хорошо сказал! Очень хорошо!

— Если что упустил, дополняйте вы, мы же вместе берегли нашу святыню! — сказал Любчиш.

— Дополним! Все расскажем!

Мы просидели в комнате городского управления всю ночь. Сквозь белесые, покрытые ветвистой изморозью окна уже пробивался синеватый рассвет, а рабочие все рассказывали, как боролись они с кровавыми псами мадьярской полиции и немецкого гестапо, как сохраняли от вражеских ищеек свою гордость — знамя рабочих Москвы.

...О том, что знамя находится в городе, знали все. Но тайна его хранения была вручена десятку

Группа чешских коммунистов у знамени московского завода «Динамо», полученного рабочими города Лученец (Чехословакия) в 1928 году и сохраненного во время немецкой оккупации.

Фото Я. Паволоцкого

человек. Иногда говорят, что тайна, которую знают три человека, не есть тайна. Лученецкие рабочие показали, что дело не в количестве знающих, а в том, какие люди и какую тайну сохраняют. Ядром рабочих Лученца были коммунисты во главе с секретарем подпольного комитета Божедаром Чапеком. Берегли тайну Чапек, некоторые другие коммунисты и беспартийные рабочие, простые люди, которых роднят между собой трудовые мозоли на ладонях.

Гитлер, заняв с согласия англо-французских империалистов Чехословакию, отдал Лученец своему венгерскому союзнику Хорти. Мадьяры знали, что в городе с 1928 года хранится знамя московских рабочих. Начались массовые аресты, повальные обыски. Но знамя словно под землю ушло. И оно действительно ушло под землю. Вначале Любчиш хранил его в старой подушке. Но затем в ночь обысков он отнес знамя на городское кладбище и закопал под могильной плитой. На случай ареста старый рабочий предупредил нескольких товарищей о месте, где спрятано знамя. Знали о тайне также его сын и жена. Вскоре сына арестовали. Но молодой Андрей Любчиш не выдал секрета, мужественно перенес пытки и в конце второй недели истязаний был расстрелян мадьярами на той самой площади, где впервые было развернуто перед народом священное знамя. Семерых человек расстреляли тогда мадьяры, и среди них — троих, знавших о местонахождении стяга. Ни один не проговорился перед дулами винтовок, все мужественно унесли тайну в могилу.

Молодчики кровавого Хорти, не добившись ничего террором, поспешили обнародовать, что «флаг Москвы» якобы найден. В воскресенье 22 июня 1941 года, в день нападения фашистской Германии на Советский Союз, они под торжественное пение псалмов во всех костелах города действительно сожгли на центральной площади какое-то большое красное полотнище. Но уже назавтра, утром 23 июня, на самом высоком шпиле одного из костелов развевался на ветру красный флаг. На этой, самой высокой точке, видной со всех концов города, он оставался три дня.

Удивленно и обрадованно смотрели на призывно полыхавший красный флаг жители оккупированного города. Таращили глаза, переглядываясь между собой, солдаты немецких дивизий, перебрасываемых на Восточный фронт. Немецкое командование вынуждено было пускать колонны своих войск в объезд города. И только в конце третьего дня несколькими очередями из крупнокалиберного пулемета было перебито древко стяга. Подхваченный ветром, он пролетел немного и зацепился за высокое дерево. На самой вершине осокоря флаг реял над городом еще больше часа, пока не был расстрелян огнем из орудий трех танков, присланных усмирять «бунтующий» город.

В течение наступившей ночи в городе не было ни одного дома, где бы не побывали гестаповцы. Много людей было схвачено, но виновника «беспокойства» так и не нашли. Среди арестованных оказался старый металлист Шрамек, ездивший в Москву с делегацией рабочих, которая привезла знамя. Разумеется, коммунист Шрамек знал, где спрятано настоящее знамя рабочих Москвы.

Гестаповцам также было известно, что Шрамек ездил в Москву. Таких мучений, таких пыток, каким подвергали Шрамека, не может представить никакое воображение. И гитлеровские выродки одержали «победу» только в одном: Шрамек был замучен до смерти. Но то, чего не выдержало тело, вынесла воля коммуниста: он умер, не проронив ни единого слова. Немцы так и не узнали, что к этому времени именно у него, у замученного ими Шрамека, под старой сливой перед окнами было запрятано знамя московских рабочих.

Почти все лето 1941 года о знамени ничего не было слышно. Немцы с мадьярами готовы были считать затаенное молчание населения знаком покорности перед могуществом фашистской империи. Пресса, радио оккупантов на тысячи голосов кричали о боях под Москвой, о готовящемся параде немецких войск в Москве...

Но вот настал день 7 ноября, день, дорогой для всех трудящихся мира. С утра по всему городу заполыхали на осеннем ветру красные флаги всех размеров — от больших полотнищ до крохотных красных язычков. Полиция, жандармы и гестаповцы сбились с ног, охотясь за красными флагами. Но самое удивительное и торжественное событие наступило в середине дня. Над толпою жителей, согнанных на городскую площадь для объявления очередного угрожающего приказа коменданта, заглушая лающие слова немецкой команды, прозвучали вдруг полные спокойствия и силы слова Сталина: «...враг жестоко просчитался».

На площади наступила удивительная тишина — люди слушали родной сталинский голос напряженно и радостно. Враги в замешательстве не знали, как поступить. А голос над площадью лился широкой неудержимой рекой. «Враг не так силен...» — неслись обнадеживающие слова из Москвы, и люди ловили их, как изнывающий в пустыне путник жадно ловит капли освежающей влаги.

Немцы стали громить собственную радиостанцию, подозревая, что московскую волну случайно поймали их же радисты. Пока они примеривались, как разогнать ими же собранных людей, над площадью уже прогремели слова, звавшие на подвиг: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» И взгляды тысячи людей радостно скрестились на огненно-красном полотнище, которое реяло над зданием ратуши.

Трескотню немецких автоматов, которыми немцы хотели напугать и рассеять людей, заглушили три четких слова:

«Смерть немецким оккупантам!»

Радио умолкло, но в сердцах людей уже прочно жила священная надежда на освобождение. И хотя полиция нашла и разбила радиоприемник, установленный коммунистами-подпольщиками в чердачном окне ратуши, гестаповцы должны были расписаться в позорном провале.

Как ни свирепствовали черные стервятники Гитлера два раза в год — 1 Мая и 7 ноября, — красные флаги подымались над непокорившимся городом. А осенью 1944 года взвились в центре города два флага: трехцветный — Чехословацкой республики — и огромное красное полотнище — в честь приближающейся Красной Армии. Оба флага поднял Божедар Чапек, руководитель городского комитета коммунистической партии, вышедшей из подполья и поднявшей восстание.

И вот тогда-то на баррикаду вынес старый Любчиш подарок московских рабочих. Затрепетав на ветру, словно подняв огненные крылья, призывом к борьбе взвилось расшитое золотом знамя динамовцев. На следующий день ураганом ворвались в город советские танки. Они шли, не задерживаясь, на запад. Над их башнями развевались красные знамена с силуэтом дорогого и незабвенного Ленина.

— Сталинская гвардия! — сказал рабочим Лученца советский офицер.

— Мы тоже сталинская гвардия! — ответил Любчиш. — Потому что получили знамя на московском заводе, где не раз бывали Ленин и Сталин...

...Когда мы вышли из помещения городской управы, солнечные лучи уже расцветили далекие облака над горами.

— Только советские люди могут понять, как дорого нашему народу это пробитое пулями знамя! — сказал Божедар Чапек. — Оно вселяло в нас веру в победу над врагом, оно поднимает сознание наших людей, укрепляет чувства межнациональной дружбы.

Стояло над городом утро. В небе раскинулись розовые побеги восхода.

— И мы с гордостью показываем это знамя борьбы и дружбы гостям из Советского Союза, из страны, которая вместе со знаменем вручила нам веру в светлую жизнь и принесла нашему народу то, о чем мечтали многие поколения чехословаков, — свободу! — прощаясь, говорил нам Любчиш. — Вот почему мы учимся у советских людей строить лучшую жизнь. И мы ее построим! Действительность опережает наши мечты! — закончил рабочий, и лицо его, иссеченное сеткой морщин, посветлело.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

ВАРВАРСКОЕ НАДРУГАТЕЛЬСТВО НАД ЧАЙКОВСКИМ

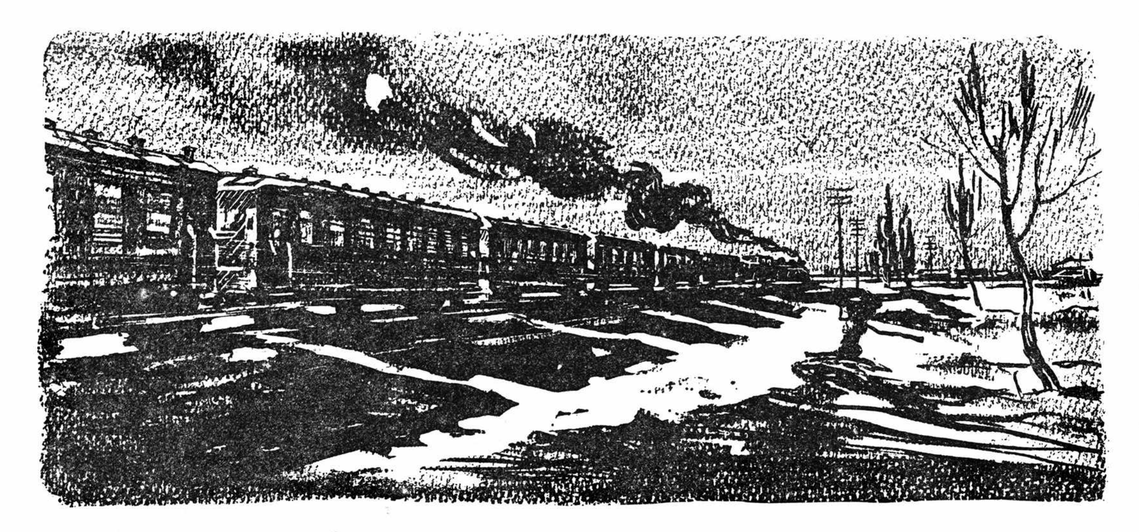
Известно, что в руках американских дельцов музыка все более превращается в простую служанку бизнеса и рекламы. Могильщики музыкального искусства из числа эстетствующих композиторов и исполнителей охотно уродуют и выхолащивают классическое музыкальное наследство в угоду низменным вкусам буржуазии. Так, например, в концертных залах Нью-Йорка подвизается некая «пианистка», которая играет переложенные на джаз произведения Бетховена и Баха, и притом одновременно на двух роялях.

Но верхом цинизма является шедшая в Нью-Йорке оперетта «Музыка в моем сердце», состряпанная неким Штайнингером из обезображенных до неузнаваемости отрывков музыки гениального русского композитора Чайковского. Как писал чешский журнал «Народна культура», музыкальные лакеи денежного мешка дошли до предела наглости, сделав героем этого издевательского «произведения»... самого Чайковского. Мало того: они надругались над памятью великого композитора, заставив его по ходу действия пройти через вымышленный пошлый роман с какой-то американской танцовщицей. В погоне за долларом дельцы от музыки не останавливаются перед опошлением величайших ценностей мировой культуры, тем самым показывая во весь рост хваленую «культуру» американского капитализма.

ЧЕХОВ И «АНТИАМЕРИКАНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

В Калифорнии обретается некий сенатор Теннэй. Он прославился тем, что весь свой темперамент реакционера и мракобеса вкладывал в руководство местным филиалом пресловутой «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности». Однажды этот «деятель» предъявил очередное обвинение в «антиамериканской деятельности» одной калифорнийской кинофирме. «Преступление» фирмы заключалось в том, что она поставила... два фильма по сюжетам произведений Антона Павловича Чехова.

По предписанию сенатора Теннэя кинофирма была немедленно включена в список «подозрительных организаций». Когда некоторые из калифорнийских граждан поинтересовались, за какие же провинности обрушились на кинофирму столь строгие меры, Теннэй счел нужным выступить с официальным разъяснением. Сей потомок вымирающих зубров заявил, что на той земле, где он, сенатор Теннэй, является председателем комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, не будет допущена постановка фильмов, которые «написал какой-то русский, по фамилии Чехов».

БЫЛЬ НА РАССВЕТЕ

Галина **ШЕРГОВА**

Рисунки Г. Храпака

1. НОЧЬ

Точно просыпаясь и потягиваясь, поезд отходил от обугленной темнотой ночной станции. Уже угомонились пассажиры, выстроив вдоль прохода шеренгу сапог и туфель. Только время от времени стремительно пролетала по вагону пышная проводница и, необычайно высоко подняв брови, смешно пришепетывая, выкрикивала название следующей станции, да возился на боковой полке белобрысый паренек. Бедняге дуло от окна в спину, и он, неуклюже подтыкая под себя шинель, беззлобно чертыхался.

Облокотившись на откидной столик, сидел черномазый и широкоплечий студент-дипломник в лыжной куртке ядовито-зеленого цвета. Он не спал, был переполнен впечатлениями. Он отлично представлял, как скажет в институте: «Там такие перспективы открылись!..» Студент ехал с практики на Сталинградском тракторном и теперь был обуреваем грандиозными перспективами своей будущей инженерской деятельности. Он непременно будет творить великие дела и непременно на таком заводе-гиганте.

Не спал и его сосед, агроном, возвращавшийся к себе в район из Сталинграда. И они говорили, как всегда в ночных поездах, тихо и доверительно. Ночью в пути неожиданно возникают откровенные разговоры. Все попутчики кажутся отличными людьми. Они сходят на маленьких станциях с трогательными названиями — Пуховичи или Лиски — и в городах с поэтическими именами — Полтава или Белая Церковь, — унося в своей памяти сокровенные страницы твоей жизни.

Студент с юношеским пафосом рассказывал о Сталинградском тракторном, о большом конвейере, о том, что он предполагает сделать для создания новых типов тракторов.

— Нет, только в таком масштабе можно теперь работать! — и он хлопнул рукой по столику в знак безоговорочности сказанного.

Агроном слушал, не перебивая, только время от времени поблескивали в темноте его крепкие зубы.

— Это, конечно, интересно,— сказал он.— Тем более, что вы еще в начале пути. Вам еще можно всю жизнь себе придумать. Собственно, в вашем возрасте всегда кажется, что точно знаешь, как она сложится.

Агроном был вдвое старше будущего инженера, и, чтобы ободрить его, юноша сказал:

— А разве вы не могли бы придумать себе жизнь? Разве она у вас сложилась не так, как вы хотели?

Агроном не ответил. Но попутчик не унимался:

— А как, по-вашему, Павел Никанорович, должна была бы сложиться жизнь человека?

Агроном усмехнулся:

— Ну, прежде всего, чтобы его работа была удачной... А, впрочем, я знаю, как бы мне хотелось, чтобы сложилась такая жизнь.

И он стал придумывать.

* * *

— Пусть было бы так. Жил где-то в Поволжье человек. За деревней, где он жил, лежала степь, перерезанная рекой. От реки, как щупальцы, тянулись во все стороны овраги и балки. Они жили своей незаметной жизнью, расползаясь все дальше и дальше, точа черное тело степи. Зимой степь дымилась от метелей и буранов. Они поднимали над землей вороха снега и сметали его в овраги. Летом степь замирала: над ней несся суховей, убивая все живое. Когда-то почва здесь была черноземной, но теперь во всех школьных учебниках о ней писали: «сухая степь». Но человек этот любил сухую поволжскую землю и очень хотел помочь ей. Поэтому он стал агрономом.

Павел Никанорович улыбнулся: — Я ведь энтузиаст своего дела, поэтому мне кажется, что лучше всего жизнь может сложиться у агронома. Ну, ладно. И попал, предположим, этот агроном однажды в Москву, в Тимирязевскую академию, на курсы усовершенствования специалистов сельского хозяйства. А в то время был еще жив Василий Робертович Вильямс, и его уговорили прочитать агрономам лекции, хотя он был уже стар и не выступал. И вот видит однажды наш агроном, как между рядами, держась за столы, идет высокий, сутулый старик с бритой головой. Старик поднялся на кафедру и начал говорить горячо и убежденно. Говорил он о том, что распространенная тогда двухпольная система севооборота изнуряет почву и делает ее бесплодной, что необходимо вводить травопольную систему, так как кормовые травы обогащают землю и восстанавливают ее крупчатую структуру, при которой почва лучше усваивает и сохраняет влагу и минеральные вещества.

Особенно заинтересовало агронома то, что говорил Василий Робертович о борьбе с засухой. Ученый считал необходимым насаждать в степях лес. Лес задерживает на полях снег, гарантируя постоянный запас влаги. Под покровом леса снега тают медленнее, почва промерзает меньше. Это как раз то, что было необходимо знать нашему агроному.

На боковой полке заворочался белобрысый парнишка и прислушался к разговору:

— Вы о чем это?

Павел Никанорович засмеялся:

— Да вот жизнь придумываем.

— Ну, ну,— парень положил на кулак вихрастую голову и стал внимательно слушать.

Павел Никанорович продолжал:

— Прочел однажды этот агроном, что в Каменной степи ученый Докучаев обнес лесом три опытных участка. И на них урожай стали снимать на 20 процентов больше, а в 1921 — засушливом — году в четыре раза больше, чем на соседних участках, не защищенных лесом. Потом прочел он, как в 1934 году в докладе на XVII партсъезде товарищ Сталин сказал, что насаждение лесов и лесозащитных полос в восточных районах Заволжья имеет громадное значение.

И решил наш агроном начать переделку земли. Разработал он план травопольных севооборотов, насаждения лесополос и отправился в область. Приходит к заместителю председателя облисполкома: так, мол, и так. Но тот его поднял насмех: «Почему вы хотите быть умнее всех? Никто еще не применяет этой системы в области». Огорчечный агроном пожаловался приятелю, директору районной МТС. Тот вспылил: «Кто? Зампред? Пошли к нему сию минуту! Я его в партию принимал! Бюрократом стал, видно!» Зампред был неумолим. Но и агроном не сдался. Собрал боевую дружину агрономов и добился, чтобы план его обсудили на бюро обкома ВКП(б).

Парень на боковой полке хмыкнул:

— Дотошного, однако, мужика придумали!

Павел Никанорович пожал плечами:

— А как же, другого не интересно. Значит, так. Обсудило бюро обкома и постановило: разрешить району в порядке опыта ввести травопольную систему. Агроном и принялся за дело. А через месяц — бац, телеграмма, снова вызывают в область. Совещание по этому же вопросу. Приезжает наш агроном. Приходит на совещание. Слушает и ушам своим не верит. Стоит на трибуне зампред облисполкома и с пеной у рта требует внедрения травопольной системы. Агроном тоже выступил на этом совещании, поделился своими замыслами, а вернувшись, сразу приступил к действиям.

* * *

Вагон качало. Под тусклой верхней лампой прыгал белобрысый вихор парнишки. Передвинувшись поудобнее, парень недоверчиво вставил:

— Я сейчас из области. Там вопрос решался о внедрении травопольной системы. Так-то ж сейчас. А по-вашему выходит, что этот агроном уже, небось, лет десять назад затеял такое...

Сосед взглянул на него:

— Но ведь мы же выдумываем... как было бы лучше...

Боясь, что он остановится, студент поторопил:

— Ну, ну, Павел Никанорович, а дальше?

— А дальше пусть так будет. Собрал агроном всех своих друзей и помощников, таких же патриотов и «болельщиков» за поволжскую землю, и разработали они новый план землеустройства. И сразу же вместе с землеустройством решили сажать лес. И вот каждое утро запрягал наш агроном лошадку и отправлялся в путь. Весенняя степь была зеленой и влажной от поздней росы, будто ее только что выстирали дочиста и, прополоскав в свежей речной воде, разложили сушить. Но агроном видел ту же степь выжженной и черной, в которой молчали даже кузнечики. И видел он эту степь, приподнявшуюся над землей золотистым валом колосьев, над которыми, как на страже, строго и торжественно, будто понимая важность своей обязанности, стояли деревья.

Крестьяне не сразу поверили агроному, хотя он им рассказал об этом с той убедительностью, с какой представлялась ему эта будущая земля: «Как это вдруг в степи лес будет!» Но вот то в одном колхозе, то в другом стали отыскиваться люди, которые хотели сажать лес. Спустя два—три года через степь, упрямо пробиваясь к солнцу зеленым гребешком, потянулись саженцы. Казалось, они брели куда-то далеко, дружные и веселые. И все больше друзей стало появляться у них.

Часто к агроному являлся величественный и разгневанный колхозный лесовод и, мотнув желтой от табака бородой, торжественно говорил: «Вот, товарищ агроном, эта личность, — за рукав он держал растерянного и переминавшегося с ноги на ногу чабана,— опять распустила скот. Дисциплины никакой. Опять скотина саженцы объела. Попрошу пройти с нами к прокурору. Суда требую».

Ф. Шурпин.

УТРО НАШЕЙ РОДИНЫ.

«Огонек». 1949.

А над степью все выше и выше поднимался лес, властно раскидывая ветви и по-хозяйски ощупывая корнями сухую землю. И земля уже чувствовала это.

Паренек на боковой полке был настроен крайне скептически.

— Что ж,— сказал он,— этот агроном один всю землю переделывал?

— Зачем один! — Павел Никанорович не поддавался на иронический тон паренька.— Наоборот. Агроном сразу почувствовал, что такой размах работ по новому землеустройству потребует не только горячих, но и знающих людей. Но таких в районе было мало. Как-то задержался наш агроном в дальнем колхозе. Заночевал у одного колхозника. Был трудный день. Агроном с хозяином допоздна были в поле, и гость рад был растянуться в теплой избе. Приятной усталостью гудели ноги, и агроному все казалось, что ходят они по полю и хозяин его, разминая в пальцах сыпучую землю, говорит о ней. Еще днем агронома поразило, что колхозник, не имеющий специального образования, отлично чувствовал эту землю, понимал ее натуру. Сейчас он сказал ему об этом. Но тот покачал головой: «Нет, чувствовать-то мало. Знаний у меня нет. Здесь ведь, в районе, много людей, к земле способных, только науки им нехватает». И той же ночью решили они создать в районе агротехнические курсы и учить самых способных колхозников.

Но вскоре агроному показалось, что и курсов мало. И добился он вместе с райкомом партии открытия своего сельскохозяйственного техникума. И что вы думаете? Через несколько лет стало в районе 85 агрономов, то есть не было колхоза, в котором бы не работал свой, местный агроном.

Парень на боковой полке сел:

— Ну, знаете, если даже и придумывать, то надо по-правде. Где это может быть, чтобы в одном районе 85 агрономов было? У нас, да и у соседей наших,— 3—4 на весь район.

Павел Никанорович ответил неожиданно упрямо и полемично:

— Нет. Так и должно быть. Внедрение травопольной системы требует научной мысли. Причем я считаю, что специалистов следует готовить из местных колхозников, знающих и любящих свою землю.

Однако парень был неумолим:

— Насчет 85 агрономов это, конечно, мечта, так сказать, проект будущего.. А что же толку было от всех революций вашего агронома? Практически, я спрашиваю.

— Было и практически. Главным образом практически.

И агроном рассказывал дальше. Может быть, он рассказывал слишком мечтательно и слишком красиво, так казалось студенту. Вообще поклонник техники, студент критически относился к «романтическим картинам». Но, слушая агронома, на какой-то момент он тоже увлекся и вдруг отчетливо представил, как в ту далекую осень листва свернулась рано и, опавшая, с мертвым шорохом металась по берегу. Над озером умирала природа. Поднявшись к небу, как отточенные сабли, стояли камыши. И, как сказочная Аленушка, сидела на берегу Маша Кривцова и смотрела в воду. Только на душе у Маши было куда тяжелей, чем у девушки из сказки. В тот, 1921 год вернулся из германского плена муж Маши, и она ушла в его большую семью. Теперь эта семья в одиннадцать душ была обречена на смерть: в Поволжье свирепствовала засуха, все лето не было дождя. Каждое утро вставала Маша, мелко рубила дубовую кору, заваривала кипятком и ставила в печь — это был обед. Потом она до глаз повязывалась платком и шла к озеру за камышом. Корневища тоже ели. Она шла и все ниже опускала голову: то тут, то там на улице станицы падали и умирали люди.

— И вот,— рассказывал агроном,— через 25 лет снова разразилась над машиной землей засуха. Правда, Маша была теперь уже Мария Симоновна, председатель крупного колхоза, член бюро райкома партии, но ту же тревогу испытала она. Жила Мария Симоновна в одном районе с нашим агрономом, и ее поля были тоже облесены. В тот год с полей соседних районов, за 15—20 километров от ее колхоза, собрали по 80—50, а то и по 30 килограммов— заметьте, килограммов! — зерна с гектара. Колхоз же Марии Кривцовой снял, правда, невысокий, но гарантийный урожай, до 5 центнеров с гектара. А в соседнем колхозе, где лесопосадки начали еще раньше, урожай был больше 10 центнеров с гектара! Правда, этот колхоз полностью освоил травопольную систему.

Так земля была спасена от засухи. И мог, значит, считать наш агроном, что прожил не зря, и не беда, что жизнь его не пестрела событиями...

Светало. Ранний, серый рассвет приник к отпотевшему окну, отчего оно казалось залитым разведенной тушью. Снова шумно ворвалась проводница и, вскинув брови, крикнула: «Граждане, следующая — Филоново!»

Агроном поднялся:

— Ну, вот и прибыл. Видите, ночь скоротали. Впрочем, вам, может, это все неинтересно было. Вы ведь о заводах-гигантах мечтаете. Но нам люди и вашей специальности очень нужны. Ну, да ладно. Поезжайте в Москву и защищайте диплом. А потом творите великие дела на СТЗ. Желаю успехов!

2. УТРО

Но студент не поехал в Москву творить великие дела. Он сошел вместе с соседом на станции Филоново, в станице Ново-Анненской. Как это он сразу не сообразил? Ведь это же тот самый Ново-Анненский район, о котором писали все газеты. Здесь еще в 1937—1938 годах были начаты лесопосадки, и сейчас уже люди живут здесь на обновленной земле. А Павел Никанорович! Ведь так зовут главного районного агронома Сергеева! Он же сам читал Указ о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда. А недавно ему дали Сталинскую премию за введение травопольных севооборотов, во всех газетах его портрет был напечатан.

...Только что прошел дождь. За колесом тянулся сверкающий млечный путь легких брызг. Сергеев, веселый, в чуть сдвинутой набок потертой шапчонке, совсем не похожий на ночного мечтателя с доверительным голосом, стоял в рост в повозке. С ним ехали еще Мария Симоновна Кривцова, председатель колхоза имени АМО, и Сергей Филиппович Яковлев, лесовод с курчавой рыжей бородой.

— Это вот он чабанов к прокурору водил за саженцы,— сказал Сергеев.

В этот день созывалось районное совещание передовиков сельского хозяйства, и навстречу им все шли и шли люди.

Почти каждый встречный кланялся Сергееву, и студент все время спрашивал: «Кто это? А это кто? Как его фамилия?» И Сергеев говорил:

— Это Алексей Афанасьевич Артамонов, председатель колхоза имени Кагановича. Депутат Верховного Совета РСФСР. В его колхозе в засуху по 10—11 центнеров с гектара снимали. У него почти все поля лесом обнесены. А это Седова, Екатерина Ивановна, звеньевая. По 24 центнера с гектара сняла на участке в 37 гектаров.

Или, сорвав шапчонку, он кричал:

— Привет, Федор Васильевич! — и наклонялся к студенту: — Чабан. Донсков фамилия. 345 ягнят от 308 овцематок получил.

Показывая этих людей, Сергеев не мог скрыть гордого восторга:

— Ведь все наши! Здесь воспитаны! И работают по 10—15 лет. Постоянство кадров, я считаю,— одно из главных условий успеха. А сейчас-то дело разворачивается! Новые полосы сажаем. Лесозащитную станцию открыли. В техникуме специальный курс ввели. Вы через пять—десять лет приезжайте. Что мы тут устроим к тому времени!

Студент сказал Сергееву:

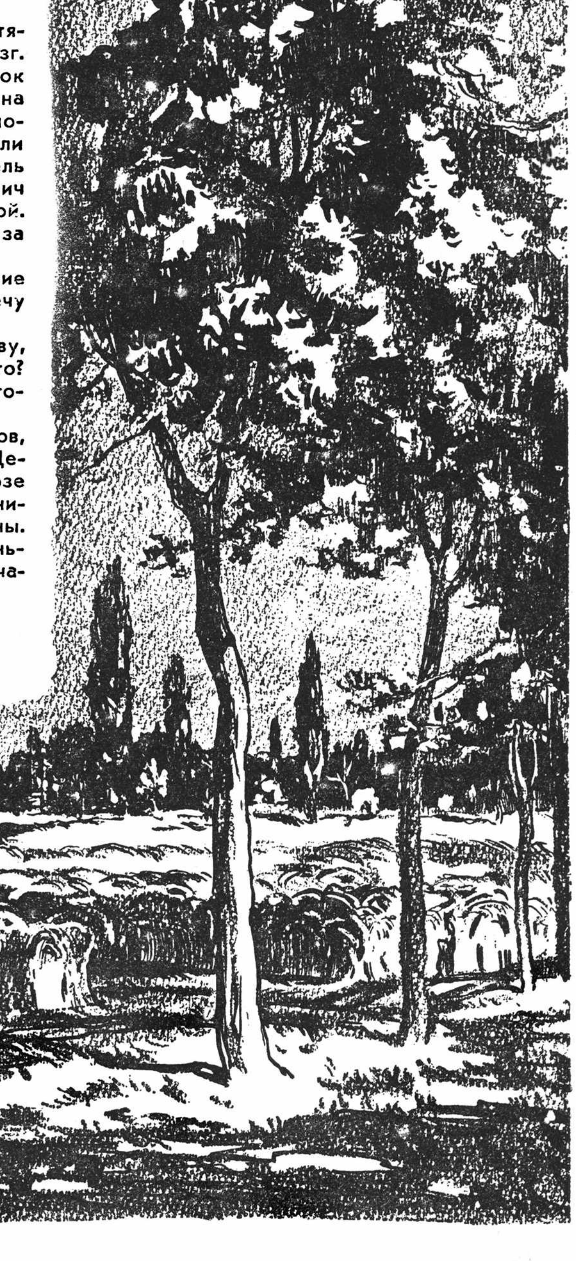
— А ведь это, Павел Никанорович, и есть грандиозный размах. Вот куда после диплома приезжать надо нашему брату.

Сергеев улыбнулся:

— Вам виднее...

Над степью возникли тонкие силуэты деревьев, будто нарисованных на белом листе неба тонким графитным карандашом. Они брели через степь, сбившись в группы, местами выстроенные в четкие воинские колонны. Раскидывал ветви клен, топорщилась голая акация, и кое-где, подняв над головой руки, будто для прыжка в воду с вышки, стояли тополи. И под ветром в причудливых завитках, как мятый плюш, лежало у их ног поле — черный пар. Деревья стояли над ним, оберегая в его утробе завязь новой жизни.

А на горизонте, где малиновым шаром висело солнце, плыл тонкий мохнатый дымок. Там шли поезда. Они шли во все концы, и, наверное, в каждом из них люди рассказывали друг другу о своей мечте.

НА ВЫСОКИХ СКОРОСТЯХ

Александр **КРОНОВ**

Фото Э. Гутгарца

Когда в рабочем городе Иванове, на улице Феликса Дзержинского, мы увидели новый фабричный корпус, превосходной архитектуры, освещенный солнечными лучами, мы решили, что именно так должна выглядеть стахановская фабрика имени Крупской. Но оказалось, что это — здание другого предприятия, а фабрика имени Крупской помещается в глубине большого двора, за деревянным забором, и выглядит очень скромно: обычный корпус с красными кирпичными стенами и большими окнами. Впечатление обыденности произвели и цехи фабрики, невысокие, со стесненными проходами между ткацкими станками, и маленькая лаборатория, и скромный кабинет директора Антонины Михайловны Выставкиной, молодого инженера-текстильщика, бывшей рядовой ткачихи. И только постепенно, вглядываясь и вслушиваясь во все, что нас окружало, мы поняли, что есть особая волнующая героика именно в этой простоте и обычности, в том, что ничем с виду непримечательная фабрика, такая же, как сотни других, стала стахановской. Это о ней сказал министр легкой промышленности СССР А. Н. Косыгин: «На этом предприятии все рабочие в 1948 году выполнили нормы выработки и превзойден довоенный уровень производительности труда, повысился выпуск первосортной продукции. Полностью ликвидирован брак. Эту фабрику можно назвать предприятием отличного качества».

В сегодняшнем дне одного стахановского предприятия видны черты близкого будущего других фабрик и заводов...

* * *

Полтора года назад к главному инженеру Василию Митрофановичу Набилкову пришли для серьезного разговора ткачихи. Одна из них — коммунистка Семенова — сказала:

— Вы тут человек новый. Очень мы хотим с самого начала вам помочь. Основа у нас готовится неправильно. Обрывность нитей высокая. Простои губят рабочее время... Скорости станков низкие... Мы согласны за два часа до смены приходить, только бы порядок в цехах навести! Если еще что нужно от нас, говорите. А вы нам дайте качественные основы и станки наладьте получше.

Быть может, в быстром движении фабрики к званию стахановской имел значение этот серьезный разговор ткачих с главным инженером.

Много здесь потрудились, чтобы улучшить технику. Но эту улучшенную технику надо было привести в движение и умело использовать. А для этого, учит товарищ Сталин, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры. Такие люди были воспитаны партией на ткацкой фабрике имени Крупской...

Новому человеку может показаться непонятным, отчего в то самое мгновение, когда ткачиха Лидия Петровна Дородникова приближается к ткацкому станку, тот сам останавливается.

— Я знаю, — объясняет она, — какому из них настало время умолкнуть, и как раз в это время подхожу к нему.

Мгновенно сменив челнок, Дородникова чуть трогает муфту и батан — брус, по которому летает челнок, — и возобновляет свои стремительные удары.

У Лидии Петровны все движения размеренны и пластичны. Когда она работает на своих шумных, гонящих челнок станках, укрощая их малейшим прикосновением пальцев, кажется, что эта небольшая и ловкая женщина — искусный дирижер своеобразного оркестра. Когда она изредка поднимает глаза, вы видите их искрящийся блеск, каштановый локон, выбившийся из-под косынки, легкий румянец щек, правильные черты лица.

Дородникова затрачивает на свои действия наименьшее количество движений. Этим и объясняются их плавность, ритмичность, изящество.

Нормировщики, мастера, помощники мастеров зорко подмечали индивидуальные черты в работе стахановок, самое главное, типичное в их приемах, чтобы собрать все это воедино и выработать совершенные приемы для всех ткачей.

И вот после подсчетов, сделанных нормировщиками, Лидия Дородникова оказалась первой стахановкой.

Нам довелось видеть ее удивительную работу в накаленные дни предмайского соревнования. Треугольный красный вымпел висел над ее станками. На вымпеле надпись: «Привет Лидии Дородниковой, выполнившей пятилетний план в три года».

Она научилась считать время не только часами и минутами, но и секундами и десятыми долями секунды.

Шестнадцать лет назад Дородникова окончила школу ФЗУ и стала ткачихой. Она была внимательной ученицей и с благодарностью вспоминает свою учительницу Анну Александровну Кулигину. Но Дородникова пошла дальше своих наставников.

— Как учила меня Анна Александровна, — говорит Лидия Петровна, — так я и работала. Мастеров слушала. Опыт перенимала. А смену челнока организовала по-своему. Также на свой лад ускорила заводку нитей. В ФЗУ маршруты мне не пришлось изучить, поэтому я сама прикидывала, как бы лучше передвигаться, чтобы на все время хватило. Самое главное — это не нервничать, не метаться среди своих десяти станков, а работать спокойно и быстро.

Лидия Петровна Дородникова получила звание лучшей ткачихи Ивановской области.

В словах Дородниковой можно ощутить озабоченность большими делами фабрики, области, государства. Нет предела ее стараниям поднять окружающих до своего уровня. И в том, что на фабрике имени Крупской сейчас не осталось людей, которые тянут предприятие назад, ей принадлежит большая заслуга.

Люди здесь работают уверенно и спокойно, в их движениях нет суетливости и спешки, и только большие скорости механизмов говорят о стремительности производственного процесса.

Как-то пришел к Дородниковой парторг:

— Лида, надо бы тебе обучить новых девушек, чтоб сразу твою хватку восприняли и стиль себе смолоду не портили.

— Станки свои я бросить не согласна, а если в свободное время, — могу.

За шесть месяцев она раскрыла свое мастерство перед начинающими ткачихами. Лидия Петровна не только передала девушкам свои приемы, но зажгла в них огонек вдохновения, какой горит в ней самой.

Все двенадцать девушек, которых обучила Дородникова искусству ткачества, — стахановки: и Шура Высоких, и Лилия Худякова, и Маруся Сенникова, и другие. Комсомолка Шура Высоких работает с ней на одной дорожке, да все никак не угонится за Лидией Петровной. Нет, нет, да и подойдет взглянуть на ее работу. И со всем старанием, как в первые дни учебы юной ткачихи, раскрывает перед нею Дородникова свое мастерство.

Всего на одну секунду отстает ученица от своей учительницы. Но последняя секунда — самая трудная в соревновании на скорость.

Лидия Петровна наблюдает за приближением своих учениц к стахановскому рекорду и досадует, когда видит, что им не удается с ней сравняться. Спокойно идет Дородникова среди работающих станков, с неуловимой стремительностью выполняя свои приемы. И почти так же, как она, лишь немного медленнее, действуют остальные.

Вслед за Дородниковой выполнили пятилетний план в три года ткачихи Охапкина, Семенова и Петрова. Пятьдесят ткачих завершат пятилетний план к середине 1949 года.

Лидия Петровна читает лекции о своем опыте, а после лекций обучает слушателей — инженеров, мастеров, ткачих — стахановским приемам.

Помощник мастера Беляков рассказывает о своей учебе у Дородниковой:

— Помогли мы ей, как могли, обучили ее, а потом пришел ее час нас обучать. Все рабочие приемы я у Лидии Петровны до тонкости перенял и после другим передал. Прежде ткачихи Матросова и Синицына отставали, а сейчас Дородникову догоняют!..

Лидия Петровна была в Ленинграде на съезде профсоюза текстильщиков. Она слышала там выступление стахановца Александра Чутких о борьбе за отличное качество продукции. Ей не терпелось рассказать об этом своим, чтобы сообща подумать о том, как дальше работать.

— Что теперь делать будем, Лидия Петровна? — спросил ее помощник мастер Беляков.

— Надо все три смены собрать, — ответила Дородникова. — Договориться обо всем, чтобы разнобоя не было у сменщиков. И чтобы не обижаться на резкость критики, на прямоту!..

О фабрике и ее людях Лидия Петровна рассказывает, как о самом близком своему сердцу. Возвышен строй ее мыслей, хотя она выражает их простыми и краткими словами:

— Народ у нас верный, любопытный к новому, упорный. Один другого всегда поддержит в хорошем деле. Оттого вперед вышла наша фабрика...

Когда знатные люди города Иванова собрались вместе, чтобы побеседовать по душам о

делах нынешних и будущих, местный старый поэт, бывший ткач Александр Благов, прочитал стихи, посвященные фабрике и первой ее стахановке:

«На фабрике имени Крупской
Все знают работу твою,
Ты лучшей ткачихой зовешься
В широком текстильном краю.
Свой сталинский план пятилетний
Закончила в сорок восьмом,
И новые думы и цели
В сознании зреют твоем...»

В выходной день Лидия Петровна Дородникова пришла в цех — нарядная, в модном шелковом платье. К 1 Мая художники готовили для красного уголка портреты лучших людей фабрики. Молодая девушка, обметальщица станков, подошла посмотреть на работу художников. Лидия Петровна улыбнулась девочке:

— Немного в обметальщицах побудешь, присмотришься, а потом я тебя обучу. Не сомневайся. Лучше меня станешь работать. Ишь какая ты славная и ловкая! Ты полюби наше дело, и все у тебя получится в жизни. А там и твой портрет для выставки будут рисовать.

Надо было видеть, как обрадовалась девушка этим хорошим словам, какие искры блеснули в глубине ее глаз. И мы поверили, что быть этой юной обметальщице станков такой же искусной стахановкой, как Дородникова...

Помощник мастера в той смене, где работает Лидия Петровна, комсомолец Павел Беляков, высокий, светловолосый, с ясными глазами, выполняет свою кропотливую работу с большим искусством. Чувствуется, что дело увлекает и веселит его. В том, что Беляков иной раз приходит в цех задолго до начала смены, нет никакой необходимости,— просто ему трудно бывает дождаться часа, когда можно вернуться к любимому занятию. Он славится особой хваткой, упорством, изобретательностью. Это он предложил сменщикам придерживаться одного стиля в работе, работать, как он выражается, «на одну руку». Если каждый действует по-своему, надо разобраться, кто работает лучше, и по нему равняться остальным.

Всегда Белякову кажется, что многое еще не сделано. То подстругает он где надо, то подточит, пригонит, то подложит кожаные прокладки, чтоб не сбивались, не портились детали.

Он не любит длительных перегозоров, старается не просить помощи, справляться с делом самостоятельно. Работает, работает у верстака, а потом предъявит начальству свою поделку:

— Вот сделал. Как, подойдет? Ругать не будете?

Беляков первым стал повышать скорости у станков, ставить бóльшие шкивы на моторах, заменять ремни. И резко увеличил количество ударов батана.

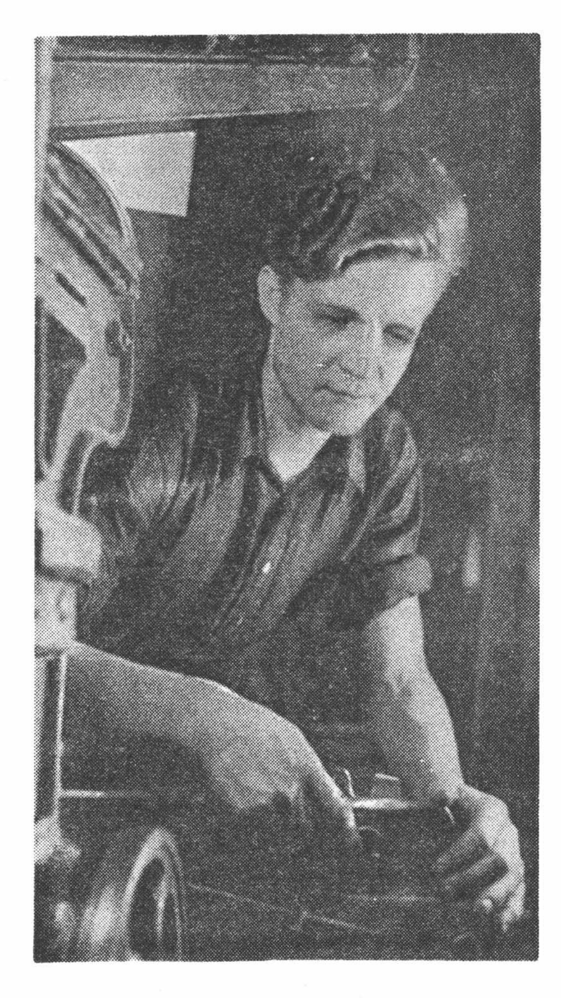
Его бригада выполнила годовой план 12 сентября 1948 года. Стахановцы собрались тогда в квартире Лидии Дородниковой на дружеский вечер. Павел Беляков сказал маленькую речь:

— Я думаю, что надо нам быстрее двигаться вперед. Я за жизнь на третьей скорости!..

Когда стала отставать маленькая ткацкая фабрика «Коммунар», стахановская фабрика имени Крупской взяла над нею шефство. Павел Беляков вместе с главным инженером, ремонтировщиком и клееваром приехал к подшефным друзьям, чтобы оказать им помощь.

Он подолгу работал в каждом комплекте и всюду на деле показывал, как надо налаживать станки. Он обучил ткачих приемам Дородниковой. Он выявил лучшего помощника мастера, собрал всех сменщиков и посоветовал слушать лучшего и «на его руку работать».

Пришлось ему и лекции читать, и беседы о стахановском опыте проводить, и ремесленников обучать, чтобы смолоду привыкали к правильной работе. Трудно перечислить все дела одного только Белякова на фабрике «Коммунар», а ведь помогали ей и другие его товарищи.

Помощник мастера комсомолец Павел Беляков.

Давно вышел «Коммунар» из прорыва. Раньше эта фабрика выполняла план на 95 процентов, а сейчас план перевыполняет.

Так помогла стахановская фабрика тем, кто отставал. До сердца людей по-настоящему дошло сталинское слово о социалистической взаимопомощи.

Можно сказать, что непреодолимое стремление обогнать время и досрочно выполнить план послевоенной сталинской пятилетки владеет всеми людьми стахановской фабрики.

Никто не удовлетворен нынешним уровнем, хотя и достигла фабрика имени Крупской первенства по производительности труда и по оборудованию во всей текстильной промышленности Союза. Повсюду здесь ощущается хорошее беспокойство о том, чтобы завтра сделать больше, чем сегодня.

Стахановка Фаина Ивановна Охапкина — одна из тех, что выполнила пятилетку в три года, — говорит о своей борьбе за план:

— Я и раньше в отсталых не числилась, а все же не так работала, как теперь. Может, семья отвлекала, — кто знает. И вот стала я в волнение приходить: зажгло и меня соревнование. Начала присматриваться к своей работе и к работе других. Стахановскую школу прошла, а как в первый ряд встала, тут уж отстать мне немыслимо. И когда другие отстают, тревога меня охватывает. О сыне забочусь, о муже, а в голове все дела фабричные.

Это общее стремление к стахановскому уровню работы выражает собою подлинную поэзию труда при социализме. Здесь явственно видны черты коммунистического отношения к труду, к труду, который становится первейшей жизненной потребностью человека.

Редким событием на фабрике можно считать такой случай, когда ткачиху вызывают в браковочный отдел. Браковщики давно перестали быть учетчиками и регистраторами брака: они предотвращают его возникновение на рабочем месте, у станков. Да и не о борьбе с браком идет тут речь, а о том, чтобы не выпустить ни единого метра ткани второго и третьего сортов.

Повсюду видна на фабрике большая забота об экономии каждого грамма пряжи. Вот шлихтовальщик Косульников избегает делать петлю там, где можно завязать узел, и каждый раз экономит на этом приеме десять сантиметров. И относится он к этому не как к мелкому, частному делу, а понимает его государственное значение:

— Если научим всех сокращать отходы пряжи, — шестнадцать тысяч метров суровья дополнительно выработаем.

Эта рабочая забота об общем деле видна и в том, что тюки пряжи стали сбрасывать не на землю, а на специальную платформу с наклоном, по которому они затем плавно скатываются на тележку.

Старые, кадровые рабочие неустанно передают молодежи традиции первых сталинских пятилеток. Анастасия Васильевна Белова, в прошлом ткачиха-стахановка, а ныне инструктор ткацкого дела, не терпит рассеянности в работе, равнодушия. Она отдает всю себя воспитанию в работницах любви к труду. «Если дела любить не будешь, — не справишься с ним», — говорит она молодой ткачихе Прасковье Еременко, когда та начинает работать рывками и идет по неправильному маршруту.

Идеи социалистического соревнования проникли в глубину сознания людей, стали необходимой потребностью их жизни и создали условия для коллективного трудового подвига, совершенного стахановской фабрикой.

Еще поют станки первой смены, а ткачихи из второй уже обсуждают накоротке, как будут работать сегодня, чего достигнет каждая за смену.

Даже тот, кто отстал, работает здесь на хорошем уровне, перевыполняя план. Но какая искренняя печаль зазвучала в голосе одной из ткачих, у которой не ладилась работа:

— У нас очень скучно жить отстающему. Станки так и выстукивают: ты отстал, ты отстал! И смотрят на тебя все так, будто ты заболела и требуется тебя лечить. Тут ничего не желаешь: только бы стать в один ряд с другими. А как вырвешься, будто душа у тебя расцвела.

После сигнала часто можно увидеть, как два человека работают там, где должен работать один. Это закончивший смену никак не расстанется со своим рабочим местом, все беспокоится, и уйдет он только после того, как удостоверится, что все идет ритмично, гладко.

Молодая коммунистка-стахановка Шура Кустова, партгрупорг цеха. пришла в партийный комитет в день, когда был опубликован призыв Александра Чутких соревноваться за отличное качество продукции. Она хотела посоветоваться, как дальше быть.

— Вполне можно работать без брака, — сказала ей секретарь парткома Мария Ильинична Кирпичева.— Другие могут,— значит, и мы можем.

На собрании партгруппы Шура первая заявила, что отныне не даст ни единого процента брака.

— Так взволновалась я, — рассказывает теперь Шура, — нешуточное обязательство на себя беру. А что если не выйдет у меня? Кабы рядовой была ткачихой, и то стыдно, а то — член партбюро. А потом взяла себя в руки: выйдет! И не давала сердцу тревожиться. И вышло. Нет у меня брака...

Вслед за коммунистами брали на себя обязательства все новые и новые люди стахановской фабрики.

Сейчас все без исключения бригады соревнуются за честь фабричной марки. Одиннадцать бригад выпускают сто процентов ткани отличного качества. А у двадцати двух бригад не больше полупроцента второсортной ткани.

Только в обстановке товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи могли появиться такие люди замечательной стахановской инициативы, как Лидия Дородникова, Павел Беляков и многие другие. Их духовный облик виден прежде всего в том, что они относятся к своему труду, как к делу общественной важности и как к святой обязанности перед советским государством. Творческий труд стал для них первейшей жизненной потребностью.

г. Иваново

ТАТЬЯНА

Из романа «Свет над землей»

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунок В. Богаткина

В доме Кондратьевых постоянно было так тихо и спокойно, как бывает только осенью в уже опустевшем саду, когда ни птица не ударит крылом о ветку, ни лист не упадет на землю. Да и кто мог шуметь? Малых детей здесь не было, а два сына Кондратьевых, оба женатые, давно уехали от родителей: старший — инженер — работал в Донбасса на заводе, а младший находился в армии. Наталья Павловна, жена Кондратьева, женщина немолодая, полная, с лицом постоянно ласковым и добродушным, служила в районной библиотеке и с Николаем Петровичем виделась редко: то она была на работе, то он либо находился в отъезде либо задерживался на заседании.

Наталья Павловна побывала с Кондратьевым не в одном сельском районе, привыкла к такому частому одиночеству и считала, что именно так и живут все жены секретарей райкомов. Всем она была довольна, и хотя частенько грустила, скучала по детям и внукам — у старшего, Андрюши, было трое детей,— а поздно ночью, поджидая домой Николая Петровича, вспоминала молодость, тайком от мужа иногда и слезу вытирала платочком, но Николая Петровича всегда встречала ласковой улыбкой и добрым приветом.

И в эту ночь Николай Петрович пришел поздно, а Наталья Павловна еще не спала, и все у нее было и приготовлено и припасено — постель разобрана, ужин подан на стол.

— Опять было заседание? — участливо спросила она.

— Нет. На этот раз задержался с Сергеем... В Москву ему скоро ехать... Вместе готовились...

Николай Петрович снял рубашку и долго полоскался у рукомойника, распустив жесткий седой чуб, а Наталья Павловна держала в руке полотенце, и то подавала мыло, то подливала воды.

— Наташа, и чего ты прислуживаешь мне, как малому ребенку? — сказал Кондратьев, вытираясь полотенцем.

— А кому ж еще и послужить,— отвечала она ласково.— Вот и на столе все готово... Садись, будем ужинать.

Рано утром, когда только-только начинало рассветать, скрипнула калитка, и в дверь постучали. Наталья Павловна по голосу узнала Илью Стегачева, торопливо оделась, вышла в коридор и отодвинула засов.

— Илюша, и чего ты в такую рань? — шопотом спросила она. —Почему не спишь сам и другим не даешь?

— Наталья Павловна, дело у меня неотложное. Я только сейчас из «Красного кавалериста», мне очень нужен Николай Петрович.

— И не спал всю ночь?

— Да не это меня волнует,— сказал Илья и хотел пройти в другую комнату. — Пустите к Николаю Петровичу.

— Не пущу, хоть что хошь,— Наталья Павловна загородила собой дорогу. — Или тебе дня не будет? Ведь он же под утро заявился домой, а ты уже будить...

— Наталья Павловна, у меня такое дело,— взмолился Илья.— Понимаете, не могу я ждать...

— Ну, ты присядь,— и Наталья Павловна побежала на кухню и загремела посудой.— Я тебя сейчас чаем напою,— сказала она, неся стаканы и блюдца.— Садись к столу.

Илья неохотно сел, поглядывая на двери, ведущие в спальню.

— А плохо тебе, Илюша, работать редактором? — ласково, как мать сына, спросила Наталья Павловна.

— Это почему же плохо? — удивился Илья.

— Да потому, что власть у тебя маленькая.— Наталья Павловна улыбнулась своей приятной улыбкой. — Не можешь ты сам ничего решить. Вот и сейчас прибежал к Николаю Петровичу. А почему бы самому не решить все так, как нужно?

— Не могу, Наталья Павловна, уж очень это дело серьезное.

— Так ты мне скажи, может, помогу.

— И вам сказать не могу...

— А как у тебя с книгой? — участливо спросила Наталья Павловна. — Пишешь?

— Пишу,— неохотно ответил Илья.

— Повесть или роман?

— Назвал повестью...

— И любовь опишешь?

— Еще не знаю...

— Без любви, Илюша, не пиши... Какая это повесть, если любви не будет... Ты у Тургенева учись: хорошо о любви писал...

— Наталья Павловна,— взмолился Илья,— разбудите Николая Петровича...

— Нет, нет, чайку попьешь, а тогда и поговорите,— стояла на своем Наталья Павловна.

Волей-неволей Илье пришлось пить чай, а тем временем рассвело, и Кондратьев сам вышел в столовую. Он молча протянул Илье руку и, заметив в его глазах недобрый блеск, строго сказал:

— Стегачев! Что случилось?

— Николай Петрович, Хворостянкин у вас был?

— Не был... А что? Ты чего встревожен?

— Есть кандидатура,— сказал Илья, сжимая пальцами спинку стула. — Я вам все расскажу... Мы на партбюро говорили — все за, а Хворостянкин против... Грозился к вам чуть свет ехать.

— А ты его опередил? — скупо улыбаясь, сказал Кондратьев. — Говори: что за кандидатура?

— Нецветова Татьяна,— сказал Илья и покраснел.

— Агроном колхоза?

— Да, она...

— Илюша, это не та Татьяна, с которой ты меня знакомил в магазине? — с чисто женским участием спросила Наталья Павловна.

Илья промолчал и, боясь взглянуть на Кондратьева, низко опустил голову и сидел молча. Молчал и Кондратьев, о чем-то думая.

— Николенька, а женщина она славная,— сказала Наталья Павловна, чтобы как-нибудь нарушить неловкое молчание. — Вот ты поговоришь с ней и увидишь: она умница...

— Да,— не слушая жену, проговорил Кондратьев,— Татьяна Нецветова? Сколько лет она в партии?

— С сорок третьего.

Кондратьев встал, прошелся по комнате:

— Поедем в «Красный кавалерист».

— Может быть, вы один? — несмело сказал Илья.

— Нет, именно вдвоем.

— Да вы хоть закусите,— сказала Наталья Павловна и заспешила накрывать стол.

* * *

Эту ночь не спалось Татьяне; много и с тревогой думала она о вчерашнем разговоре с Ильей и о своем горьком замужестве... Уснула она только на заре. Проснулась от песни, которую не пел, а мурлыкал в палисаднике под окном ее сын. Голос мальчика был еще так нежен, и в нем слышалось столько детской радости и беспечности, что Татьяна уже не могла и минуты лежать в постели. В одной рубашке, с голыми до плеч руками, с косами цвета овсяной соломы, спадавшими ей и на грудь и на спину, перегнулась через подоконник, подняла мальчика и начала с ненасытной жадностью целовать и его щеки, и нос, и глаза. Мишутка был не рад такой ласке,— отнятый от увлекательного занятия, он дулся на мать, отбивался руками, а Татьяна приподняла его и вдруг впервые увидела в рассерженном, надутом лице сына знакомые черты: именно сейчас, в это утро, Мишутка был так похож на отца, что Татьяна даже рассмеялась. «Как же я этого раньше не замечала — ну, копия, весь в Андрея. И серые большие глаза с чуть заметным налетом голубизны, и ровный нос, с резким вырезом ноздрей, и вихорок в чубе, и даже ямка на подбородке, округлые мочки маленьких твердых ушей — все, все, как у Андрея».

— Михаил Андреевич,— с напускной серьезностью заговорила Татьяна,— ты чего сегодня такой серьезный?

— Мамка, а ты меня не трогай,— взбираясь на подоконник, сказал Мишутка. — Погляди за окно, что там у меня делается? Дом построил, самый настоящий...

Мишутка выпрыгнул за окно, а Татьяна тяжело вздохнула и села на кровать. «Боже мой,— подумала она, с грустью глядя в сад, на позолоченные солнцем листья,— да у него и голос, как у Андрея... Андрюша, Андрюша, вот какой у тебя сын растет...» Руки сами потянулись к косе, пальцы привычно перебирали толстые локоны, сплетая их, а в памяти сами по себе воскресали далекие и уже, казалось, давно забытые картины... Помнится, и хорошо помнится, та светлая ночь июля. Вот так же настежь было распахнуто окно и листья на деревьях дрожали и поблескивали, только не солнце, а луна тогда смотрела в палисадник. Татьяна была на гулянье, и ей так хотелось остаться вдвоем с Андреем, которого она любила той благословенной и чистой любовью, какой может любить девушка, когда ей исполнилось восемнадцать лет. А ее любил Илья Стегачев и всегда неотступно следовал за ней. И как ни старались Татьяна и Андрей избавиться от неприятного соседства, как ни прятались и как ни изловчались, а Илья не отходил от них. Тогда Татьяна одними глазами сказала Андрею все, что только может сказать лукавый девичий взгляд, а вслух стала жаловаться на усталость, на боль головы, попрощалась с обоими за руку и не ушла, а убежала домой. Не раздеваясь и с трудом переводя дыхание, она упала на кровать, чувствуя, как жаром охватило ее щеки. Вошла мать в белой ночной сорочке, постояла, как привидение, у кровати, тихонько спросила: "Танюша, ты одна?» — и, не дождавшись ответа, ушла. Татьяну и душил смех, и к горлу подкатывалось что-то горькое и обидное, и сердце билось так часто и сильно, что отстуки его она слышала и в висках и в прожилках шеи... Долго лежала и прислушивалась, а Андрей все не приходил. Где-то скрипела калитка,— очевидно, телок чесал спину, в саду билась крыльями о листья сова или какая другая птица. Издалека долетала песня,— видимо, девушки ушли в конец улицы, на берег речки. Одиноко звенящим голоском лаяла собака. Затем стало совсем тихо и послышались у двора шаги. Татьяна подбежала к окну и замерла. Мимо двора проходили Андрей и Илья, и Татьяна, затаив дыхание, слышала их разговор:

— Ну, Илюша, до свиданья.

— Может, и мы пойдем к реке?

— Что-то неохота... Лучше — спать!

— Кого ты обманываешь, Андрей? Знаю, что пойдешь к ней!

— Да ты что?

— Ну, иди, шут с тобой.

Они разошлись в разные стороны, и опять послышались неторопливые шаги... «Неужели не придет?» — она сжала на груди руки и отошла от окна, и вдруг ее сердце замерло: резко и сильно треснул плетень, точно на него наехало колесо, зашелестел бурьян в саду, и в окне появилась голова Андрея.

— Танюша, где ты?

Она молча, как слепая, подошла к окну, подала ему руки, и он поднял ее легко, как пушинку, унес в сад. Это было в последние каникулы, а осенью они уехали в Краснодар оканчивать агрономический институт, попросив на всякий случай у родителей благословения. С ними уехал и Илья, молчаливый и злой; он учился в том же городе, только не в институте, а в партийной школе. Он и после этого часто встречался с Татьяной, смотрел на нее тем же влюбленным, ласковым взглядом, и как-то раз на вечере в клубе сказал: «Что бы ты ни делала со мной, а выбросить тебя из сердца я не могу и никого, кроме тебя, любить не буду». Татьяна смеялась и не верила этим словам. Да и зачем ей нужно было верить? Она уже считалась женой Андрея Нецветова и была счастлива. Но недолго длилось это счастье. Зимой они начали работать в совхозе, весной родился у Татьяны сын — радость, какой она еще никогда не переживала, а вслед за этой радостью пришло и горе — в июне Андрей ушел на войну. Татьяна приехала с ребенком к родным, стала работать в колхозе, вступила в партию и тут, вот в этой комнате и на этой кровати, выплакала все слезы по мужу и испытала страшное вдовье горе... Илья тоже был на фронте и, узнав о гибели Андрея Нецветова, писал Татьяне часто и помногу, но она не читала его писем, складывая неразорванные конверты в печурку.

— Маманя! — что есть силы закричал Мишутка, взбираясь на подоконник. — Ой, маманя, кажись, папка приехал на легковике!

Татьяна вздрогнула,— так неожиданна была радость мальчика; она еще мысленно находилась с мужем, и в эту секунду ей почудилось, что Андрей и в самом деле приехал,— все вокруг нее точно пошатнулось, а потом снова стало на место. Мишутка побежал на улицу и у калитки остановился.

— Это не папка, а дядя Илюша,— сказал он невесело.

У ворот всхрапнул и умолк мотор, послышались мужские голоса.

Пока приезжие разговаривали с Мишуткой, Татьяна наскоро оделась, кое-как закрутила на голове косу, сполоснула лицо, уже отчего-то горевшее румянцем, мимоходом взглянула в зеркальце и пошла встречать гостей.

* * *

Настроение у Ильи было не то чтобы неважное, а просто плохое, какое бывает только у человека, чувствующего, но не понимающего свою вину. «Тьфу, чертовщина какая, в чем же я, в самом деле, виноват?» — задавал он себе вопрос и не находил ответа, а сердце болело,— нет, не болело, а как-то неприятно ныло. Кондратьев хорошо знал его отношения к Татьяне, и поэтому Илье не хотелось принимать участие в предстоящем разговоре, но как от этого уйти,— не мог придумать. Чтобы хоть как-нибудь скрыть свое волнение и в глазах Татьяны показаться веселым, Илья еще за воротами схватил подвернувшегося под руку Мишутку и понес во двор. Он и смеялся и готов был расцеловать оторопевшего мальчугана, делая при этом вид, что вовсе не замечает стоявшую на крылечке Татьяну.

Между тем Кондратьев оправлял под поясом рубашку и входил в калитку так запросто, как входят в свой двор хозяева, даже взглянул на небогатое подворье, как бы желая убедиться, все ли на месте. Затем, уже вблизи крылечка, он как-то так изучающе строго посмотрел на хозяйку дома, точно говорил: «Ах, вот ты какая, Татьяна Нецветова! Ничего собой — и статная и красивая,— ну-ка, подойди поближе, дай я на тебя хорошенько посмотрю».

— Здравствуй, Татьяна,— сказал он, протягивая руку. — Принимай гостей.

— Милости прошу, заходите в хату,— любезно проговорила Татьяна.

— Зачем же в хату? — возразил Кондратьев, поглядывая на палисадник. — Какие у вас славные вишни, вот и посидим в холодке.

— А чайку я согрею,— сказала Татьяна. — Николай Петрович, вы любите чай с вишнями?

— Люблю с вишнями и без вишен.

После этих слов Кондратьев снова посмотрел на Татьяну с таким очевидным пристрастием, что в прищуренных глазах его можно было читать: «Так, так, вижу, что хозяйка ты хорошая, и ласковая, и гостеприимная, а вот какие у тебя есть другие способности,— еще ничего мне не видно». Татьяна переняла его взгляд, про себя усмехнулась и подумала: «И чего он на меня так смотрит?»

— Николай Петрович,— сказала она тем же приветливым голосом,— посидите покамест в холодочке, а я поставлю чайник и соберу сынишку в детский сад.

— Николай Петрович,— отозвался Илья,— разрешите мне отвести мальчика в детский сад?

— А сумеешь? — Кондратьев рассмеялся. — Не меня спрашивай, а мать. Дозволь ему, Татьяна.

Татьяна кивнула головой, даже не взглянув на Илью, и ушла в дом. Она уже догадывалась, зачем пожаловал к ней Кондратьев, и была рада случаю, что Ильи не будет при разговоре, который вот-вот должен начаться.

Солнце только-только поднялось над крышами, светило ярко, но грело слабо, и в палисаднике от сырой земли веяло ночной прохладой. Кондратьев присел на лавочку. Над его головой раскинулись еще мокрые от обилия росы листья, а между ними серьгами краснели и желтели вишни. Поджидая Татьяну, Кондратьев сорвал одну ягодку, положил ее в рот и скривился, как от зубной боли. «Что-то мне в ней не нравится, а вот что именно,— понять не могу,— думал он, пробуя зубами косточку. — Молодо-зелено — это, пожалуй, как раз к ней и подходит...» Он взял изо рта мокрую косточку, положил ее на ладонь и задумался. В эту минуту его беспокоили чисто практические соображения: какой завести разговор с Татьяной, чтобы тут же решить, будет ли из нее толк или не будет. Если бы можно было безошибочно знать, что Татьяна Нецветова сумеет стать хорошим партийным работником, то избрание ее нужно было всячески приветствовать — и женщина и агроном,— чего еще нужно! А что она еще молодая,— этого бояться нечего. Будет, конечно, влюбляться, один поклонник

сердца уже налицо, а там, гляди, и замуж выйдет: век вдовой не останется... Это обстоятельство тоже можно не принимать в расчет. Существенно другое, и это особенно беспокоило Кондратьева,— что у нее в душе; как она смотрит на жизнь, и есть ли у нее политическое чутье и та острота и твердость, которые так необходимы будут в работе: умна ли, начитанна ли, сумеет ли увидеть то, что другим не видно, сможет ли поговорить с человеком так, чтобы он открыл ей душу,— да мало ли какими качествами обязан обладать первый коммунист в колхозе! И еще важно: найдет ли нужный язык не только с людьми, но и с Хворостянкиным — с этим человеком в самые ближайшие дни потребуется сразиться и выдержать бой...

Неслышно подошла Татьяна. На ней были новенькие сандалеты, светлокоричневые, под цвет чулок, новое платье с поперечными синими полосками на спине и на груди, лицо веселое, слегка припудренное, отчего оно стало таким свежим, что даже ее светлые брови четко выделялись на нем.

«Преобразилась... Быстро! Вот она — вся тут»,— с неприятным чувством подумал Кондратьев, заметив в Татьяне какую-то неприятную для него перемену.

— Странно,— сказала она, тихонько смеясь и нагибая ветку,— вчера Хворостянкин собирался ехать к вам, а сегодня вы сами приехали к нам...

— А ты знаешь, по какому делу я приехал?

— Догадываюсь.

— Вот и хорошо... Как думаешь, если тебя изберут секретарем, сумеешь возглавить партийную работу?

— А я еще об этом не думала.

— Почему?

— А что ж тут думать? С Хворостянкиным все одно не уживусь,— она встала, сдвинула брови, очевидно, так, как это делает Хворостянкин, и басом сказала: «Ты у меня есть парторг, и твое дело — газету по степу разносить»,— и тут же звонко, почти по-детски рассмеялась. — А я не смогу быть разносчицей.

— Газеты разносить — тоже дело важное,— заметил Кондратьев и умолк, выжидая, что скажет Татьяна.

— Не в одних газетах дело,— Татьяна сорвала две вишни со сросшимися хвостиками и повесила их себе на грудь. — Понимаете, мы с Хворостянкиным разные люди!

— Так, так,— это интересно.

— Не очень,— Татьяна закусила нижнюю губу и задумалась. — Это не Хворостянкин, а личность, ей богу! Да разве вы его еще не изучили? Он и спит и во сне видит одного себя и свою славу. Ему и парторг нужен под одну с ним масть,— она посмотрела на Кондратьев-

ева честными и удивительно светлыми глазами. — Мы с ним будем жить, как кошка с собакой,— заранее знайте.

— Что же, по-твоему, нужно сделать? Заменить? — спросил Кондратьев и так посмотрел на собеседницу, как будто он знал, что и как нужно сделать, но нарочно умолчал.

— Зачем же? — Татьяна насторожилась. — Заменять не нужно, а только надо ему указать его место... Ведь он же считает, что колхоз — это он один, а чувствует он себя не председателем, а эдаким князьком...

— Так, так,— задумчиво проговорил Кондратьев. — А еще что ты скажешь?

— А еще, — Татьяна встала, — а еще — пойдемте чай пить... Там и доскажу. А то чайник давно вскипел.

* * *

Электрический чайник, стоявший в углу, с длинным, тянувшимся по стене проводом — шарчёнок на цепи, да и только! — и в самом деле давно гневался на забывчивую хозяйку, пуская струйки пара, крышечка подпрыгивала и звенела, как живая. Татьяна подлила воды, и чайник успокоился и запел тихо и жалобно. «Все ее мысли вертятся около Хворостянкина — такую парочку не соединишь,— думал Кондратьев, входя в комнату. — А вот и домашняя библиотека... Посмотрим, чем она богата...»

И все время, пока Татьяна собирала на стол, Кондратьев стоял у полки и рассматривал книги — здесь им было очень тесно. Пухлые тома, в потертых переплетах, точно в поношенных пиджаках, немилосердно сжимали своими боками тоненькие брошюры; рядом с дорогим и еще новым изданием, одетым в цветной супер, соседствовали до крайности пожелтевшие и разлохмаченные листы, лишившиеся не только переплетов, но и обложек; кое-где ясным солнышком блестело золотое тиснение, а над ним, образуя козырек, лежали толстые журналы разных лет; «Библиотечка «Огонька» почему-то была расставлена сверху полки так, что на Кондратьева смотрели разом все современные знаменитости. Кондратьев даже улыбнулся, встретившись с глазу на глаз с инженерами человеческих душ. Одному из них, самому молодому и гордому своим видом, даже подмигнул, как бы говоря: «А! Вот где мы встретились».

Нужно заметить, что Кондратьева, как страстного любителя печатного слова, заинтересовали не эти портреты и не теснота на полках, а тот уж слишком пестрый подбор книг, которого он никак не ожидал увидеть в этом доме. Он начал перечитывать названия и удивился еще больше: тут была и «Диалектика природы» Энгельса, и «Мцыри» Лермонтова, и выступление Жданова по книге Александрова, и «Развитие сельского хозяйства в послевоенный период» Бенедиктова, и «Беседы о природе и человеке», и томики Чехова, и «Пушкин в изгнании», и новеллы Мериме, и щуплая, изрядно потертая книжка «Язык агитатора», и даже «История древней Греции». Книги Ленина и Сталина стояли особняком, а рядом с ними внимание Кондратьева привлек темносиний том в отличном переплете, на котором золотом отсвечивались слова: «И. М. Сеченов «Избранные философские и психологические произведения». Как-то боязливо он открыл эту книгу и под портретом незнакомого ему человека прочитал написанное чернилами: «Ругаю себя за то, что раньше, когда еще училась, не прочитала эту умную книгу». Кондратьев перелистывал страницы, и ему было как-то неловко от того, что он не только не читал Сеченова, но еще и не держал эту книгу в руках. «Мне бы тоже следовало себя поругать»,— думал он, и ему казалось, что Татьяна в эту минуту смотрит на него и смеется одними глазами.

Кондратьев часто встречал в домах колхозников небольшие библиотеки, тоже подобранные как попало, и всегда это его радовало, и он заводил разговор с хозяевами о литературе, о писателях. Поэтому и здесь, когда он еще только подошел к полке, ему захотелось потом, за чаем, именно с этого и начать разговор: сперва поговорить с Татьяной о книгах вообще и о том, какие авторы ей больше всего нравятся, расспросить, что она читает и как читает — записывает ли конспекты или делает пометки на полях,— словом, поговорить так, как обычно говорил он с людьми, желая привить им вкус к чтению, а потом уже перейти к главному. И он бы так и сделал, но в руки попалась эта незнакомая книга, и он почему-то уже не так, как прежде, посмотрел на Татьяну... «Она тоже... книга мне незнакомая»,— с улыбкой подумал он и, поставив Сеченова на полку, подошел к столу.

— Интересуетесь библиотекой? — спросила Татьяна, нарезая в тарелку огурцы.

— Так, взглянул.

— Бедно у нас с книгами... Это у меня осталось еще с института — тут и мое и Андрея,— она придвинула стул. — Садитесь — завтрак на быструю руку.

А через час, когда пришел Илья, они уже не ели и не пили чай, а о чем-то таком значительном говорили, что даже не заметили появления Стегачева на пороге. Татьяна поставила локти на стол и оперлась щеками на ладони — в таком положении и ее лицо, и глаза с чуть приметной поволокой, и завиток волос между бровями, и вся она, сосредоточенно строгая, была для Ильи и милее и красивее; она смотрела на Кондратьева тем добрым и внимательным взглядом, каким смотрит только дочь на отца, стараясь уловить каждое его слово.

— А! Стегачев! — добродушно-ласково сказал Кондратьев. — Вот что, дорогой. Я сейчас уеду, а ты оставайся, помоги товарищам подготовить собрание, а заодно приготовь на Татьяну Николаевну письменное представление на бюро.

Татьяна улыбнулась Илье, но не весело, а так, как когда-то, еще девушкой, улыбалась, желая показать, что она его только уважает, но не любит; в глазах ее он заметил скрытую, но хорошо ему знакомую усмешку. «Ну, что теперь скажешь? Доволен?» — говорили и ее улыбка и насмешливо-лукавый взгляд.

Илья стоял у порога и еще ничего толком не мог понять.

Из армянских поэтов

Ашот **ГРАШИ**

СТАЛИНСКИЙ САД

«Скажи мне, товарищ по жизни, борьбе и труду,
Где сталинский сад задевает листвой небосклон!»
Сказал сын Казбека: «Я в сталинском вырос саду,
На берег седого Риона спускается он».

И дочь Араратской долины воскликнула: «Брат!
Наш сталинский сад в Араратской долине родной,
Любуется им величавый отец Арарат,
Когда распускаются первые почки весной».

На звонкой свирели запел черноглазый узбек:
«Наш сталинский сад осеняет Ферганский канал,
Дыханье пустыни его не засушит вовек,
Я лучшего сада нигде, никогда не видал!»

Откликнулся саз ликованьем отзывчивых струн:
«У берега нового моря наш сад зацветет,
Под белою дымкой цветов, точно девушка, юн,
Засмотрится он в глубину мингечаурских вод!»

Товарищей слушая, думал я: «Русский народ,
Как много ты сделал для нас, сколько счастья нам дал!
Республики братские смело шагнули вперед,
Волшебными красками радостный мир заблистал.

И скоро в безводных пустынях леса зашумят,
Потянутся следом поля золотой чередой.
Советский Союз наш — взлелеянный Сталиным сад,
Которому вечно цвести под багряной звездой».

Перевела С. Аксенова

Ованес **ГУКАСЯН**

В МОСКВЕ

Ликующим солнцем облита Москва,
Шагает походкою легкой весна
И праздничных песен я слышу слова,
Душа моя солнечным счастьем полна.
И вместе с народом я песни пою
О светлой, счастливой отчизне моей —
Как будто бы не жил я в дальнем краю,
В суровом безмолвии черных ночей.
Вокруг меня высятся школы, дворцы —
Здесь радостью стал созидательный труд.
Несут на руках ребятишек отцы,
И люди на Красную площадь идут.
Как будто не видел я горя вчера,
Как будто не умер в застенке мой друг,
Как будто забылись навек вечера
В сырой духоте тегеранских лачуг.
Как лодка, плыву я в потоке людском.
Шумит на проспектах живая река.
И окнами мне улыбается дом,
Мне руку сжимает родная рука.
Как будто забылись и пытки, и страх,
И трупы голодных в горячей пыли,
Как будто по городу, в ржавых цепях,
Жандармы меня никогда не вели.
Подымем же, братья, бокалы с вином
За то, чтобы крепла родная земля.
Мне кажется: песню о счастье моем
Запели куранты на башнях Кремля.
Победно горят золотые огни,
И сны мои нынче сбылись наяву:
Недаром я верил в тяжелые дни,
Что время придет: я увижу Москву!

ВСТРЕЧА

На площади, у Кремлевской стены,
Встретились мы с тобой.
Сиял ослепительный день весны,
Веселый и молодой.
Ветер кудри твои ворошил —
Волос золотой поток.
А галстук твой — так похож он был
На розовый лепесток.

И вдруг пустыня вспомнилась мне,
Где пальма росла одна,
И о далекой-далекой сосне
Мечтала в тиши она.
Не я ли, как бедная пальма та,
Стоял в непробудном сне,
Не я ли на диком юге мечтал
О северной гордой сосне!..

Я звонкую радость не в силах унять.
Я славлю Москву и весну...
Откуда Лермонтов мог бы знать,
Что пальма увидит сосну!

Перевел Л. Гинзбург

Ованес Гукасян — армянский поэт, в 1946 году вернувшийся на родину из Ирана.

«БРОДЯГИ»

Рассказ

Уильям БЭЙЛИ

Рисунки Г. Филипповского

Зима была необычно холодной и суровой. Тысячи безработных скитались из одного города в другой в отчаянных поисках работы. Брали только тех, кто соглашался работать за гроши, не считаясь со временем и силами.

Железнодорожная полиция получила строгие указания: «Не разрешать безработным останавливаться и оседать где-либо; держать их все время в движении».

В вагоне товарного поезда, которым я ехал, было двадцать человек. Здесь собрались люди самых различных национальностей. Все искали работы, пищи и крыши над головой. Проехать по Техасу незамеченным этой зимой было трудно: железнодорожная полиция и местные шерифы не дремали. Они жестоко расправлялись с безработными и в свободное время хвастались количеством пробитых черепов.

Наш поезд шел в пределах так называемого «Плоскогорья Эдвардса» — приблизительно в двухстах милях от Сан-Антонио.

Мы жались к дверям вагона, греясь в лучах зимнего солнца. Вдруг поезд начал замедлять ход и вскоре остановился. Некоторое время мы недоумевали, не зная причины, вызвавшей остановку в пустыне. Но нам не пришлось долго гадать: уже через несколько минут показались фигуры всадников. Это был шериф с понятыми.

Они медленно ехали вдоль поезда. Возле вагонов с открытыми дверями всадники останавливались и пристально вглядывались внутрь, в темноту. Наконец очередь дошла и до нашего вагона.

— Мексиканских пачкунов нет? — крикнул шериф. Никто из нас не задумывался над тем, к какой нации принадлежит его сосед по вагону. После короткого замешательства один парень ответил:

— Кажется, нет, шериф.

Шериф поглядел на нас, затем спросил:

— Сколько вас, ребята, в вагоне? Не слишком ли много? Ну-ка, я посмотрю.

Он слез с лошади и забрался в вагон. В дальнем темном углу лежали ничком два человека. Шериф увидел их, подошел ближе, вынул карманный фонарик и осветил фигуры, наспех прикрытые газетами.

— Чорт возьми, два черномазых,— завопил он.— Чтобы ваших черных шкур здесь не было, или я их спущу с вас сам!

Негры молча встали и пошли к дверям.

— Видите эти открытые платформы? — крикнул им вслед шериф.— Можете пристроиться там, но чтоб я вас больше никогда не видел в одном вагоне с белыми!

Негры спрыгнули вниз и перебрались на открытую платформу. Шериф обратился к нам:

— Меня так и подмывает оставить вас, белую шваль, гнить в этой пустыне. Порядочные белые не якшаются с черномазыми в наших штатах — запомните это крепко.

Он вскочил на лошадь и кивком головы приказал своим понятым следовать за ним. Осмотрев последний вагон, он подал знак машинисту, и паровоз двинулся вперед, набирая скорость.

Большинство ребят в нашем вагоне было возмущено действиями шерифа. Мы решили пойти на риск и перетащить негров в вагон — на платформе они наверняка замерзнут! Как только поезд отъехал на приличное расстояние, мы дали неграм знак перебираться по крышам. Скоро мы их втащили в вагон. Теперь, когда доносился какой-нибудь подозрительный шум, мы задвигали дверь и сидели молча.

* * *

Поезд пересек реку Пекос и двинулся к западу, к Эль-Пасо. Паровоз пыхтел, взбираясь на крутые склоны предгорий Сант-Яго. После двух часов бесконечных поворотов и зигзагов мы остановились в небольшом городке Альпин, чтобы набрать воды. Из вагонов посыпались люди; они спрыгивали на землю, как десантные части армии вторжения, чтобы штурмовать столовые и рестораны города с черного хода в надежде пообедать, выпросить кусок хлеба или получить работу. Нас было около сотни, и мы гурьбой двинулись по главной магистрали, ведущей в город.

Не прошли мы и нескольких шагов, как перед нами оказался шериф со своим помощником. Один из них держал в руках двухстволку, другой — револьвер. Направив на нас оружие, шериф рявкнул:

— Стоп, бездельники! Я не допущу, чтобы вы загадили своим присутствием город. Пристрелю, как собаку, первого же бездельника, который сделает еще один шаг по дороге в город.

Паровоз дал свисток. Через несколько минут поезд исчез из вида.

— О'кэй, бродяги, поворачивайте и убирайтесь туда, откуда пришли.

Мы повернули к станции. У платформы остановились, ожидая дальнейших окриков.

— Ждите здесь следующего поезда и, чорт побери, не вздумайте остаться. Если кто-нибудь из вас застрянет в городе, он будет мертв прежде, чем солнце успеет осветить его поганую душонку.

* * *

Три часа спустя мы услышали свисток, вслед затем показался паровоз, который, пыхтя и отдуваясь после трудного подъема, подкатил состав к платформе. Все вагоны его были наглухо заперты. Один из нас подошел к шерифу, чтобы объяснить ему положение.

— Найдите пустой вагон, где хотите! — рявкнул шериф.— А то мы привяжем вас к вагону и выставим из города.

В хвосте поезда мы наткнулись наконец на пустой вагон для перевозки скота. Шериф угрожающе помахал ружьем перед нашим носом и крикнул:

— А ну-ка, залезайте сюда и не вздумайте возвращаться!

Паровоз дал второй свисток и двинулся в путь. Шериф и его помощник некоторое время следовали за поездом, чтобы никому из нас не пришло в голову вернуться.

Ни один здравомыслящий человек не предпримет по доброй воле путешествия в «коровьем вагоне» зимой. Дело не только в том, что в этом вагоне нечем дышать и что вонь пропитывает насквозь одежду и даже кожу; ветер, проникающий внутрь из многочисленных щелей, заставляет вас невольно жалеть о том, что вы вообще родились на свет божий. Чем выше в гору взбирался наш поезд, тем холоднее становился воздух. Для того, чтобы не замерзнуть, мы сбивались в кучу, пытаясь хоть немного согреться. Одну папиросу поочереди курили десять—пятнадцать человек. Никому не приходило в голову выкурить папиросу одному, без товарищей. Мы говорили о еде, и один из парней заявил:

— Я так чертовски голоден, что в первом же городе отправлюсь прямо в первый попавшийся ресторан, закажу шикарный обед — и пусть они повесят меня потом, если хотят.— Он немного помолчал, потом спросил: — Есть желающие рискнуть вместе со мной?

В ответ раздался хор голосов: «И я с тобой», «Считай меня тоже...» Набралось около пятидесяти человек.

Вскоре кто-то увидел на горизонте огни в пустыне. Около десяти часов вечера поезд прибыл в город Марфу, расположенный в пятидесяти милях к северу от Рио-Гранде. Это небольшой городишко с незначительным населением. В городке два магазина, два небольших ресторанчика и аптека. Мостовые здесь не заасфальтированы, тротуаров почти нет. Полуразвалившиеся дома походили на сколоченные наспех хибарки, неокрашенные и сильно пострадавшие от непогод. В окнах почти не видно было света. Городок как бы вымер после эпидемии.

Когда мы подошли к аптеке, я обернулся, чтобы посмотреть, сколько народу в нашей группе. Я насчитал пятнадцать человек.

Первый ресторан оказался небольшой лавчонкой. Здесь продавались горячие закуски. Через дорогу был второй ресторанчик, он показался нам более богатым. Мы остановили свой выбор на нем, решив, что ему легче будет перенести убыток.

Пока мы переходили улицу, отстало еще несколько человек.

На двери ресторана красовалась вывеска «Кафе Плато, Марфа, Техас». Мы открыли дверь, вошли и сели за столик. Я осмотрелся вокруг, еще раз пересчитал «храбрецов». Их оказалось только четверо. Остальные в последний момент утратили решимость и остались за дверьми.

* * *

Кафе пустовало — мы оказались единственными посетителями. В комнате было тепло и светло. Дверь, ведущая в кухню, приоткрылась, и на пороге показался мужчина, который, как мы догадались, был владельцем ресторана. За ним вышла молоденькая официантка. Она поставила на стол четыре стакана с водой и подала нам меню.

— Что будете заказывать? — спросила она.

Этот рассказ прогрессивного американского новеллиста У. Бэйли напечатан в воскресном издании коммунистической газеты «Дейли Уоркер».

— Я начну с кофе,— ответил я.

Остальные последовали моему примеру. Вскоре дымящийся кофе стоял перед каждым из нас, и мы жадно глотали горячую жидкость. После беглого изучения меню я остановился на бифштексе. Мои приятели выбрали кто яичницу с ветчиной, кто ростбиф.

Из кухни вышел повар принять наш заказ. Это был огромный детина, фунтов на двести пятьдесят весом. Все трое бросали на нас подозрительные взгляды. Наша одежда была грязной — мы выглядели так, как будто только что выбрались из мусорного ящика. Запах «коровьего вагона» не только не выветрился, но, пожалуй, усиливался по мере того, как мы оттаивали. Повар вернулся в кухню и занялся нашими заказами. Официантка начала накрывать на стол. Владелец ресторана углубился в подсчеты: сколько он сдерет с нас за обед. Мы молчали. Было так тихо, как бывает в комнате, где лежит покойник.

Через несколько минут мы уписывали за обе щеки наши бифштексы с соусом и хлеб с маслом. Повар опять вышел из кухни, и все трое — он, хозяин, официантка — уставились на нас.

Мы покончили с обедом, допили остатки кофе и продолжали молча сидеть на своих местах, глядя друг на друга. В наших глазах можно было прочесть один вопрос: «Кто наберется храбрости и брякнет правду?»

Наконец высокий швед, фермер из Миннесоты, заговорил.

— Послушай, приятель,— сказал он, обращаясь к хозяину,— нам нечем заплатить за этот обед, но я надеюсь, что шериф сумеет компенсировать тебе убыток.

И повар, и девушка, и хозяин точно приросли к полу от удивления. На какое-то мгновенье они даже лишились дара речи. Удивление затем перешло в злобу.

— Вот как, ты говоришь, что шериф мне заплатит! — прорычал хозяин.— Вы надумали ограбить меня, да? Шериф, говоришь, заплатит? Плохо знаете вы нашего шерифа. Да, пожалуй, теперь самое время вас познакомить с ним.

Он вытащил из-под прилавка револьвер и, направив его на нас, сказал:

— Не вздумайте двигаться с места, пока не придет шериф.

Свободной рукой хозяин снял телефонную трубку. Мы молчали, глядя на дуло револьвера, которое в нашем воображении росло, пока не приняло чудовищных размеров ствола по меньшей мере шестнадцатидюймовой пушки.

— Алло, шериф Сталб? Говорит Морган из кафе Плато. Здорово! Тут ко мне в кафе забрались четверо бродяг, наелись доотвалу и теперь отказываются платить. Они говорят, что вы рассчитаетесь за них...— он с минуту помолчал.— Я так им и сказал, шериф. Я сказал, что они вас не знают,— продолжал он.— О'кэй, значит, сейчас увидимся.

Хозяин положил трубку и подошел к нам.

— Ну-с, я, кажется, все сказал. Шериф, говорите, заплатит? Ха, ха, ха! Мне что-то сдается, что у шерифа с вами пойдут другие расчеты. Дайте ему только добраться сюда.

Фермер — тот самый, который заговорил с хозяином,— попробовал умиротворить его.

— Неужели мы не могли бы отработать этот обед?

— Ничего, приятели, не горюйте, вы и так отработаете,— ответил с издевкой хозяин.

Никакого удовольствия от съеденного обеда мы не ощущали. Девица держалась подальше от нас, как будто мы были прокаженные. Повар, стоя за прилавком, корчил злобные гримасы, давая нам понять, что его так и подмывает проломить нам черепа, не дожидаясь шерифа.

Все мы чувствовали себя приблизительно так, как чувствовал бы себя раздавленный апельсин.

Послышались шаги. Дверь широко распахнулась, и в комнату вошли трое бородатых мужчин в кожаных куртках, заломленных набекрень шляпах, с ружьями в руках.

— Привет, шериф,— сказал Морган, обращаясь к первому из вошедших.

Шериф небрежно кивнул, затем, повернувшись к нам, крикнул:

— Встать!

Мы встали. Двое из пришедших направили на нас ружья и начали обыскивать. Швед-фермер обратился к шерифу:

— Мы не хотели причинять никому неприятностей, шериф. Просто мы давно не можем найти работу. Мы были очень голодны. Нельзя ли нам отработать за этот обед?

— Ты хочешь работать? — сказал шериф и со всего размаха ударил шведа прикладом по лицу. — Ты хочешь, чтоб я заплатил за то, что ты сожрал?

Швед лежал на полу, из его уха сочилась кровь. Шериф стукнул его ногой в живот:

— Может быть, это поможет тебе переварить пищу, за которую я, по твоему мнению, должен заплатить...

Шериф посмотрел на нас, затем на шведа, корчившегося на полу.

— А ну, вставай! — крикнул шериф.

Швед попытался приподняться. Ему даже удалось встать на колени. Шериф повернулся к нам и приказал:

— Поднимите его — и марш на улицу!

Мы поставили шведа на ноги и последовали за шерифом к двери.

Улица была совершенно пустынна.

— О'кэй, пошли к железной дороге...

Мы двинулись по направлению к железнодорожным путям. Шериф и понятые следовали за нами. На воздухе шведу стало лучше, и он почти не нуждался больше в нашей помощи. Пока мы шли по дороге, я думал о том, что нас ждет. Слова Моргана: «Вы не знаете нашего шерифа» — не выходили у меня из головы; затем затрещина, которую шериф дал шведу... Я вспомнил другого шерифа, встреченного мной где-то далеко от Хаустона, который хвастался тем, как ловко он разнес на куски голову одному негру за то, что негр, видите ли, не сразу ответил на его вопрос. Мои размышления были прерваны разговором между шерифом и его приспешниками.

— Итак, эти бездельники думали, что они могут явиться в мой город и жрать бесплатно. Что ж, этот обед будет для них последним.

Один из понятых проговорил:

— Петля, пожалуй, слишком хороша для этих бродяг.

— Я надеюсь, что после того, как мы покончим с этими негодяями, бродяги перестанут навещать наш город,— ответил шериф.

Мы были недалеко от полотна железной дороги. Ветер усиливался. То тут, то там виднелись голые стволы деревьев, четко вырисовывавшиеся на фоне ночного неба. Приблизительно в полукилометре я заметил отцепленный вагон. Кругом ни души. Стояла полнейшая тишина, нарушаемая только завыванием ветра.

— Дошли! — скомандовал шериф. — Стойте там, где остановились.

Мы стали.

— Я хочу дать вам, мальчики, возможность спасти свою шкуру,— сказал шериф.— Мы разрешим вам побегать, пока я буду считать до пяти. Когда я скажу «пять», мы начнем стрелять.

Мы услышали щелк взводимых курков.

— Ну, поворачивайтесь в ту сторону и не тратьте зря времени на разговоры, все равно ничего не добьетесь..

Мы стояли лицом к вагону, замеченному мной раньше. Мне было холодно, и я отчетливо слышал биение собственного сердца. Колени мои подгибались. Мне хотелось закричать о помощи, но я чувствовал, что с таким же успехом можно взывать к небу.

«Только бы успеть добраться до того вагона»,— подумал я. Вагон был надежной защитой от пуль.

— Все готовы? — спросил шериф.— А ну, марш!

Мы рванулись с места, словно стая гончих.

— Раз... Два... Три... — считал шериф.

Мы бежали изо всех сил. Несмотря на то, что ночь была холодной и ветреной, пот лил с меня градом.

— Четыре...

Кто-то из ребят бежал все время рядом со мной, плечом к плечу. Пересекая рельсы, он споткнулся и толкнул меня так, что я упал.

— Пять!..

Раздался выстрел, за ним последовали другие.

Я услышал, как кто-то из моих товарищей громко вскрикнул. Затем опять послышались выстрелы — один за другим. Две пули просвистели у меня над головой. Падая, я разбил себе губу, из носа у меня текла кровь. Товарищ, бежавший все время рядом со мной, лежал молча позади меня. Я пополз по направлению к пустому вагону, подав знак товарищу следовать за мной. Еще несколько метров — и мы были в безопасности.

Я слышал, как те смеялись. С трудом переводя дыхание, я гадал, куда бежать, если бы они вздумали продолжать преследование. Оказалось, что человек, бежавший рядом со мной, был фермер-швед. Я окликнул его. Он был цел и невредим. Мы подождали несколько минут, но никто к нам не присоединился. Мы решили не задерживаться тут: нам хотелось выбраться из проклятого города поскорее.

* * *

Дня четыре спустя я сидел в харчевне города Эль-Пасо и просматривал газету. На одной из страниц я наткнулся на следующую заметку: «Марфа. Двое неопознанных мужчин были найдены мертвыми в районе полотна железной дороги. Судебно-медицинским обследованием установлено, что смерть наступила в результате отравления денатурированным спиртом. Предполагается, что неизвестные принадлежали к шайке бродяг, совершавших налеты в течение последних недель на дома фермеров, расположенные в районе города Марфы».

Перевод с английского **Р. ВАЙНБЕРГ**

Писатель Александр Александрович Фадеев.

Фото Е. Тиханова

Герой Социалистического Труда Тамара Ивановна Шкурко—звеньевая колхоза «Червоная нива», Полесской области, Белорусской ССР.

Фото И. Тункеля

Из книги «Дорогие земляки»

Николай ГРИБАЧЕВ

1. ЗЕМЛЯ

Земля!
У границы Галактики где-то,
быть может, и лучше
найдется планета,
быть может, потомок на эту
планету
посадит
на поле рассветном
ракету,—
меня не берет ни тревога, ни
зависть:
на этой
мне до́роги: каждая завязь,
зерно, что томится в пластах,
прорастая,
состав,
что проносится, версты листая,
труды и дороги,
покой и тревоги,
прощанья и встречи
на отчем пороге!

И все же в ночи, обступающей
плотно,
томлюсь я, предчувствуя трассу
полета,
и все ж ощущаю,
во сне беспокоясь,
в соседстве комет
межпланетную скорость.
В ночи, что поляны
росой перекрыла,
в вагоне,
летящем над рельсами только,
к душе
прирастают
свистящие крылья,
что вынесут к дальним планетам
потомка!

2. ИДЕТ ВЕСНА

Очистив Днепр,
Оскол и Псел
и набирая ход,
весна шумит, как ледокол,
ломая в реках лед.

И возле кузни над бугром,
чтоб завершить ремонт,
уже с утра катает гром —
по наковальням бьет.

И вечером, при свете звезд,
за ельником густым
стреляет почками берез
в черемуховый дым,

и шепчет девушке всю ночь
про милого весна —
кто ж лучше радости помочь
сумеет, чем она!

Весна родимой стороны!
Прошли года — и вот
не мы девчонок, а сыны
встречают у ворот,

не в наш, а в их весенний сон
ворвется напролом
и рюмок свадебный трезвон,
и «Горько!» над столом,

и песня с шуткой пополам,
и та, в сиянье, даль,
какую лишь провидеть нам,
а уж дойти — едва ль.

Все так, все правильно, как есть,
и слава их судьбе,
но передать хотел бы весть
одну и я тебе:

веселый продолжая путь
сквозь синий дым долин,
в родном краю не позабудь
зайти ты в дом один.

Хоть нет особенных примет,
ты угадай тот дом,
там клен с березкой с давних
лет
сшептался под окном,

там женщина одна живет,
с косой, что льна светлей,
от всех колхозников почет,
от мужа почесть ей,

и не спешить ей в эту ночь
под тот заветный клен:
туда сегодня выйдет дочь,—
в нее шофер влюблен.

Я эту женщину любил —
тому уж сколько лет!—
я под березку приходил
встречать тоской рассвет,

но в рощах таяла луна,
и ждал напрасно я...
Была в соседа влюблена
та девушка моя!

Войди, весна, в тот светлый дом
и ей наедине
о времени напомни том,
напомни обо мне.

По холодку июльских рос
в край уходя другой,
я навсегда с собой унес
тот облик дорогой,

и нынче, при такой луне,
что в сад плывет бела,
опять она приснится мне,
какой тогда была!..

Да, впрочем, что я —
только ль мне
И только ли она!
Весна идет
по всей стране,
по всем сердцам —
весна,

и ворвался в теченье дел
гремящий зов мечты;
весь отчий край
помолодел,
а с ним —
и я
и ты!

3. СПОР

С какой бы стороны ни взять,
а парень на виду:
хороший, работящий зять,
а дочка:
— Не пойду!

Уж он и радио припас,
купил велосипед,
и жить бы деткам в самый раз,
а дочка:
— Нет и нет!

В войне и мире отличен,
медали на груди,
и грамотей и плотник он,
а дочь:
— Сама иди!

И вот что день, опять ворчит,
засев вязать чулок,
что, дескать, вицей поучить,
так, может, был бы толк,

что, дескать, правильна ты,
власть,
по чести говоря,
а только вольность развелась
меж дочерями зря,

мол, хоть указом отпиши
по линии своей,
чтоб, дескать, дочки замуж шли
по воле матерей...

Ворчит — и позабыла, как,
чуть забелела в облаках
двадцатая зима,—
сама
давала парню знак
и сватала
сама!

4. СЛУЧАЙ С ШОФЕРОМ

Шофер, сразмаху сев в кювет,
со лба стирая пот,
клянет весну на весь бел свет,
беспутицу клянет.

На что ему шумящий сад
и золотой простор,
когда буксует правый скат
и греется мотор,

когда в машине срочный груз,
а тут ни тпру, ни ну!!
Разгорячась, вошел во вкус,
клянет шофер весну.

И, видно, хлопцу невдомек
при случае таком,
что голубой ее дымок
течет в крови тайком,

что был бы безопасным путь,
коротким перегон,
когда б не вздумал подмигнуть
одной молодке он,

что не попал бы он в беду,
когда б на тот момент
не вздумал парень на ходу
заглядываться вслед...

А, впрочем, та ему в вину
не ставится вина,
они всегда ведут войну —
шоферы
и весна!

5. ПЕРЕД СНОМ

Лунный свет
зеленым дымом
растекается за тыном,
за окном
на грядах сонных
мокро светится подсолнух,
коростель — смешная птица —
помолчит, да и опять
расскрипится-расчастится:
— Спать пора... Давайте спать!

Спать! А ну, усни поди-ка,
если Петька видел сам:
обсыпная земляника
объявилась по лесам,

если на лугу под Темным
чесноку — косой коси,
если в лужах по затонам
по полфунта караси.

Ну, а дед хоть стар, да вреден,
как ни льстись, слова одни:
— Знаю, знаю, дай вам бредень,
а потом три дня чини!..
Дай, просили, с половины,
с двух третей — один ответ:
— Ладно, завтра будет видно...
Дождь пойдет! — решает дед.

И откуда бы у старых
этой жадности полно,
что на вишню,
что на сало,
что на репу — все одно!
Коммунизм скорей бы, что ли,
прямо с завтрашней зари,
чтоб в сельпо,
на грядах,
в поле
что захочешь — то бери.
Вот бы с дедом смеху было —
сразу б жадность как отбило:
— Бредень, внучек, под
стрехой...
— А у нас получше свой!

За лежанкою сверчок
цыркнет,
свистнет и молчок;
кот на лунный коврик вылез,
подпоясался хвостом;
башмаки, взяты на вырост
и с подковками притом,
в дверь нацелились носками,
будто вздумали без ног
прогуляться —
знают сами
сто тропинок и дорог!
Вот бы встать, да побежать,
да
на ресницах — будто мед.
Да уже луна из сада,
что карась, бочком плывет.
По мальчишеской науке
он ведет, подводит руки —
хвать...
И в окнах утра свет —
сладко спится в девять лет!

6. КОСАЧИ

Лес, как рота на марше, прям,
полоса рассвета тонка,
луч влюбленным тетеревам
растопил и прогрел тока,

и,
сорвавшись с березы, вскачь
к месту боя
спешит косач:

песней-страстью горло свело,
рос унизано серебром,
блещет радугами
перо
под взметенным его крылом.

И — шипенье,
и — перещелк,
будто рвется рассветный шелк,
и летит, полыхая, пух
по земле, по ветвям вокруг.

Торжествующих сил оркестр,
жизни, рвущейся в бег и рост,
над лесами гремит окрест,
на пять,
на десять,
на сто верст,

над дымками весенних сел,
где, как маятник, бьет капель,
на полях,
где еще не свел
белизну до конца апрель.

Слышу. Чувствую: я и сам,
потакая такому дню,
набиваюсь в родню к лесам,
набиваюсь к полям в родню.

Сердцем чист и помыслом чист,
каждой порой вбираю я
птиц влюбленных
трезвон и свист,
шорох ветки
и шум ручья...

Тени блекнут. Леса в огне,
миг —
и прямо из вод реки
солнце выйдет навстречу мне
и попросится в земляки!

Театр разоблачает врага

Ал. АБРАМОВ

Фото А. Горнштейна

Одна из важнейших задач современного советского театра — идейное разоблачение хищнической, коварной, империалистической политики англо-американских поджигателей войны, их лицемерной фразеологии, темных и грязных дел, их идеологической агентуры, пробравшейся в демократический лагерь.

Советский поэт и драматург Константин Симонов, побывавший в послевоенной Америке и лично видевший, как раздувается военная истерия в США, разоблачил дирижеров и вдохновителей этой истерии в своей пьесе «Русский вопрос». Пьесу, хорошо известную советскому зрителю, ставили повсюду, даже в самых отдаленных уголках Советского Союза, и на профессиональной и на самодеятельной сцене.

В каждом спектакле идейные соратники автора — режиссер, художник, актеры — стремились средствами искусства передать всю силу гнева и ненависти советского народа к поджигателям новой мировой войны. Миллионы советских зрителей запомнили имена Макферсона и Гульда, ставшие нарицательными для зачинщиков антисоветских кампаний. В образах этих американских газетных разбойников советский театр последовательно и беспощадно разоблачил хищнические замыслы американского империализма, ложь и фальшь пресловутой американской «демократии». Недаром реакционная печать США с особенной яростью откликнулась на московские постановки «Русского вопроса»: макферсонам и их хозяевам не по нутру пришелся голос правды, прозвучавший со сцены советского театра,— той правды, которая была очень точно выражена в словах героя симоновской пьесы:

— Вы с Макферсоном выдаете себя за врагов России. Но в этом только четверть правды. А три четверти в том, что вы враги Америки. Вы хотите заставить десять миллионов американцев снова надеть военную форму...

Правда о «долларовой демократии», под маской которой орудуют в послевоенной Европе агенты Уолл-стрита, прозвучала и в другой пьесе, также обошедшей большинство театров нашей страны,— в пьесе В. Кожевникова и И. Прута «Судьба Реджинальда Дэвиса». Пьеса показывает, что принесли рыцари фунта и доллара Юлийской Крайне, часть которой оказалась под управлением англо-американской администрации.

В ярких художественных образах, с большой силой наш театр раскрыл империалистические замыслы носителей заокеанской «демократии», равно как и их бессилие навязать свою волю «опекаемому» ими народу.

Можно выкрасть из музеев картины Тинторетто и Учелло, а потом выгодно продать их на нью-йоркском аукционе, можно прикарманить чужие верфи и виноградники, можно отнять у ребят буквари с партизанской звездочкой на обложке и разогнать народный митинг на площади, но заставить народ уважать такую «демократию», заставить верить ей, конечно, нельзя. Вот что утверждает советский театр, и сила этого утверждения есть сила правды и справедливости.

Та же сила правды и справедливости прозвучала в пьесе В. Любимовой «Снежок», впервые поставленной на сцене Центрального детского театра в Москве. Мы увидели в этом спектакле еще одну сторону американской «демократии»—оголтелый расизм, травящий все передовое и прогрессивное.

Таким же разоблачением была и пьеса братьев Тур и Л. Шейнина «Губернатор провинции», впоследствии переделанная ими в сценарий фильма «Встреча на Эльбе».

Пьеса эта идет во многих театрах нашей страны, в советской зоне Германии, в странах народной демократии. В Москве ее до сих пор показывает Театр имени Ленинского комсомола, сумевший с большой публицистической страстностью раскрыть перед советским зрителем истинное лицо тех, кто под маской пресловутого «гуманизма» и «демократии» осуществляет коварную политику раскола послевоенной Германии, подкармливает нацистское охвостье, всячески пытаясь помешать демократическому переустройству жизни немецкого народа, вслух и про себя мечтает о новой войне.

Против незадачливых Мальбруков с Уолл-стрита, засылающих в демократический лагерь шпионов и диверсантов, обращает свое публицистическое оружие и Н. Вирта в пьесе «Заговор обреченных».

Два московских театра показали недавно премьеру этой пьесы. В Театре имени Евг. Вахтангова спектакль ставил режиссер Р. Симонов, оформлял художник В. Рындин. В Центральном театре транспорта пьеса поставлена режиссером В. Гольдфельдом, художник — М. Варпех. Отличные друг от друга как в общем рисунке, так и в деталях, обе эти постановки с идейной и художественной яркостью доносят до зрителя политический смысл пьесы.

«Заговор обреченных» — это сильный и патетический рассказ о политических событиях в одной из европейских стран, вступивших на путь демократического развития.

Тема пьесы — борьба за демократию, свободу и независимость народа, освобожденного Советской Армией от фашистского ига.

Агенты черной империалистической реакции прилагают все силы, чтобы уничтожить демократические завоевания в стране, помешать развитию ее дружеских отношений с Советским Союзом, ввергнуть ее в кабалу американского империализма. Но это заговор обреченных, которых сметает с лица земли могучая сила организованного народа, идущего под руководством коммунистической партии к светлому будущему.

Не сравнивая обе постановки, попробуем на примере одной из них рассказать, как советский театр изобличает со сцены злейших врагов всего передового и прогрессивного.

Спектакль вахтанговцев открывается величественной панорамой гор, уходящих в туманную даль. Неважно, какие это горы: Альпы или Карпаты,— но мы среди народа, который зовет братьями русских солдат, освободивших его от фашистского ига. Все собравшиеся на крыльце небогатого деревенского дома — друзья Советского Союза: и старый крестьянин Коста Варра (артист А. Горюнов), и жена его Мина (Н. Русинова), и гости из города — работница танкового завода Магда Форсгольм (Ю. Борисова), и мастер того же завода Марк Пино (Ю. Любимов).

Когда шла борьба за свободу и независимость родины, все они не сидели сложа руки: Коста был партизаном, Магда—разведчицей, Марк командовал танковым соединением, а Мина прятала от гестаповцев любимицу народа — коммунистку Ганну Лихта, раненную в боях с оккупантами.

Ныне Ганна Лихта — член правительства, заместитель премьер-министра. Большой общественный путь проделали и друзья ее: Марк стал профсоюзным лидером, а Коста — депутатом парламента.

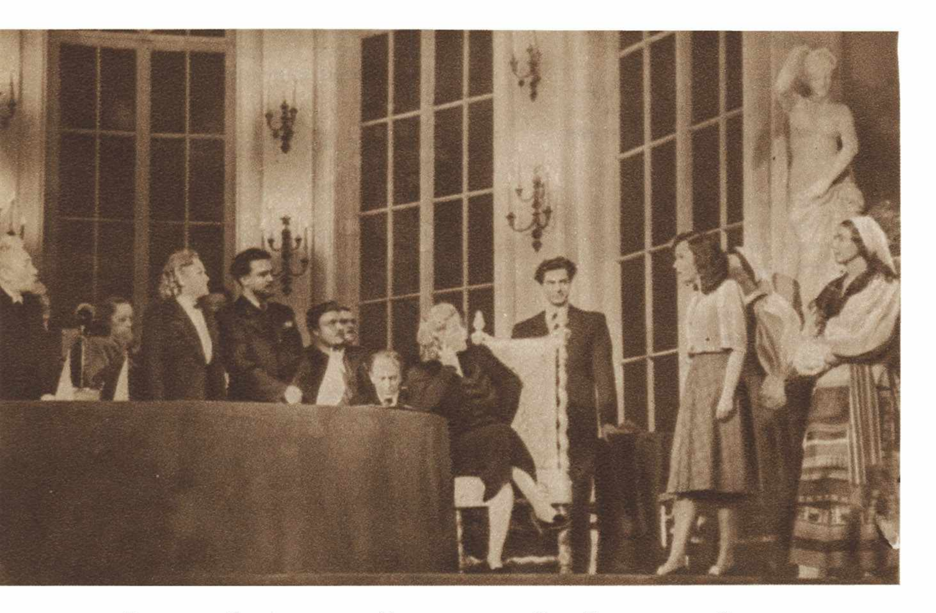
Так мы знакомимся с героями спектакля, все глубже входя в развивающиеся на сцене события.

Выстрелы за сценой и появление раненой Ганны Лихта сразу же завязывают узел основного конфликта пьесы. Ганна ездила на юг страны, где назревает реакционное сепаратистское движение, инспирируемое помещиками и католическим духовенством. Покушение на ее жизнь говорит о серьезности положения. Это подтверждает и возмущенный Марк:

— Нет, нет, это уж чорт знает что! Стреляют в Тольятти, стреляют в Токуду, арестовывают Форстера и Дениса... Это заговор не против компартий и их вождей: это заговор против демократии.

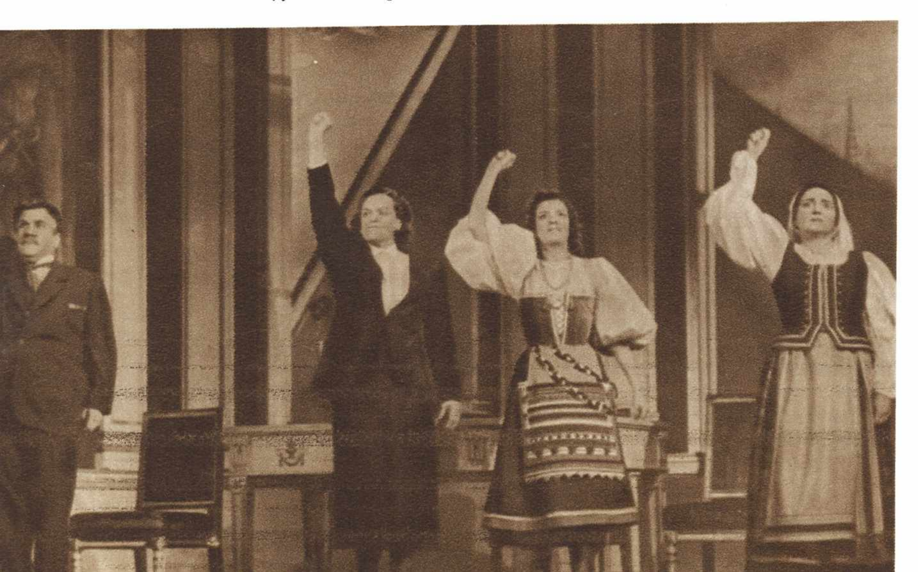
Ганну Лихта играет А. Орочко. Мы видим высокую, поседевшую женщину, на внешнем облике которой отразились годы тяжелой борьбы. Все в ней строго подчеркнуто: и сдержанные движения, и пристальный, будто пронизывающий взгляд, и даже синий плащ, оттеняющий бледность лица.

Значительность этой женщины угадываешь, сразу Ганна Лихта

«Заговор обреченных» в Театре имени Евг. Вахтангова. Заседание согласительного совета народного фронта. За столом стоит Ганна Лихта — А. Орочко, справа (сидит) — Христина Падера — Ц. Мансурова.

Финальная сцена пьесы Н. Вирты «Заговор обреченных» в Театре имени Евг. Вахтангова. Коста Варра — А. Горюнов, Ганна Лихта — А. Орочко, Магда — Ю. Борисова, Мина Варра — Н. Русинова.

приковывает внимание. И эта значительность подтверждается не только любовным отношением к ней друзей, но и ненавистью врагов — потаенной, но все же ощутимой, едва знакомишься с этими врагами при их появлении на сцене.

Вот они приходят один за другим в скромную усадьбу Коста Варра, встревоженные не покушением на Ганну Лихта, а тем, что покушение не удалось:

Гуго Вастис — бывший заводчик и лидер реакционной католической партии (Л. Шихматов), не скрывающий своей лютой ненависти к новым порядкам в стране;

Христина Падера, министр продовольствия и руководительница партии «Национального единства» (Ц. Мансурова) — облик ее пока еще смутен, но в ее несколько эксцентричной браваде чувствуется политическая авантюристка;

кардинал Бирнч, глава католической церкви (Н. Бубнов), ни изящество его лиловой сутаны, ни изысканность манер не скроют от зрителей грязной его души;

Кира Рейчел, американская журналистка (Е. Измайлова) — развязная особа, в которой угадываешь агента иностранной державы, присланного со специальной целью.

Когда они, оставшись одни, обмениваются предположениями и намеками, контуры их гнусного заговора против народа становятся все отчетливее и очевиднее. Их давно бы разоблачили, если бы министерство общественной безопасности не возглавлял Иоаким Пино, лидер социал-демократов.

Иоаким Пино в исполнении И. Толчанова — это законченный портрет социал-предателя. Трескучая фраза и внутреннее ничтожество, либеральная вывеска и реакционное нутро, непомерные претензии на значительность и мелкая, пустопорожняя душонка— таков этот краснобай и обманщик народа, идущий на поводу у изменников родины.

Все, что мы читали когда-то о социал-демократах, получило у Толчанова замечательное зрительное выражение. Мы видим, как Иоаким Пино, подобно щедринскому либералу, сначала орудует «по возможности», потом соглашается на «хоть что-нибудь», а затем уже откровенно действует «применительно к подлости».

Особенно ярко раскрывается Иоаким Пино в третьем акте, на заседании согласительного совета народного фронта, когда в споре между коммунистами и правыми партиями он по каждому вопросу с подленькой трусостью воздерживается от голосования. Когда же на сцене остаются только враги народа и появляется их хозяин — американский финансист Генри Мак-Хилл, — либерализм Пино улетучивается, как дым.

Сразу становится ясным, кто является инспиратором и вдохновителем заговора против демократии, во главе которого стоят авантюристка Падера и ее сообщники — Вастис и кардинал. Мак-Хилл не скрывает своих прав на командование.

М. Астангову в этой роли удается с большой сатирической силой показать и хищнические аппетиты американского империализма, и его «долларовую дипломатию», и готовность к бандитским средствам борьбы.

— Мы поможем вам,— обещает он заговорщикам.— Бог вложил в наши руки атомную бомбу, как я понимаю, для установления мира.

И Мак-Хилл помогает. Он обещает оружие и интервенцию, сулит предателям власть и возвращение отнятых у них земель и заводов. Все средства хороши, чтобы изменить в этой стране ненавистный Уолл-стриту демократический строй, мешающий американским планам в Европе.

Под диктовку Мак-Хилла политическая авантюра смыкается с уголовщиной. Сослуживший свою службу империалистам Иоаким Пино убит. Принесен в жертву и Вастис, выданный органам общественной безопасности, дабы отвести следствие от главных организаторов заговора. На границе стоят вооруженные до зубов отряды немецких фашистов, готовые по приказу хозяина вторгнуться в страну. Все подготовлено, вплоть до списков лиц, подлежащих уничтожению. И все же Мак-Хилл чувствует себя не совсем уверенно, тревожится, нервничает.

— Признаться, мы в странном положении,—говорит он Христине Падера.— Мы вслух говорим о войне, а Советы молчат. Мы шлем в Иран, в Грецию, в Турцию оружие, а Сталин отменяет карточки в своей стране. Мы призываем народ к всеобщей повинности, а он демобилизует армию. Мы утверждаем план Маршалла, а он часами обсуждает вопрос о премиях для литературы... Подумайте, мадам! Непостижимое леденящее хладнокровие. ...Мы делаем еще одну ставку — мы хотим повернуть вашу уважаемую страну против коммунизма...

Но и эта ставка оказывается битой. Все предусмотрел Мак-Хилл, кроме одного — организованности и бдительности народа. И пока заговорщики планируют захват телеграфа, новый министр общественной безопасности — коммунист Вента (С. Лукьянов) — производит последние аресты.

Финал спектакля «Я хочу домой» в Центральном детском театре. Саша Бутузов — А. Лебедев, майор Добрынин — А. Михайлов, Ира Соколова — Н. Румянцева.

Уже схвачен секретарь Христины Падера Лютов, под именем которого скрывается матерый нацист Гейнц; задержан народом при попытке бежать кардинал Бирнч со своей тенью — монахом Яссой (Г. Мерлинский); взята под стражу Христина Падера, а мистер Мак-Хилл высылается из страны. К власти приходят новые люди, подобные Коста Варра, выдвинутому народом на пост министра продовольствия. А за окнами его кабинета слышится пение «Интернационала», гул торжествующих победу народных масс.

Сцена из спектакля «Заговор обреченных» в Центральном театре транспорта. Ганна Лихта (справа) — Л. Скопина, Христина Падера — Г. Симонова.

Фото С. Шингарева

— Это что же, коммунизм, что ли, товарищ Лихта? — спрашивает Коста Варра.

— Нет, Коста, это еще не коммунизм... Но все дороги ведут к нему, и только к нему...— отвечает Ганна Лихта, завершая спектакль.— Как маяк в ночи, Советский Союз указывает нам путь к счастью, идеалы Ленина и Сталина освещают этот путь.

Поджигателям новой войны, угрожающим человечеству атомной бомбой, не удастся запугать народы, вырвавшиеся из империалистической цепи и вступившие на демократический путь,— таков политический вывод спектакля.

Тональность его одинакова и в Театре имени Вахтангова и в Центральном театре транспорта, где актерский коллектив с такой же страстностью и убежденностью, как и вахтанговцы, раскрывает идейный замысел драматурга.

Особенно яркие образы создают в Центральном театре транспорта Л. Скопина — Ганна Лихта— и Г. Симонова—Христина Падера,— показывающие всю глубину противоречий между двумя лагерями: лагерем демократии во главе с Советским Союзом и лагерем империализма во главе с США.

Когда в спектакле выходят на сцену человек социалистического общества и человек растленного, капиталистического мира, зритель знает: предстоит жестокий поединок идей, мировоззрений, этических принципов. И победа в этом поединке будет всегда на стороне носителей прогрессивной идеологии.

Такой поединок мы наблюдали во многих пьесах, в которых советский театр давал бой своему идеологическому противнику. Такой поединок мы видим и в новой пьесе С. Михалкова «Я хочу домой», показанной недавно в Центральном детском театре.

— Я хочу домой,— говорит Саша Бутузов, питомец так называемого приюта для сирот, находящегося в английской зоне оккупации Германии. Домой, на Советскую Родину, к матери, портрет которой мальчик хранит как величайшую драгоценность. Даже хищные звери понимают, что такое мать. Но мистер Кук, представитель британских военных властей, понимать этого не хочет.

— Пропаганда! — усмехается он.

Не один Саша Бутузов стал жертвой эмиссаров Лондона и Вашингтона, выполняющих черные задания империалистической реакции. Немало советских детей, оторванных от Родины, от родного дома, томится в англо-американских концлагерях, лицемерно именуемых приютами для сирот.

Палачи, одетые в мундиры хозяев Бизонии, объявляют детей принадлежащими к любой национальности, кроме русской, лишь бы не возвращать их на родину по требованию советских представителей. Для чего?

— Для того, чтобы не ваш сын прыгал с парашютом на территорию врага,— говорит тот же Кук представительнице британского Красного Креста.

Но советские люди добиваются и добьются возвращения своих детей. И нет ни одного человека в зрительном зале театра, который не был бы уверен в моральной победе двух советских офицеров, добивающихся освобождения из английского концлагеря Саши Бутузова и его товарищей. И какой дружный, несмолкающий гром аплодисментов встречает Иру Соколову и Сашу Бутузова, появляющихся в финале спектакля в костюмах советских школьников с пионерскими галстуками на шее!

Высоким патриотическим пафосом проникнута пьеса С. Михалкова, нашедшая яркое сценическое воплощение в постановке Центрального детского театра (режиссеры — О. Пыжова и Б. Бибиков, художник — Б. Кноблок). Живые, выразительные образы создали участники спектакля А. Михайлов (майор Добрынин), А. Лебедев (Саша Бутузов), Н. Румянцева (Ира Соколова), М. Пшеничникова (Смайда, воспитательница приюта).

Великое чувство ненависти и гнева к палачам в англо-американских военных мундирах вызывает этот спектакль, разоблачающий еще одно преступление поджигателей новой войны.

Такова идейная линия советского театра, воплощающая в себе его высокие гуманистические цели в борьбе против тлетворной, человеконенавистнической идеологии империализма.

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки **Г. Валька**

В дверь тихонько постучали, и тонкий детский голосок спросил:

— Можно?

— Можно, — откликнулся Иван Кондратьич, продолжая рассматривать себя в зеркале.

— А по-моему, нельзя,— ворчливо сказал Петр Ильич, также глядя в зеркало и разговаривая, как обычно, не столько с самим Иваном Кондратьичем, сколько с его отражением. — Как это так — можно? Только что от представителей фабкома отделались, а теперь кто? Представители детских яслей? Этак ведь нам загримироваться не дадут.

— Не ворчите, ангел, — миролюбиво сказал Иван Кондратьич.— Я же знаю: когда у нас выездной спектакль, так на вас, голубчик, будто чорт поехал. Если это ребята, милости просим. Им хочется поглазеть на артиста.

И он повторил громче:

— Можно, входите!

Дверь отворилась. Но это были вовсе не ребята или, скорее, это были ребята, но вовсе не ясельного возраста. В артистическую уборную фабричного клуба, робко улыбаясь, вошла совсем молоденькая девушка с таким свежим личиком, что, взглянув на него, сразу вспоминалось крымское яблоко. Следом за ней появился коренастый паренек. Он, повидимому, от смущения обеими руками приглаживал свои чересчур буйные вихры.

— Вы нас извините, пожалуйста,— тоненьким голосом сказала девушка,— мы пришли с Митей Гогиным нарочно перед спектаклем, чтобы потом уже не мешать.

— И все раано, кажется, помешали,— ломающимся баском сказал Митя Гогин и начал обдергивать на себе пиджак, а вихры на его голове опять задорно встали дыбом.

— Безусловно, помешали,— сурово сказал гример, демонстративно перекладывая на столе коробку с красками, растушевки и заячью лапку.

— Мы на одну только минуточку,— умоляюще сказала девушка.— Нас ребята уполномочили...

— Ребята, ребята...— проворчал Петр Ильич.— Как будто здесь игра, честное слово.

Он терпеть не мог, когда в уборной находились посторонние в то время, как он священнодействовал над лицом народного артиста.

— Ничего, садитесь! — сказал Иван Кондратьич, рассматривая в зеркале неожиданных посетителей. — На меня не глядите, я Чацкий только еще наполовину — и, подмигнув подведенным глазом, обратился к гримеру: — Вот бы нам такую Софью! А, Петр Ильич?

Но гример был явно не в духе:

— Для Софьи талант нужен, Иван Кондратьич. А если таланта нет...

Петр Ильич был прекрасным гримером, мастером своего дела. Но когда-то, очень давно, в ранней молодости, он лелеял мечту о сцене. Мечта не осуществилась. В первой же своей бессловесной роли лакея он до того заробел, что опрокинул стакан с водой на белоснежный парик какой-то герцогини. На этом кончилась его артистическая карьера. Но театр уже тридцать лет оставался его святыней. И когда вот такие юнцы проникали за кулисы и попросту, как равные с равными, заговаривали с артистами, в нем подымалось ревнивое чувство.

Петр Ильич строго обратился к девушке:

— Ты кем работаешь?

Она улыбнулась:

— Ткачихой. А что?

— Вот и работай,— наставительно произнес Петр Ильич. — Для того, чтобы на сцене играть, талант нужен. А ты работай хорошенько, где работаешь, глядишь человеком будешь.

Девушка засмеялась, а Митя Гогин сказал запальчиво:

— Как странно вы рассуждаете! А ткачихе, по-вашему, талант не нужен?

Гример ничего не ответил и с особым старанием занялся толстым носом артиста, придавая ему классическую форму.

— Для нас, Иван Кондратьич, очень, очень большой праздник, что вы приехали к нам на фабрику,— сказала девушка.— И мы решили...

— И мы решили использовать вас на все сто! — гулко подсказал Митя.

— Как? Как?

Артист неудержимо расхохотался, а Петр Ильич возмутился не на шутку:

— Ведь это что делается! Или мы будем смеяться или мы будем гримироваться, Иван Кондратьич! А вы, дорогой товарищ — обиженно обратился он к Мите,— вы все-таки не с агрегатом разговариваете, а с народным артистом. Использовать, главное дело! Да еще на все сто!

— Митя, ты не мешайся,— нахмурилась девушка.— А вы, товарищ гример, не обижайтесь, он в общем правильно высказался, только невежливо. Мы хотели вас просить, Иван Кондратьич, чтобы вы после спектакля немножко побеседовали с нашей молодежью: Ну там... чтоб вы рассказали про себя... Как вы были молодой...

Артист кивнул и утвердительно промычал:

— Ммм... — потому что гример в это время трудился над его губами, вырисовывая античную линию, так называемый «лук Венеры».

Петр Ильич нарочно медлил, накладывая на губы артиста красную краску. Это давало ему возможность поговорить самому и, как он про себя решил, — «поставить глупых ребят на свое место». Он сказал:

— Удивительный народ! Вы что, не знаете, что такое «Горе от ума»?

— Почему мы не знаем? Мы знаем, что такое «Горе от ума»,— с достоинством сказал Митя.

— Нет, наверное, не знаете! После такого монолога: «Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок! Карету мне, карету!»,— с выражением продекламировал гример, — и вдруг еще какие-то беседы! Все только о себе думаете...

Артист нетерпеливо покрутил головой:

— Мммм!

— Не ммм, Иван Кондратьич, а я правильно говорю.

— Нет, неправильно, — тоном завзятого спорщика возразил Митя. — Почему это мы только о себе думаем? Вот, например, Лена... — он кивнул на девушку, но, почувствовав новый толчок в бок, поправился: — Вот, например, у нас есть ткачихи — на двух восьмерках работают! Сразу на шестнадцати жаккардовых станках! Одновременно! Вы понимаете, что это такое? Так разве они только о себе думают?

— Понимаю, но для нас это не пример, — упрямо сказал Петр Ильич. — Потому что мы в театре сразу на двух восьмерках не можем. Чего не выдумают, ей богу! Если в пьесе шестнадцать ролей, то Иван Кондратьич — хоть и народный артист, но чтоб одновременно...

«Лук Венеры» был выведен мастерски, и артист, наконец, смог раскрыть рот.

— Фу, Петр Ильич, какую вы несуразицу несете! Молодежь совершенно права, надо на двух восьмерках! И я, товарищи, обязательно с вами побеседую после спектакля. С удовольствием! А сейчас, извините, мне пора одеваться.

— Спасибо, Иван Кондратьич!— с жаром сказали Лена и Митя, победоносно поглядели на гримера и на цыпочках вышли из уборной.

В коридоре их нагнал Петр Ильич. Он сказал сурово:

— Нехорошо. У Ивана Кондратьича завтра утром генеральная репетиция премьеры. Он по доброте согласился с вами беседовать, а вы и рады. А все-таки, товарищи, надо бы считаться. Он вон какой человек — народный артист! А вы что такое? Покамест ничего из себя не представляете, просто ребята. Но деликатности нету. Эгоисты. Эх...

И все же после бурных аплодисментов и бесконечных вызовов беседа состоялась. И даже появившийся откуда-то фотокорреспондент снимал при вспышках магния народного артиста, окруженного фабричной молодежью.

Наутро, перед генеральной репетицией, в уборную Ивана Кондратьича вошел Петр Ильич. Он был задумчив и молчалив. Поздоровавшись, он приступил к работе.

— Вы и нынче сердитый? Кажется, мы у себя дома, и никто вас не беспокоит? — сказал артист.

— Сам беспокоюсь, — вздохнул гример. — Нехорошо получилось, Иван Кондратьич. Вы сегодняшнюю газету видали?

— Признаться, не успел. А что?

Гример вынул из кармана газету, расправил ее и положил на стол.

— О-о! — с удовольствием произнес артист. — Фотография? Удачно.

— Вы подпись прочтите — кротко попросил гример.

— А что такое?.. Слева направо народный артист... Э-э... знатная ткачиха Елена Васильевна... стахановец, рационализатор производства Дмитрий Гогин...

Иван Кондратьич поднял на гримера смеющиеся глаза:

— Ну, и что же? Те самые, вчерашние ребята!..

— Вчерашние, — вздохнул Петр Ильич. — То-то и есть, что ребята они вчерашние, а нынче обнаружилось, что они знатные люди, рационализаторы производства и вообще...

—...таланты, — подсказал артист.

— Именно.

Гример смущенно покачал головой и взялся за растушевку.

ЖИЗНЬ ПТИЦ НА ЭКРАНЕ

Ранняя осень. Аисты собираются в стаи, готовясь к путешествию в теплые края. На их пути лежат дремучие леса, горные хребты, морские просторы.

Пробиваясь сквозь туман, летит низко над землей стая. Одна из птиц поранила крыло о телеграфные провода и падает на землю. Привязанность к ней заставляет вернуться самца. Так пара аистов осталась зимовать на украинской земле. Самым страшным оказался день, когда выпал снег и замерзли ручьи. Только случайность спасла птиц от неминуемой гибели: их подобрал и выходил сельский учитель.

Тщательно, с большим искусством сооружается гнездо.

Весной, выпуская аистов на волю, учитель окольцевал их. Но птицы не покинули гостеприимного места, они остались жить во дворе школы, свив гнездо на вершине старого дуба.

...Еще совсем недавно казалось, что на материале живой природы невозможно снять сюжетный научно-популярный фильм. Однако созданные за последние годы режиссером Б. Долиным фильмы «Закон великой любви» (отмечен Сталинской премией) и «Звериной тропой» опровергли это укоренившееся было мнение. Первый фильм, главным актером в котором был лисенок по кличке «Малыш», представляет своеобразную новеллу из жизни лисьей семьи, второй — рассказ о стаде диких горных козлов, о судьбе вожака стада.

Новая кинокартина, «История одного кольца», повествующая о сложной и интересной жизни окольцованных аистов, кратко знакомит с одним из увлекательнейших разделов орнитологии — с системой и значением кольцевания, помогающего изучать пролетные пути птиц.

Безусловным достоинством картины является то, что ее создатели не ограничились показом семьи аистов, а запечатлели сокровенные подробности жизни различных птиц в естественных условиях. Как в хорошем романе, в фильме переплетаются драматические события, участниками которых являются такие персонажи, как лебеди и дикие утки, журавли и чайки, скворцы и воробьи.

Только огромная любовь к природе, острая наблюдательность и большое терпенье позволили съемочному коллективу заснять такие редкие эпизоды, как бой диких уток, строительство гнезда аистами, первые шаги птенцов чайки и особенно эффектные кадры нападения орла на лебедей, защищающих свое потомство.

Борису Долину не раз приходилось иметь дело с необычайными «киноактерами», которые зачастую не считались с его творческими замыслами и самовольно покидали съемку. Так было и на этот раз. Но режиссер упорно отказывался от работы с прирученными птицами: по его мнению, такие «актеры» скованы в своих действиях, неестественны.

Картина снималась разнообразными способами, и каждый из них был труден. Для того чтобы птицы привыкли к человеку и киноаппарату, приходилось часами и даже днями просиживать неподвижно «в засаде». Но и «приучив актеров», режиссер должен был быть готов к любым сюрпризам. Вдруг, к примеру, проявился инстинкт страха у аистят, которые росли на глазах у съемочного коллектива, и оператор, чтобы вернуть птенцов в нормальное состояние, вынужден был покинуть вышку, оставив там кинокамеру. Съемка затем производилась «вслепую» — хитроумным включением аппарата с земли.

Преодоление таких неожиданностей доставляло много хлопот, но зато фильм создавался в той атмосфере естественности и правды, которая и определила его ценность. Картина пробуждает в зрителе наблюдательность, расширяет границы его знаний, воспитывает в нем благородные чувства и любовь к природе нашей Родины.

Но почему — «История одного кольца»? Весной 1942 года украинское село, где жили окольцованные аисты, было сожжено немцами. Погибло новое поколение птенцов. Погиб и аист. В следующую весну инстинкт привел одинокую самку на пепелище. Прошел еще год, село было освобождено от немцев, и она, как и раньше, поселилась на старом, теперь обгоревшем дубе, у вновь отстроенного здания школы. И вот в большом, удобном гнезде образовалась новая семья.

На этом и заканчивается история окольцованной птицы, рассказанная с большим знанием научного материала, с подлинным чувством поэзии.

Л. БАРН

Кинооператоры подолгу подстерегают в засаде «актеров».

Кот, очевидно, не представляет себе, что ждет его через секунду... (Фото вверху.)

Своим телом мать заслоняет детенышей от жары. (Фото в центре).

На вершине старого обгоревшего дуба обосновалась новая семья. (Фото внизу.)

Ранец Никольского

Все это и много других забот ждали предприимчивых и деятельных ребят на берегу Московского моря.

Весь день прошел в подготовке к торжественному открытию лагеря и к приему гостей. Глубокой ночью, захватив рыболовные снасти, группа ребят отправилась на рыбную ловлю. Ночь выдалась прохладная. Физрук школы Евгений Федорович Власов боялся, что кто-нибудь струсит, когда придется лезть в холодную воду. Быстро скинув одежду, ребята вошли в воду и потянули бредень. Остаток ночи и весь день они рыбачили...

На другой день над лагерем взвился флаг. Хозяева с нескрываемым восторгом показали гостям свою столовую, кухню, метеостанцию, пристань и, наконец, свой «музей», где демонстрировались кладка костра и походного очага, сушилка для вещей и обуви.

Каждый день лагерной жизни был насыщен интересными делами. В походах ребята засняли береговую линию залива «Юность», произвели промер глубин, определили породы рыб, обитающих в заливе, установили характер леса, окружающего лагерь, и описали промыслы соседних сел.

* * *

Уже осенью исчезли на ладонях мозоли, натертые веслами и лопатками, но юные туристы все еще полны впечатлений. Организаторы лагеря Андрей Москвитин, Николай Трофимов, Виктор Безлепкин сдают экзамены на аттестат зрелости, но они продолжают принимать самое деятельное участие в создании нового лагеря на берегу Московского моря.

— А не мешает ли это вам готовиться к экзаменам?

— Наоборот! — в один голос ответили выпускники. — Мы очень жалеем, что так поздно стали заниматься туризмом. Мне кажется, — добавил Николай Трофимов, — что я никогда так много не успевал, как в этом году, после лета, проведенного в туристском лагере. Сейчас загородные прогулки стали моей естественной потребностью. В нашей школе все поголовно «заболели» туризмом.

В этом году лагерь приглашает к себе в гости не только московских школьников: в нем побывают юные туристы Киева, Минска, Кишинева и других городов Советского Союза.

...Свыше пяти миллионов школьников участвовало в прошлом году в туристских походах по родной стране. В Горной Шории и на раскопках древних городов Армении, на строительных площадках Запорожья и Магнитогорска, в ботанических садах и государствен-

В дневнике школьного туристского лагеря значится такая запись: «С утра ловили рыбу. К обеду была замечательная жареная рыба, которой угостили приехавшего к нам В. В. Никольского».

— А ранец с ним был? — спросил кто-то у начальника лагеря Андрея Москвитина.

— Конечно, был, — ответил он, просияв. — А какой у него охотничий нож!..

Ранец Никольского, из которого мгновенно извлекается все, что может понадобиться в путешествии, — предмет зависти многих юных туристов. Компас и карта, куски кожи и блокнот, шнуры и лоскутки, залитая воском гильза со спичками и кусочком терки, крючки для подвешивания котелка — чего только нет в этом небольшом ранце — непременном спутнике Никольского!

Ранец любого туриста может многое рассказать о своем хозяине: является ли он опытным путешественником или зеленым новичком. С одной стороны, очень важно иметь под рукой все необходимое в походе, на привале, и в то же время нельзя перегружать себя лишним багажом; поэтому каждая вещь, взятая в поход, должка отбираться с большой тщательностью.

Туристу нужно уметь уверенно читать карту, пользоваться компасом и разжечь в дождливую погоду костер из сырых сучьев. Обувь туриста должна быть всегда в порядке, и ему надо поэтому знать начатки сапожного дела.

Никольский может перечислить больше десятка знакомых ему профессий и ремесел. Он географ и геолог, ботаник и снайпер, сапожник и топограф, плотник и кулинар. И ни одна профессия не оказывается лишней в пути.

Много раз отправлялся Владимир Васильевич Никольский с ребятами в походы по родной земле. Он водил юных следопытов по Сибири и Кавказу, Подмосковью и Смоленщине. Свыше 40 тысяч километров прошел он со своими малолетними спутниками на лыжах и пешком, проплыл на лодках по рекам нашей Родины, прививая ребятам любознательность, чувство товарищества и физическую выносливость.

В прошлом году Никольский совершил путешествие по Карельскому перешейку. Он отправился в поход после традиционного слета юных путешественников Москвы в бухте Радости.

Здесь следует сказать об истории возникновения туристского лагеря на берегу Московского моря, у деревни Аксаково.

Однажды на Центральную станцию юных туристов к старшему методисту Д. Г. Ченцову явилась группа учеников 324-й школы. Никто из них раньше в походах не участвовал. Будущих туристов предупредили, что с начала до конца они должны организовать лагерь сами, ибо таков непреложный закон туристов. Никто их там обслуживать не будет, и им придется заботиться не только о себе, но и о ребятах, которые приедут к ним в гости.

В дневнике нового лагеря появилась первая запись: «По прибытии занялись разбивкой двадцатиместной палатки. К наступлению темноты палатка была установлена». Так началась лагерная жизнь. Но этому дню предшествовала кропотливая подготовка. Андрея Москвитина, Николая Трофимова, Вадима Вансовича, Виктора Безлепкина и других можно было встретить в Московском комитете комсомола, в обществе «Рыболов-спортсмен», в Планетарии, спортивном обществе «Большевик» и других организациях. И везде ребятам приходилось убеждать, доказывать. Ведь их никто не знал, и не было уверенности в том, что им можно поручить дорогие снасти, байдарки, телескоп, шлюпки, палатки и другое имущество...

Первые же дни пребывания в лагере принесли много хлопот. Нужно было заготовить дрова для кухни, достать из леса лапник для постелей и сушняк, заготовить колья, необходимые для оборудования лагеря, собрать байдарки, устроить столовую, установить метеостанцию и начать вести наблюдение за направлением и скоростью ветра, температурой воздуха и воды, сделать солнечные часы, составить карту Краснополянского района, привести в порядок рыболовные снасти.

Молодые туристы вышли в двухдневный поход. По карте с помощью компаса они определяют место своего нахождения. В центре — руководитель группы В. В. Никольский.

Фото В. Токарева

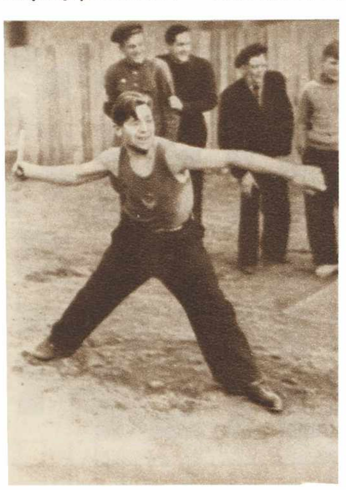

Люди советского спорта

Вальцовщик Петр Строков

На спортивной площадке московского дважды орденоносного завода «Серп и молот» можно часто встретить невысокого, широкоплечего человека с приятным, открытым лицом. На вид ему лет сорок. Почти всегда в руках спортсмена увесистые, окованные металлическими муфтами городошные биты. Это мастер спорта Петр Михайлович Строков—экс-чемпион страны по городкам и один из лучших вальцовщиков «Серпа и молота».

...24 года тому назад не имевший квалификации Петя Строков пришел на «Серп и молот» чернорабочим. Рос завод, росли вместе с ним и люди. Петр Строков скоро овладел профессией резчика металла, а затем сложной специальностью крючочника. Сейчас он, высококвалифицированный вальцовщик, работает на крупнейшем сортопрокатном стане. Эта мощная и сложная машина превращает большие слитки стали в прокат самых различных и тонких профилей.

П. Строков на соревновании городошников.

Чтобы работать на стане вальцовщиком. необходимо, кроме знаний, обладать немалой физической силой, точным глазомером, ловкостью и сноровкой. Все эти качества Петр Строков приобрел, занимаясь спортом. Уже давно известен он на заводе как отличный физкультурник. Занятие любимым видом спорта — городками — превратилось для него в необходимость.

Многие из рабочих, присутствовавших раньше в качестве зрителей на соревнованиях Петра Строкова, стали теперь активными и страстными участниками городошных состязаний. В городки играют здесь люди самых различных возрастов. На заводской спортивной площадке с битами в руках можно встретить известного стахановца-токаря Сергея Кузьмича Кузьмина, проработавшего на заводе более пятидесяти лет, и руководителя комсомольско-молодежной бригады Вадима Макушина, старейшего листопрокатчика Василия Ивановича Набатова и слесаря-лекальщика Виктора Логинова.

Хорошей традицией на заводе стали соревнования городошников в День печати на приз заводской газеты «Мартеновка».

Некоторые физкультурники «Серпа и молота» — теперь известные всей стране мастера-спортсмены. В 1946 году Строков занял первое место в розыгрыше личного первенства страны по городкам. В прошлом году команда «Металлурга». куда входили мастер спорта П. Строков и работник листопрокатного цеха завода Н. Цицинов, завоевала звание чемпиона Советского Союза. В проходивших недавно соревнованиях городошников Москвы почетный трофей достался также команде «Металлурга».

Четкость движений пригодилась ему в работе.

Фото М. Савина

Физкультурники «Серпа и молота» — инициаторы и активные участники социалистического соревнования в цехах завода.

Смена, которой руководит мастер Василий Сергеевич Алексеев, твердо решила побить рекорд по прокату слитков. На собрании перед началом работы партгрупорг тов. Строков произнес речь, призывавшую к новым трудовым подвигам во имя Родины. Рабочие обязались дать значительно больше проката, чем намечалось планом.

Затем тов. Алексеев нажал кнопку — и под высокими сводами цеха зазвучала сирена. Медленно повернулся огромный маховик, приводя в движение механизмы сложного стана, и привычный грохот вращающихся валов наполнил пространство.

А в это время по жолобу из нагревательной печи уже шла первая болванка, раскаленная до температуры более тысячи градусов. Подхваченный зубьями механической лебедки, слиток покорно лег на вращающиеся рольганги и скользнул к стану. Настала очередь вальцовщика. Ловким движением он с помощью клещей направлял болванку в ручей роликов.

Уже меньше чем через минуту, пройдя несколько раз через мощное давление роликов стана, болванка превратилась в пышущую жаром металлическую полосу длиной в сто с лишним метров. Змеей полоса направилась к большому диску механической пилы.

К концу рабочего дня смена Алексеева прокатала 560 слитков. Это была новая крупная победа коллектива.

Особенно отличился вальцовщик Строков. Четкость движений, сила рук и ловкость спортсмена как нельзя лучше пригодились ему в работе. Размеренный ритм работы Строкова передавался всему коллективу смены.

«Спорт—помощник вальцовщика», — часто говорит Петр Михайлович. Вот почему с такой любовью занимается он городками. Ведь многие движения в этой игре сходны с движениями рабочего-вальцовщика. Она помогает укрепить и натренировать мышцы, сделать их привычными к физическому напряжению, выработать точную координацию движений.

Дм. ЛЮБИМОВ

ных заповедниках, на полезащитных полосах лесных насаждений где-нибудь в Сальских степях — всюду и везде перед путешественниками оживали страницы учебников.

«Уже проехали Устьпинегу, Орлецы. Далеко остался Архангельск, но тысячи и тысячи бревен, связанных в плоты, напоминают нам о родном городе — «Всесоюзной лесопилке», — пишет в своем дневнике Люся Симахина. — Нас провожают двинские берега, то высокие и обрывистые, покрытые хвойными деревьями, то низкие, песчаные, с далеко простирающимися в реку косами, или «кошками», поросшими ивняком или луговой растительностью».

Архангельские школьники побывали на механизированных лесопунктах, сельской электростанции, ферме знаменитых холмогорских коров. Юные туристы впервые в жизни увидели электропилу, ознакомились с тем, как изготовляют сыр, определяют жирность молока. В Орлецах ребята собрали образцы гипса, известняка и других полезных ископаемых. Юные путешественники узнали, что в Архангельской области множество месторождений гипса, известняков, стекольных песков, горючих сланцев, кирпичной и гончарной глины.

Ребята-туристы бывали счастливы, если им удавалось сделать полезное дело. Восемь учеников Устькачкинской школы, Краснокамского района, Молотовской области, по просьбе председателя колхоза исследовали реку Качку и ее притоки. Юные краеведы составили план реки, нанесли на карту деревни, расположенные по берегам или недалеко от них.

Учащиеся Сапожковской средней школы, Рязанской области, путешествуя по реке Пожве, нашли залежи белой глины, кварцевого песка и лечебного торфа.

В геологических управлениях, географических обществах сообщения юных туристов уже не вызывают снисходительной улыбки. Стараниями этих путешественников во многих областях найдены новые запасы сырья, стройматериалов, обнаружены лекарственные травы.

Ребятам, отправляющимся в походы, нередко даются серьезные поручения. Московское областное управление водного хозяйства обратилось к юным туристам с предложением заняться этим летом изучением водных ресурсов Московской области. Дети с восторгом приняли это предложение, и сейчас в школах можно нередко встретить главного инженера Михаила Владимировича Нечаева. Он знакомит участников экспедиций с задачами, которые ставит перед ними областное управление водного хозяйства.

* * *

Приближаются летние каникулы. В школах, домах пионеров, клубах юных туристов царит оживление. Там разрабатывают и уточняют маршруты, готовят карты, знакомятся с планами полезащитных лесонасаждений, укладывают рюкзаки.

— Ну, а если нас спросят о метро или Планетарии,— заметил кто-то из участников прошлогоднего путешествия в Туркмению,— сумеем мы ответить?

Ребята призадумались.

— Выходит, — сказал, улыбаясь, руководитель группы, — что путешествие по стране придется начать с путешествия по Москве.

И все туристы 401-й школы разъехались в разные концы: один — в Планетарий, другой — в Ботанический сад, третий — в Зоологический. Женя Прохоров 15 раз проехал на метро, внимательно осмотрел все станции. Целый день провели ребята в Библиотеке имени Ленина. И юные туристы воочию убедились, насколько увлекателен и полезен самый процесс подготовки к путешествию. Сколько приходится книг прочесть, докладов прослушать, фотографий просмотреть!

Юные туристы Москвы готовятся к приему гостей из братских республик. Городской Дом пионеров пригласил на летние каникулы юных туристов из Таджикистана, районный Бауманский — из Армении, Железнодорожный — из Литвы, Кировский — из Молдавии, Сокольнический — из Киргизии. Ребята совершат путешествия по Московскому морю, побывают в музеях и театрах столицы.

Около десяти миллионов ребят примет в этом году участие в походах по родной стране.

Скоро юные путешественники Москвы соберутся на свой традиционный слет, которым начнется летний туристский сезон. С ранцами за плечами, пешком и на велосипедах, на байдарках и лодках они прибудут в бухту Радости. И там в числе тех, кому будут они рапортовать о своей готовности к путешествию, будет Владимир Васильевич Никольский со своим ранцем, из которого мгновенно извлекается все, что необходимо туристу в пути.

М. СМЕЛЯНСКАЯ

ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира гросмейстера М. Ботвинника

СОРЕВНОВАНИЕ СЕЛЬСКИХ ШАХМАТИСТОВ

Н. Борисенков.

В соревнованиях колхозных шахматистов РСФСР принимало участие свыше 100 тысяч человек. В марте в Москву съехались 15 победителей этих состязаний, чтобы определить чемпиона РСФСР среди колхозников на 1949 год.

В финальном турнире играли представители самых различных профессий нашей советской деревни; творческий шахматный их облик был также весьма различен.

Любопытен, например, стиль игры тов. Ринчинова, представителя Бурят-Монголии. Сейчас он играет по европейским правилам, которые приняты почти во всем мире. Но учился, видимо, Ринчинов у пожилых местных шахматистов, которым такое «новшество», как рокировка, не было известно, — и он до сих пор избегает рокировки...

Уверенно играют товарищи Борисенков (Московская область), Утяганов (Челябинская область) и Журавлев (Калининская область). Безусловно, они были сильнее остальных участников, и между ними происходила борьба за первое место.

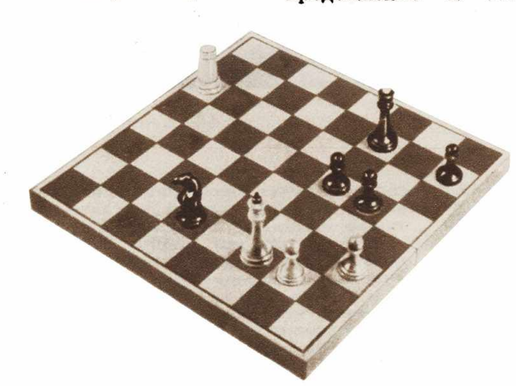
В последнем туре Борисенков выиграл партию у Утяганова, а Журавлев — у Юзихина, набрав равное количество очков. Таким образом, финальный турнир не определил победителя, и между Борисенковым и Журавлевым был назначен матч на большинство из четырех партий.

Еще до начала этого матчевого соревнования было ясно, что оно пройдет в напряженной борьбе. Если Журавлев является вдумчивым, серьезным шахматистом, хорошо понимающим позицию, то Борисенков обладает талантом тактика и весьма высокими спортивными качествами, — вполне понятно, что их матч представлял не только спортивный интерес именно вследствие разнохарактерности их стилей.

Примером недюжинных тактических способностей Борисенкова может служить окончание его партии с Юзихиным, кстати сказать, единственной партии, проигранной Борисенковым в финальном турнире.

В позиции, изображенной на снимке (белые — Юзихин: Kpf2, Ла6, П. g2, h3; черные — Борисенков: Kpf7, Kd2, П. f5, g5, h7) у черных за качество — пешка, но это не является достаточной компенсацией.

Король черных отрезан белой ладьей (по шестой линии) от своих пешек, и белым остается только перевести короля на поле e5, чтобы обеспечить выигрыш партии.

Черных не может спасти и наличие пешек у обеих сторон лишь на одном фланге. Иное дело было, если бы черная пешка h была бы уже на поле h4, — тогда у белых образовалась бы слабая пешка на g2 и шансы черных на ничью были бы весьма высоки.

Вообще черная пешка на h7 расположена неудачно. Легко заметить, что продвинуть ее черные не могут: на 1. ... h5 последовало бы 2. h4! gh3. Kpe3 Ke4 4. Kpf4 и черные не в силах оказать длительное сопротивление.

Итак, казалось бы, дела черных плохи; Борисенков, однако, находит любопытную возможность.

1. ... Kd2—c4
2. Kpf2—e2 Kc4—e5
3. Kpe2—e3 Ke5—g6

Здесь Юзихин призадумался: на что рассчитывают черные? Ну, конечно, на вариант 4. Kpd4 Kf4 5. Kpe5 K:g2 6. Kp:f5 Kf4: но ведь здесь может последовать 7. h4 и черным впору сдаваться. Стало быть, можно продолжать подводить короля в центр.

4. Kpe3—d4 ...

Этот малозаметный промах мог привести к ничьей; между тем после 4. Ла7+! (Вот когда можно было использовать позицию черного коня на h4: ход Kpg6 теперь невозможен.) Ke7 5. Kpd4 Kpf6 6. Ла6+ Kpf7 7. Kpe5 белые легко выигрывали.

Теперь Борисенков получает возможность провести спасающий маневр!

4. ... h7—h5!

Итак, черные продвинули свою отсталую пешку, и благодаря удачному взаимодействию черных фигур белый король не может прорваться, ибо все поля h4—e4 по четвертой горизонтали и e4—e8 по вертикали e контролируются черными. Черным остается лишь разменять пешки на королевском фланге, чтобы ничья стала очевидной.

5. g2—g3 h5—h4

Уверенный уже в ничейном исходе партии, Борисенков допускает непоправимую ошибку: продолжение 5. ... g4! 6. hg (или 6. h4 f4) hg вело к ничьей.

6. g3—g4! ...

Отлично сыграно! Белые не боятся предоставить черным проходную пешку h4, ибо теперь король прорывается по белым полям.

6. ... f5 : g4
7. h3 : g4 h4—h3!

Оказавшись вновь в плохом положении, черные продолжают борьбу с большой изобретательностью:

8. Kpd4—e4 Kg6—f4
9. Kpe4—f5 Kpf7—g7!

Замечательная ловушка! Правда, как всякая ловушка, она имела простое опровержение (10. Ла1! Kph6 11. Лh1!), но как удержаться от взятия пешки?

10. Kpf5 : g5 h3—h2!

Здесь белым пришлось уже серьезно подумать: намеченное заранее 11. Лh6 после 11. ... Ke6+!! приводило даже к их поражению. Этот хитрый шах конем — хороший материал для составления этюда!

Не проходит и 11. Ла1 Kh3+ 12. Kpf5 Kg1 13. Ла7+ Kpg8! 14. Kpg6 h1Ф! и поле a8, столь необходимое для белой ладьи, бито черным ферзем.

К счастью для белых, у них находится изящный путь к победе.

11. Ла6—а7+!

Этот промежуточный шах ведет к выигрышу решающего темпа.

Положение после 10-го хода черных.

11. ... Kpg7—g8
12. Ла7—а1 Kf4—h3+
13. Kpg5—g6 ...

Здесь у черных уже нет времени на ход 13. ... Kg1 (ввиду грозящего мата), и белые выиграли партию через пару ходов.

Хотя эндшпиль Борисенков и не сумел спасти, но этот пример с самой лучшей стороны демонстрирует его искусство тактика.

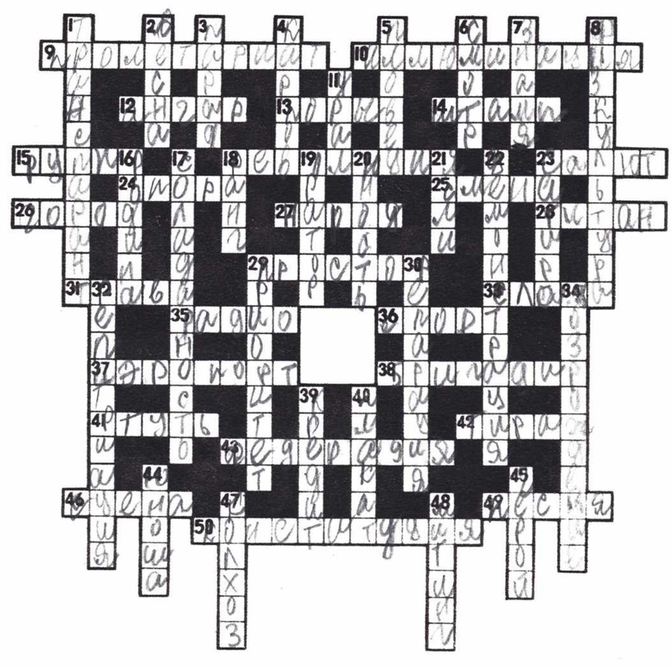
Матч из 4 партий между Борисенковым и Журавлевым дал ничейный результат, и поэтому была назначена решающая, пятая партия. В этой партии роли переменились, — видимо, Журавлеву изменили нервы: любопытно, что на этот раз он сам пытался вызвать тактические осложнения, пренебрег борьбой за позиции в центре доски, в то время как Борисенков методично увеличивал свое позиционное превосходство. На 41-м ходу Борисенков добился победы и завоевал почетное звание чемпиона РСФСР среди колхозников на 1949 год.

Соревнования колхозников — яркое свидетельство быстрого подъема культуры нашей социалистической деревни. Можно определенно утверждать, что победители финального турнира колхозников играют примерно в силу западноевропейских мастеров...

Эти соревнования отныне будут традиционными. Можно не сомневаться, что в 1950 году они будут еще более массовыми и пройдут с еще большим творческим и спортивным успехом.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Л. ВИГДОРОВИЧ (Москва)

По горизонтали:

9. Передовой революционный класс. 10. Праздничное освещение. 12. Аэродромное сооружение. 13. Мгновенное воодушевление. 14. Форма для серийного изготовления деталей. 15. Усилитель звука. 18. Насильственный общественный переворот. 23. Приветствие. 24. Поддержка. 25. Молодое поколение. 26. Населенный пункт. 27. Люди. 28. Исполин. 29. Раздолье. 31. Растительность. 33. Известность. 35. Изобретение русского ученого. 36. Физические упражнения. 37. Пункт воздушных сообщений. 38. Руководитель бригады. 41. Вид металла. 42. Количество экземпляров печатного издания. 43. Объединение государств, сохраняющих свою самостоятельность. 46. Часть театрального зала. 49. Вокальное произведение. 50. Свод основных государственных законов.

По вертикали:

1. Световое изображение на прозрачном холсте 2. Время года. 3. Торжественный смотр. 4. Советский химик. 5. Спортсмен. 6. Общественный показ. 7. Флаг. 8. Разностороннее физическое развитие. 11. Промышленный район СССР. 16. Отчизна. 17. Общность интересов. 18. Разряд. 19. Трибун. 20. Молодость. 21. Детское учреждение. 22. Массовое шествие. 23. Вид литературного произведения. 29. Первенство. 30. Возмещение убытков, нанесенных войной. 32. Возвращение граждан на родину. 34. Восстановление. 39. Бухгалтерский термин. 40. Агитационный рисунок. 44. Молодой человек. 45. Особо отличившийся в бою или труде. 47. Сельскохозяйственная артель. 48. Сходка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 17

По горизонтали:

4. Стрелок. 7. Трап. 9. Термометр. 11. Курс. 12. Оракул. 13. Май. 14. Эпилог. 17. Продавец. 18. Набросок. 23. Изверг. 24. Суверенитет. 25. Лебеда. 28. Подарок. 29. Линотип. 30. Скептик. 33. Кратер. 34. Регенератор. 35. Стража. 38. Тамбурин. 39. Пирамида. 41. Печать. 42. Мир. 43. Пирога. 47. Арык. 48. Рембрандт. 49. Азия. 50. Формула.

По вертикали:

1. Потеря. 2. Протез. 3. Веронал. 5. Трио. 6. Грог. 8. Платок. 9. Трубадур. 10. Репортер. 11. Колесо. 15. Телевидение. 16. Ратификация. 17. Перманент. 19. Клеопатра. 20. Автомат. 21. Феномен. 22. Левитан. 26. Бор. 27. Акт. 31. Редуктор. 32. Вокалист. 36. Смычок. 37. Мимоза. 40. Диорама. 41. Порт. 44. Ария. 45. Импорт. 46. Анилин.

Первая и последняя страницы обложки работы художника В. Климашина.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ. **Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.**

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. **Оформление И. Уразова.**

А — 05203. Подписано к печати 26/IV—49 г. Изд. № 233. 5½ печ. л. Тираж 350.000. Заказ 821. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ДЕНЬГИ ДЛЯ ПОЕЗДКИ НА КУРОРТ МОЖНО НАКОПИТЬ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ

ВНОСИТЕ ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ!

Цена 3 руб.